

ISSN 2219-6838



**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

4/2024



electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева** (Томск), д. ю. н., проф. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора), д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова** (Москва), д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская** (Москва), д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая** (Калининград), д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина** (Саратов), д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (Фехта), д. ю. н., проф. **И. А. Игнатьева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. В. Кодан** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова** (Москва), к. ю. н. **Я. Койстинен** (Хельсинки), д. ю. н., проф. **В. В. Комарова** (Москва), к. ю. н., доц. **Т. В. Кондрашова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **П. И. Кононов** (Киров), д. ю. н., проф. **Э. А. Кочкарова** (Бишкек), д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева** (Москва), д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова** (Пермь), д. ф. н., проф. **И. П. Малинова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. В. Марковичева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин** (Тюмень), д. ю. н., доц. **М. В. Мещанова** (Минск), д. ю. н., проф. **С. П. Мороз** (Алматы), д. и. н., проф. **В. П. Мотревич** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **В. В. Никишин** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев** (Екатеринбург), проф. **П. Поликастро** (Щецин), д. ю. н., проф. **С. Б. Поляков** (Пермь), д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова** (Саратов), д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова** (Красноярск), д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин** (Тюмень), д. ю. н., проф. **А. И. Стахов** (Москва), д. ю. н., проф. **В. Л. Толстых** (Москва), д. ю. н., проф. **А. Трунк** (Киль), д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **С. Д. Хазанов** (Екатеринбург), проф. **Хуан Даосю** (Пекин), д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров** (Красноярск), проф. **П. Шокинс** (Лёвен)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk), **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Huang Daoxiu** (prof., Beijing), **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **E. Kochkarova** (doctor of legal sciences, prof., Bishkek), **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences, Helsinki), **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof., Kirov), **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Perm), **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof., Yekaterinburg), **E. Markovicheva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **M. Miashchanava** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Minsk), **S. Moroz** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Policastro** (prof., Szczecin), **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, prof., Perm), **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg), **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof., Saratov), **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **O. Siegmunt** (doctor of philosophy, Vechta), **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof., Kiel), **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **P. Schoukens** (prof., Leuven), **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof., Kaliningrad), **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **T. Zаметина** (doctor of legal sciences, prof., Saratov)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМНАЯ ЛЕКЦИЯ

<i>Архипов С. И. (Екатеринбург)</i> Представления о правовом прогрессе в советском правоведении	5
---	---

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Афони́на О. С. (Калуга)</i> «Правовая процедура» и «юридическая процедура»: соотношение понятий	15
--	----

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

<i>Лихачев М. А. (Екатеринбург), Халафян Р. М. (Тюмень)</i> Правозащитный механизм Шанхайской организации сотрудничества: возможные сценарии	22
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

<i>Рачева Н. В., Бандурина Д. А. (Екатеринбург)</i> Некоторые особенности допроса медицинских работников по делам о ятрогенных преступлениях	36
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

<i>Аксёнов Д. И. (Екатеринбург)</i> Соотношение нематериальных благ и персональных данных	51
---	----

Трибуна молодого ученого

<i>Ловчикова Ю. В. (Москва)</i> Право свидетеля на квалифицированную юридическую помощь при даче показаний в налоговом органе	58
---	----

<i>Тимченко Н. Н. (Люберцы)</i> Криминалистические аспекты взаимодействия дознавателей таможенных органов Российской Федерации при расследовании криминальных валютных операций, предусмотренных ст. 193.1 Уголовного кодекса РФ: цели и субъекты взаимодействия	63
--	----

CONTENTS

A PROBLEM LECTURE

Arkhipov S. (Yekaterinburg) Ideas about legal progress in Soviet jurisprudence 5

THEORY OF LAW AND STATE

Afonina O. (Kaluga) Legal procedure and juridical procedure: the relationship of concepts 15

INTERNATIONAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

Likhachev M. (Yekaterinburg), Khalafyan R. (Tyumen) The mechanism of human rights protection in the SCO: the potentialities 22

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Racheva N., Bandurina D. (Yekaterinburg) Some features of the interrogation of medical workers in cases of iatrogenic crimes 36

CIVIL LAW AND PROCEDURE

Aksyonov D. (Yekaterinburg) The relationship between intangible benefits and personal data 51

YOUNG SCIENTISTS' TRIBUNE

Lovchikova Yu. (Moscow) The right of a witness to qualified legal assistance during interrogation by the tax authority 58

Timchenko N. (Lubertsy) Forensic aspects of interaction between investigators of customs authorities of the Russian Federation in the investigation of criminal currency transactions provided for in Art. 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: goals and subjects of interaction 63

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРАВОВОМ ПРОГРЕССЕ В СОВЕТСКОМ ПРАВОВЕДЕНИИ

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

В статье исследуются представления о правовом прогрессе, сформировавшиеся в рамках советской юридической науки. С точки зрения генезиса идеи поступательного правового развития (прогресса) советского строя выделены три основных этапа: 1) 1917 г. – середина 30-х гг. – период идеологического плюрализма, существования разных подходов к пониманию логики правового развития, определению перспектив правового будущего страны; 2) середина 30-х гг. – конец 50-х гг. – эпоха идеологического единства, формирования «генеральной линии партии» в отношении стратегии государственно-правового развития советского общества, создания целостной системы права; 3) конец 50-х гг. – 1991 г. – период правового либерализма, переосмысления социальной ценности права, его роли в жизни общества, перспектив правового развития страны. Автором даны подробные характеристики каждого из выделенных периодов, представлены обзоры основных точек зрения, позиций советских правоведов по проблеме правового развития общества в данную эпоху.

Ключевые слова: правовой прогресс, правовые идеалы, правовые ценности, стратегия правового развития, правовое будущее страны

Для цитирования: Архипов С. И. Представления о правовом прогрессе в советском правоведеии // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 4. С. 5–14. DOI: 10.34076/22196838_2024_4_5.

IDEAS ABOUT LEGAL PROGRESS IN SOVIET JURISPRUDENCE

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), visiting professor, Paris Nanterre (Paris, France), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

The article examines the ideas of legal progress formed within the framework of Soviet legal science. From the point of view of the genesis of the idea of progressive legal development (progress) there are three main stages of the Soviet system: the first stage (1917 – mid-30^s) is a period of ideological pluralism, the existence of different approaches to understanding the logic of legal development, and determining the prospects for the legal future of the country; the second stage (mid-30^s – late 50^s) is the era of ideological unity, the formation of the «general line of the party» in relation to the strategy of state and legal development of Soviet society, the creation of an integral system of law; the third stage (late 50^s – 1991) is the period of legal liberalism, rethinking the social value of law, his role in the life of society, prospects for the legal development of the country. The author gives detailed characteristics of each of the selected periods, provides reviews of the main points of view, positions of Soviet jurists on the problem of legal development of society in this era.

Key words: legal progress, legal ideals, legal values, strategy of legal development, legal future of the country

For citation: Arkhipov S. (2024) Ideas about legal progress in Soviet jurisprudence. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 5–14, DOI: 10.34076/22196838_2024_4_5.

Представления о правовом прогрессе, правовом будущем страны, перспективах развития советского государства и общества существенно менялись на протяжении XX столетия. С точки зрения генезиса идеи поступательного правового развития (прогресса) советского строя можно выделить три основных этапа:

первый этап (1917 г. – середина 30-х гг.) – период идеологического плюрализма, существования разных подходов к пониманию логики правового развития, определению перспектив правового будущего страны;

второй этап (середина 30-х гг. – конец 50-х гг.) – эпоха идеологического единства, формирования «генеральной линии партии» в отношении стратегии государственного-правового развития советского общества, создания целостной системы права;

третий этап (конец 50-х гг. – 1991 г.) – период правового либерализма, переосмысления социальной ценности права, его роли в жизни общества, перспектив правового развития страны.

В первый период наряду с марксистскими идеями социального переустройства мира в отечественном правоведении продолжали существовать естественноправовые и иные концепции, сформировавшиеся в дореволюционный период. К числу наиболее последовательных идеологических противников марксизма в этом вопросе можно отнести Н. Н. Алексеева¹, И. А. Ильина², П. И. Новгородцева³, П. А. Сорокина⁴, Е. Н. Трубецкого⁵. Их правовые идеалы кардинально расходились с представлениями коммунистов о будущем социальном мироустройстве. Советская власть в своей идеологической борьбе с инакомыслием в первые послереволюционные годы кроме уголовно-правовых репрессий использовала также принудительную эмиграцию («философские пароходы» и поезда), лишение возможности занятия преподавательской, научной деятельностью и другие методы. В результате чего многие известные российские правоведы были вынуждены покинуть страну, некоторые стали жертвами революционной стихии.

Наряду с крайними антимарксистскими позициями в советской юридической науке были также представлены умеренные взгляды, в соответствии с которыми советский строй признавался не отклонением от общего пути развития человечества, а естественным продолжением всемирного хода истории. Например, такую эволюционную концепцию отстаивал Я. А. Канторович. Он полагал, что советское право аккумулировало в себе основные западноевропейские идеи, несмотря на существующие различия между буржуазным и революционным правом России, у них есть общие начала, единые корни: «Наше советское имущественное право с его коллективистскими тенденциями – плоть от плоти и кость от кости индивидуалистического буржу-

¹ См.: Алексеев Н. Н. Введение в изучение права. М.: Моск. просвет. комиссия, 1918; *Его же*. Общее учение о праве: курс лекций, прочитанных в Таврическом ун-те в 1918/1919 г. Симферополь: Тип. Е. К. Брешко-Брешковской, 1919; *Его же*. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. Подробный анализ концепции Н. Н. Алексеева см.: Архипов С. И. Идея правового прогресса в трудах Н. Н. Алексеева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. С. 5–14. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_5.

² В работе «О сущности правосознания» (написана в 1919 г.) И. А. Ильин рассматривал право как «явление духовной правоты», «духовной солидарности», связующей человека с человеком, как нечто объективно верное и ценное, правовое будущее человечества видел в создании «сверхнационального и сверхгосударственного правового единения». См.: Ильин И. А. О сущности правосознания // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей. URL: <http://www.philosophy.ru/library/il/02/01.html> (дата обращения: 09.08.2024).

³ Анализ представлений П. И. Новгородцева о правовом прогрессе см.: Архипов С. И. Идея правового прогресса в трудах П. И. Новгородцева и И. А. Покровского // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 4. DOI: <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-4-5-16>.

⁴ Архипов С. И. Теория социально-правового прогресса Питирима Сорокина // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 6. С. 5–13. DOI: <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-6-5-13>.

⁵ См.: Трубецкой Е. Н. Звериное царство и грядущее возрождение России. [Б. м.: б. и.], 1919. Он полагал, что «тот путь звериного царства, куда большевизм увлекает мир, есть путь смерти», призывал к духовному возрождению, к подъему «в высшую надчеловеческую сферу» (Там же. С. 21).

азного имущественного права, в котором уже давно зреют коллективистские идеи, находящиеся ныне еще в фазисе проблемы, но неуклонно приближающиеся к своему осуществлению в нормах законодательств. Эта общность корней выразилась в том, что целые институты и отдельные нормы нашего Гражданского кодекса почти ничем не отличаются от институтов и норм буржуазных кодексов и даже прямо и дословно заимствованы из буржуазных законодательств»¹.

Новый социально-общественный строй Советской России, с его точки зрения, формируется в русле тех тенденций, которые уже давно существуют на Западе. В частности, идея социализации собственности, которая последовательно отстаивается большевиками, задолго до них зародилась в западноевропейской правовой культуре. Буржуазные государства уже давно стали соучастниками правового владения собственностью, от былой свободы распоряжения собственностью остались только незначительные следы: «Все это указывает, что общий ход истории идет в направлении постепенного ограничения права собственности, постепенного сужения автономного и свободного распоряжения имуществом, постепенно усиливающегося проникновения в индивидуалистические частнопроводные отношения начал публично-правовых и тенденций коллективистических»².

Частная собственность в ее классическом понимании, по убеждению Я. А. Канторовича, в современном западном мире постепенно отмирает. Ее трансформация была особенно заметна в период Первой мировой войны во всех странах, в частности в Германии, где в наибольшей степени проявился ее социалистический характер («военный социализм»). Окончательным результатом этого исторического процесса будет исчезновение частной собственности и всего частного права в системе общественного права. Он, как и И. А. Покровский³, видел в процессе социализации собственности закономерную эволюцию правовых идей, естественное развитие правового сознания народов, неизбежную поступь правового прогресса.

В первый послереволюционный период проявилось идеологическое разделение правоведов на «наших» (марксистов) и «не наших» (приверженцев иных социально-правовых идеалов). Так, профессор А. Л. Малицкий в своем предисловии к монографии Я. А. Канторовича, отмечая очевидные достоинства его работы, в то же время акцентировал внимание читателей на том, что «идеология автора далека от нашей»⁴. Примечательно, что позднее в результате «чистки рядов» многие из тех, кто относил себя к «нашим», были объявлены «не нашими». Эта участь постигла и автора предисловия, которого Л. М. Каганович обвинил в том, что он оказался «в плену у старой буржуазной юридической методологии»⁵.

Основанием для такого обвинения послужило утверждение А. Л. Малицкого: «Советская республика есть государство правовое, осуществляющее свою деятельность в условиях правового режима, где каждый орган власти в исполнении своих общественных функций, своих должностных актов, подчинен закону»⁶. Утверждение весьма спорное, поскольку оно не отражало существующую реальность, а также тенденции социально-правового развития страны. Можно предположить, что А. Л. Малицкий взял за основу «буржуазную» идею в целях убедить своих читателей в позитивных правовых намерениях авторов советской Конституции, однако он не учел возможных негативных последствий использования в качестве аргумента этой, явно не соответствующей марксистским представлениям о правовом будущем страны, идеи.

Одним из главных пунктов расхождений взглядов среди марксистских правоведов при определении стратегии правового развития советского государства был вопрос о пролетарском праве. Е. Б. Пашуканис и его сторонники, исходя из представлений К. Маркса о праве в буржуазном обществе, полагали, что развитие правовой формы «достигает кульминационного пункта в буржуазно-капиталистическом обществе»,

¹ Канторович Я. А. Основные идеи гражданского права / с предисл. проф. Ал. Малицкого. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1928. С. 5–6.

² Там же. С. 18.

³ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. С. 205.

⁴ Малицкий Ал. Предисловие // Канторович Я. А. Основные идеи гражданского права. С. 3.

⁵ Каганович Л. Двенадцать лет строительства советского государства и борьба с оппортунизмом // Советское государство и революция права. 1930. № 1. С. 8.

⁶ Малицкий Ал. Советская конституция. 4-е изд., пересмотр. и доп. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1928. 69.

в будущем остатки эквивалентного обмена в сфере распределения, которые сохраняются и при социалистической организации производства (до перехода к развернутому коммунизму), заставят социалистическое общество, как это предсказывал Маркс, временно замкнуться в «узких горизонтах буржуазного права»¹. На этом основании идея пролетарского права представлялась им спорной. Если следовать экономической теории К. Маркса, то в период социализма в ограниченном объеме продолжает существовать буржуазное право.

Что касается идеи правового государства, ее применимости к советскому государству, то Е. Б. Пашуканис категорично заявлял: «Правовое государство – это мираж, но мираж, весьма удобный для буржуазии, потому что он заменяет выветрившуюся религиозную идеологию, он заслоняет от масс факт господства буржуазии»². Но при этом он признавал, что идеология правового государства все же не оторвана от действительности, она опирается на экономическую реальность, в основе ее лежат рыночные отношения, свобода товаровладельцев, их тесные экономико-правовые связи. Подлинную основу государственной организации составляют не механизмы принуждения, а бесчисленные отношения фактической зависимости субъектов экономической деятельности.

Е. Б. Пашуканис верно подметил одно из внутренних противоречий марксистской теории государства. С одной стороны, по мнению Ф. Энгельса, позиция которого была сформулирована в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», государство есть сила, стоящая над обществом, отчуждающая себя от него. Его целью является умерить классовые столкновения, чтобы классы «не пожрали друг друга», обеспечить стабильность, правовой порядок в обществе³. С другой стороны, государство рассматривалось Ф. Энгельсом как институт классового господства. Е. Б. Пашуканис полагал, что формула Ф. Энгельса «остаётся неясной», он задавался вопросом: «Почему господство класса не остаётся тем, что оно есть, т. е. фактическим подчинением одной части населения другой, но принимает форму официального государственного властвования, или, что то же самое, почему аппарат господствующего принуждения создается не как частный аппарат господствующего класса, но отделяется от последнего, принимает форму безличного, оторванного от общества аппарата публичной власти?»⁴ По сути, у него уже был готовый ответ на данный вопрос: основу государства, как уже было отмечено ранее, составляет не классовое господство, а экономические связи, отношения фактической зависимости между субъектами права – товаровладельцами.

В меновой теории права Е. Б. Пашуканиса, говоря словами К. Маркса, «немало проблесков гениальности». Ее создатель приложил марксистскую теорию товарного обмена к правовой коммуникации, в результате чего выявились многие скрытые внутренние противоречия марксистского учения о государстве и праве, их сущности, социальном предназначении. Логика меновой теории права «подсказывала» ее автору, что не может быть пролетарского права, но марксистско-ленинское учение утверждало обратное; что без рынка, свободного товарообмена никакого правового прогресса быть не может, но партия говорила: «может»; что социальное будущее – в правовом единении, в правовой интеграции, но марксизм утверждал, что будущее – это диктатура пролетариата и постепенное отмирание государства и права. Не случайно, на наш взгляд, Е. Б. Пашуканис в более поздних работах был вынужден отказаться от ключевых положений своей теории права.

Одним из оппонентов Е. Б. Пашуканиса по вопросу о буржуазном праве при социализме был М. А. Рейснер, который считал предложенную автором меновой теории права постановку вопроса в «высшей степени удивительной. Она сводит все решение проблемы не к источнику тех или иных классовых требований, а исключительно к тому формальному моменту, который завершает правовой спор известным компромиссом нескольких классовых интересов, при чем само собой вычеркивается до

¹ Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. 3-е изд. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927. С. 7.

² Там же. С. 93.

³ Там же. С. 86–87.

⁴ Там же. С. 87.

поры слабейший, а принимаются во внимание почти исключительно правовые требования победившей в этом споре классовой группы, в данном случае буржуазии»¹. М. А. Рейснер полагал, что никакая правовая система не может представлять собой целостную классовую систему, она будет отличаться пестротой и лоскутностью. По его мнению, в рамках одной правовой системы могут одновременно сосуществовать «субъективное право капитала», т. е. буржуазное право, и субъективное право труда, пролетариата, которые имеют разные оценочные критерии. Право в отличие от власти предполагает социальное примирение и компромисс.

По концепции М. А. Рейснера, в рамках правового взаимодействия разных социальных групп, классов, их «правовой игры» рождается «общее право», которое не принадлежит ни буржуазии, ни пролетариату, возвышается над ними. Оно есть результат их взаимных уступок, соглашений, компромиссов. Разницу между «общим правом» Советской России и капиталистических стран он видел в том, что в зарубежных правовых системах буржуазия стремится навязать другим классам свою «правовую идею», сделать ее основой правового порядка, в России же посредством диктатуры пролетариата и советской государственности пролетарское право занимает господствующее положение по отношению к праву буржуазному и крестьянскому. Таким образом, право – это своего рода многослойный «пирог», состоящий из разных классовых пластов, противостоящих друг другу «субъективных прав» пролетариев, буржуазии и крестьянства, у каждого из которых – собственные системы правовых ценностей, критерии правомерности, своя особая правовая «идея»; но только та идея, критерии и ценности, которые рождены господствующим классом, составляют основу общего правопорядка.

В своей картине будущего мироустройства М. А. Рейснер исходил из той предпосылки, что «история права есть по существу история его угасания, несмотря на все кажущееся расширение его сферы и расцвет его различных форм»². Он полагал, что российский пролетариат обнаруживает явное отвращение ко всем идеологическим и правовым программам, кроме трудовых требований у него почти нет собственных правовых притязаний, готовых юридических идей, «в лучшем случае он несет с собой революционное правосознание или „чувство справедливости“»³. Отсюда совершенно иной характер борьбы, чем тот, который характерен для буржуазии. Эта борьба не ограничивается правовыми рамками, не предполагает искусственных компромиссов между враждующими классами, это борьба до победного конца.

Как представляется, М. А. Рейснер был прав в своем прогнозе, но лишь в той части, что никаких компромиссов не будет. Действительно, в результате политической борьбы в Советской России были истреблены целые классы: дворянство, буржуазия, кулачество. Идеи социального компромисса, правового согласования классовых интересов, а следовательно, и его авторская концепция «общего права» утратили всякий смысл. Однако в части отмирания, угасания права при социализме его прогноз не оправдался. Напротив, уже с середины 30-х гг. в стране начинается процесс формирования целостной системы социалистического права, но на ином социальном фундаменте, чем в 20-е гг. Как справедливо отметил В. С. Нерсисянц, «весь этот идеологический туман с мнимым „отмиранием“ отсутствующих феноменов постоянно витает над всем марксистским подходом к судьбам права и государства после пролетарской революции и определяет тот неизменный горизонт советского правоведения и государствоведения, под сводами которого все зависело от изменчивой политической конъюнктуры»⁴.

Еще одним известным представителем марксистской теории права был П. И. Стучка. В 1919 г. на заседании коллегии Наркомата юстиции им было предложено новое, «советское», понимание права: «Право – это система (или порядок) общественных от-

¹ Рейснер М. Право: Наше право. Чужое право. Общее право. Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. С. 179.

² Там же. С. 274.

³ Там же. С. 275.

⁴ Нерсисянц В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юрист, 1996. С. 109. Скептическое отношение к правовому прогрессу в советском правоведении высказал также в своей работе А. П. Семитко, он советский период определил как этап правового регресса. См.: Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. академии; Изд-во Гуманитарного ун-та, 1996. С. 263–281.

ношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованною силою его (т. е. этого класса)»¹.

Анализируя процесс эволюции советского права, он вычленил три его основных этапа. Первый этап – «разрушения и так называемого военного коммунизма», «сжигания старых законов»². В этот период торжествуют «революционная совесть» и «революционное сознание», изживается старое, буржуазное юридическое мировоззрение. Второй этап – отступление, переход к новой экономической политике. По мнению П. И. Стучки, отступление было осознанным, добровольным и ограниченным. Оно предполагало частичный возврат к прошлому, рецепцию буржуазного права, хотя и с некоторыми оговорками. Третий этап – новое наступление, вновь движение в сторону социализма. Основа для движения в данном направлении – государственная собственность на средства производства, включая землю, транспорт и т. д. Кроме того, таким исходным фундаментом были успехи в осуществлении социалистического строительства, в укреплении советского государства, в разработке теоретических концепций для будущих социальных преобразований.

Что касается стратегии правового развития советского общества, то П. И. Стучка, как и ряд других правоведов-марксистов, с одной стороны, исходил из концепции отмирания государства и права при коммунизме, с другой стороны, учитывая правовую реальность, писал о необходимости развития советского права, укрепления законности, правовых основ государства: «Кое-кому, неясно представляющему себе революционную роль права, обреченного на отмирание, покажутся праздными, даже „еретическими“ разговоры о „перспективах“ в развитии права. К чему развивать то, что неминуемо отмирает?»³ На этот риторический вопрос у него был готов следующий ответ (общий для государства и права): надо развить его до совершенства, и только тогда оно может окончательно исчезнуть, до конца «отмереть». Идеологический туман, о котором писал В. С. Нерсисянц, не рассеялся в рассуждениях П. И. Стучки о правовом будущем страны, в них нет главного – указания на причину исчезновения права, его отмирания. Общество, которое организовано на плановых основах, где действует жесткая распределительная система, не может существовать без правовых регуляторов, без эффективной системы права.

Не случайно, на наш взгляд, на втором этапе (середина 30-х гг.) процесс создания единой системы советского права переходит в активную фазу. Эпоха идеологического плюрализма заканчивается, начинается формирование «генеральной линии партии», единого подхода к пониманию права и перспективам правового развития общества. Для данного периода характерна тенденция теоретического «самобичевания», самокритики марксистских правоведов за их прошлые «оппортунистические» взгляды. Уже на первом Всесоюзном съезде марксистов-государственников и правоведов (1931 г.) была предпринята попытка выработать единую позицию в отношении права, но она не увенчалась успехом.

Более результативным стало совещание 1938 г. по вопросам науки советского государства и права. В ходе состоявшейся дискуссии была взята за основу позиция прокурора СССР, директора Института права АН СССР А. Я. Вышинского, им же сформулировано «официальное» определение права: «Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»⁴. Особо можно отметить критику А. Я. Вышинским теорий отмирания государства и права при социализме, которые он оценил как вредительские. Таким образом, был дан четкий сигнал юридической общественности, законодателям, судьям, прокурорам, что никакого угасания, отми-

¹ Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сб. ст., 1917–1930. М.: Гос. юрид. изд-во, 1931. С. 42.

² Там же. С. 184.

³ Стучка П. И. Революционная роль советского права: хрестоматия-пособие для курса Введение в советское право / с предисл. П. Кузьмина. 3-е изд. М.: Сов. законодательство, 1934. С. 144.

⁴ Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад А. Я. Вышинского, прения и заключительное слово на I совещании по вопросам науки сов. государства и права [16–19 VII 1938]. М.: Юриздат, 1938. С. 37, 183.

рания права в Советском Союзе не будет, власть будет укреплять и развивать право как инструмент классового господства. Заодно главным прокурором СССР был также дан сигнал к уголовно-правовой расправе с его оппонентами (Е. Б. Пашуканисом, Н. В. Крыленко, Я. Л. Берманом).

По мнению В. С. Нерсисянца, подход к праву, который был взят за основу участниками совещания 1938 г., лишь условно является позитивистским юридическим подходом, по сути же это антиюридический позитивизм¹. Действительно, в «официальном» определении права отсутствует правовой «дух», не раскрыты его социальная природа, принципиальные отличия права от иных форм социального общения, в нем юридическая оболочка оторвана от нравственной сущности, от той системы духовных ценностей, которые заключены в праве. Это одно из самых циничных, безнравственных суждений о праве, в котором нашло отражение состояние сознания приближенных к власти юристов, степень их профессиональной и моральной деградации.

Третий этап развития представлений о праве и правовом будущем страны начинается после XX съезда КПСС (1956 г.), осудившего сталинские репрессии, массовый террор, а также депортацию народов. Осуждение «неправового прошлого» предполагало критическое переосмысление картины будущего. Несмотря на то что установленную в 1938 г. «официальную» позицию в отношении права никто не отменял, тем не менее в юридической науке зарождаются новые подходы к пониманию права, его роли в жизни общества, в отношении перспектив правового развития страны. В условиях либерализации политического режима С. Ф. Кечекьян, Я. Ф. Миколенко, А. А. Пионтковский, А. К. Стальгевич, Л. С. Явич и некоторые другие правоведы предложили более широкий подход к пониманию права, чем предписанный А. Я. Вышинским. Наряду с юридическими нормами предлагалось в качестве «материи» права рассматривать правоотношения (С. Ф. Кечекьян и А. А. Пионтковский), а также правовое сознание (Я. Ф. Миколенко, А. К. Стальгевич), субъективное право (Л. С. Явич).

На наш взгляд, это были лишь робкие попытки преодолеть технико-юридический, инструментальный взгляд на право, игнорирующий собственную ценность права, необходимость выбора правового пути развития человечества. Можно согласиться с мнением В. С. Нерсисянца, что «в целом полемика представителей „широкого“ понимания права против сторонников „узконоормативного“ подхода носила непринципиальный характер»².

Важной вехой в переосмыслении ценности права, его роли в жизни общества, развитии представлений о правовом прогрессе стало издание в 1971 г. работы С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе», в которой автор предлагал рассматривать право как «высокую общечеловеческую ценность», как проявление «прогресса человеческого общества»³, отстаивал нравственную природу права, его позитивные свойства, а также внутренние закономерности правового развития. В других своих работах («Проблемы теории права: курс лекций», «Общая теория права») он в русле естественноправового учения рассматривал право как выражение свободы человека, как «торжество правды, справедливости, истины», писал, что оно «по своей природе „сопротивляется“ произволу и беззаконию»⁴.

Другой важной вехой на пути преодоления технико-юридического, служебного подхода к пониманию права и определению вектора правового развития советского общества стали работы академика В. С. Нерсисянца: статья «Различение и соотношение права и закона как междисциплинарная проблема» («Вопросы философии права», 1973); монография «Право и закон» (1983); статья «Право и закон: их различие и соотношение» («Вопросы философии», 1988, № 5). В них он выдвинул идею различения права и закона. Право, по его мнению, не следует отождествлять с законом, оно есть всеобщая форма и равная мера свободы индивидов. На основе этой идеи в начале 90-х гг. им была выстроена либертарная теория права, в ней определены основные аспекты понимания права, содержательные критерии правового закона, а также перспективы перехода от социализма к будущему («цивилитарному») правовому строю⁵.

¹ Нерсисянц В. С. Указ. соч. С. 122.

² Там же. С. 124.

³ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юрид. лит., 1971. С. 160.

⁴ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. С. 101.

⁵ Подробнее см.: Архипов С. И. Либертарная теория права В. С. Нерсисянца: достоинства и недостатки // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2015. № 5. С. 5–14.

Наконец, важнейшим событием с точки зрения определения стратегии правового развития советского общества стало принятие решения (резолюция «О правовой реформе») XIX Всесоюзной партийной конференцией 1988 г. о *формировании социалистического правового государства*. То, что в 20-е гг. определялось как «буржуазный мираж» (Е. Б. Пашуканис), в конце 80-х гг. стало главной правовой идеей партии и государства. Конференция в качестве приоритетных задач, стоящих перед государством, установила правовую защиту личности, упрочение гарантий осуществления политических, экономических, социальных прав и свобод граждан, развитие институтов демократии. Для обеспечения строгого соответствия законов и постановлений правительства требованиям Конституции СССР было предусмотрено создание *Комитета конституционного надзора*. Также предусматривалось повышение роли суда в обществе, обеспечение объективности правосудия, повышение ответственности органов прокуратуры¹.

Конференция дала мощный импульс для развития теоретической мысли, формирования концепции социалистического правового государства. В течение трех лет (1989–1991) были опубликованы десятки научных статей и монографий по данной проблеме. Однако планам по созданию социалистического правового государства не суждено было сбыться. После распада Советского Союза и окончания эры социализма в России страна попала в капиталистическое прошлое. Причем оказалась не в классическом, «чистом» капитализме, а в государственно-бюрократическом, криминальном. «Колесо истории» сделало круг, пройдя через революционные потрясения, гражданскую войну, массовый террор, сталинские «чистки», страна вернулась к своим истокам, чтобы достроить то, что не успела дореволюционная Россия.

Список литературы

- Алексеев Н. Н. Введение в изучение права. М.: Моск. просвет. комиссия, 1918. 188 с.
- Алексеев Н. Н. Общее учение о праве: курс лекций, прочитанных в Таврическом ун-те в 1918/1919 г. Симферополь: Тип. Е. К. Брешко-Брешковской, 1919. 162 с.
- Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 256 с.
- Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 360 с.
- Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юрид. лит., 1971. 224 с.
- Архипов С. И. Идея правового прогресса в трудах Н. Н. Алексеева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. С. 5–14. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_5.
- Архипов С. И. Идея правового прогресса в трудах П. И. Новгородцева и И. А. Покровского // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 4. DOI: <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-4-5-16>.
- Архипов С. И. Либертарная теория права В. С. Нерсисянца: достоинства и недостатки // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2015. № 5. С. 5–14.
- Архипов С. И. Теория социально-правового прогресса Питирима Сорокина // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 6. С. 5–13. DOI: <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-6-5-13>.
- Ильин И. А. О сущности правосознания // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей. URL: <http://www.philosophy.ru/library/il/02/01.html> (дата обращения: 09.08.2024).
- Каганович Л. Двенадцать лет строительства советского государства и борьба с оппортунизмом // Советское государство и революция права. 1930. № 1. С. 7–43.
- Канторович Я. А. Основные идеи гражданского права / с предисл. проф. Ал. Малицкого. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1928. 310 с.
- Малицкий Ал. Советская конституция. 4-е изд., пересмотр. и доп. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1928. 480 с.
- Нерсисянец В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юрист, 1996. 160 с.
- Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад А. Я. Вышинского, прения и заключительное слово на I совещании по вопросам науки сов. государства и права [16–19 VII 1938]. М.: Юриздат, 1938. 192 с.
- Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. 3-е изд. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927. 128 с.

¹ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет: в 2 т. М.: Политиздат, 1988. Т. 2. С. 172–173.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. 354 с.

Рейснер М. Право: Наше право. Чужое право. Общее право. Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. 276 с.

Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. академии; Изд-во Гуманитарного ун-та, 1996. 313 с.

Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сб. ст., 1917–1930. М.: Гос. юрид. изд-во, 1931. 236 с.

Стучка П. И. Революционная роль советского права: хрестоматия-пособие для курса Введение в советское право / с предисл. П. Кузьмина. 3-е изд. М.: Сов. законодательство, 1934. 158 с.

Трубетцкой Е. Н. Звериное царство и грядущее возрождение России. [Б. м.: б. и.], 1919. 21 с.

XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет: в 2 т. М.: Политиздат, 1988. Т. 2. 399 с.

References

Alekseev N. N. (1918) *Vvedenie v izuchenie prava* [Introduction to the study of law]. Moscow, Moskovskaya prosvetitel'naya komissiya, 188 p.

Alekseev N. N. (1919) *Obshchee uchenie o prave: kurs lektzii, pročitannykh v Tavricheskom un-te v 1918/1919 g.* [The general doctrine of law: a course of lectures delivered at the Tauride University in 1918/1919]. Simferopol', Tipografiya E. K. Breshko-Breshkovskoi, 162 p.

Alekseev N. N. (1999) *Osnovy filosofii prava* [Fundamentals of the philosophy of law]. Saint-Peterburg, Lan', 256 p.

Alekseev S. S. (1981) *Obshchaya teoriya prava: in 2 vols.* [General theory of law: in 2 vols.]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, vol. 1, 360 p.

Alekseev S. S. (1971) *Sotsial'naya tsennost' prava v sovetskom obshchestve* [The social value of law in Soviet society]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 224 p.

Arkhipov S. I. (2021) *Ideya pravovogo progressa v trudakh N. N. Alekseeva* [The idea of legal progress in the works of N. N. Alekseev]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 3, pp. 5–14, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_5.

Arkhipov S. I. (2020) *Ideya pravovogo progressa v trudakh P. I. Novgorodtseva i I. A. Pokrovskogo* [The idea of legal progress in the works by P. I. Novgorodtsev and I. A. Pokrovsky]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 4, pp. 5–16, DOI: <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-4-5-16>.

Arkhipov S. I. (2015) *Libertarnaya teoriya prava V. S. Nersesyantsa: dostoinstva i nedostatki* [V. S. Nersesyants's libertarian theory of law: the merits and defects]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 5, pp. 5–14.

Arkhipov S. I. (2020) *Teoriya sotsial'no-pravovogo progressa Pitirima Sorokina* [Pitirim Sorokin's theory of social and legal progress]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 6, pp. 5–13, DOI: <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-6-5-13>.

Il'in I. A. (1919) *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the essence of legal awareness]. In *Stenfordskaya filiofskaya entsiklopediya: perevody izbrannykh statei*, available at: <http://www.philosophy.ru/library/il/02/01.html> (accessed: 09.08.2024).

Kaganovich L. (1930) *Dvenadtsat' let stroitel'stva sovetskogo gosudarstva i bor'ba s opportunizmom* [Twelve years of building the Soviet state and the fight against opportunism]. In *Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava*, no. 1, pp. 7–43.

Kantorovich Ya. A. (1928) *Osnovnye idei grazhdanskogo prava / s predisl. Prof. Al. Malitskogo* [The main ideas of civil law / with a preface by Prof. Al. Malitsky]. Khar'kov, Yuridicheskoe izdatel'stvo Narkomyusta USSR, 310 p.

Malitskii Al. (1928) *Sovetskaya konstitutsiya* [The Soviet Constitution], 4th ed., revised and add. Khar'kov, Yuridicheskoe izdatel'stvo Narkomyusta USSR, 480 p.

Nersesyants V. S. (1996) *Pravo – matematika svobody. Opyt proshlogo i perspektivy* [Law is the mathematics of freedom. Past experience and prospects]. Moscow, Yurist, 160 p.

Osnovnye zadachi nauki sovetskogo sotsialisticheskogo prava: Doklad A. Ya. Vyshinskogo, preniya i zaklyuchitel'noe slovo na I soveshchanii po voprosam nauki sov. gosudarstva i prava [16–19 VII 1938] (1938) [The main tasks of the science of Soviet socialist law: A. Ya. Vyshinsky's report, debates and closing remarks at the First Meeting on the science of the Soviet Union state and law [16–19 VII 1938]]. Moscow, Yurizdat, 192 p.

Pashukanis E. B. (1927) *Obshchaya teoriya prava i marksizm* [General theory of law and Marxism], 3rd ed. Moscow, Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii, 128 p.

Pokrovskii I. A. (2001) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The main problems of civil law], 3rd ed., stereotip. Moscow, Statut, 354 p.

Reisner M. (1925) *Pravo: Nashe pravo. Chuzhoe pravo. Obshchee pravo* [Law: Our right. Someone else's right. Common law]. Leningrad, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 276 p.

Semitko A. P. (1996) *Razvitie pravovoi kul'tury kak pravovoi progress* [The development of legal culture as legal progress]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii, Izdatel'stvo Gumanitarnogo universiteta, 313 p.

Stuchka P. I. (1931) *13 let bor'by za revolyutsionno-marksistskuyu teoriyu prava: sbornik statei, 1917–1930* [13 years of struggle for the revolutionary Marxist theory of law: a collection of articles, 1917–1930]. Moscow, Gosudarstvennoe yuridicheskoe izdatel'stvo, 236 p.

Stuchka P. I. (1934) *Revolyutsionnaya rol' sovetskogo prava: khrestomatiya-posobie dlya kursa Vvedenie v sovetskoe pravo / s predisl. P. Kuz'mina* [The revolutionary role of Soviet law: a textbook for the course Introduction to Soviet Law / with a preface by P. Kuzmin], 3rd ed. Moscow, Sovetskoe zakonodatel'stvo, 158 p.

Trubetskoi E. N. (1919) *Zverinoe tsarstvo i gryadushchee vozrozhdenie Rossii* [The Animal Kingdom and the coming rebirth of Russia]. 21 p.

XIX Vsesoyuznaya konferentsiya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Sayuza. 28 iyunya – 1 iyulya 1988 g.: Stenograficheskii otchet: in 2 vols. Vol. 2 [XIX All-Union Conference of the Communist Party of the Soviet Union. June 28 – July 1, 1988: Verbatim report: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Politizdat, 399 p.

«ПРАВОВАЯ ПРОЦЕДУРА» И «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА»: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Афони́на Ольга Станиславовна

Преподаватель кафедры юриспруденции Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского (Калуга), ORCID: 0000-0002-2965-7765, e-mail: os.gorbemko@mail.ru.

В статье рассматривается проблематика соотношения понятий «правовая процедура» и «юридическая процедура». С целью их исследования проводится сравнительный анализ более широких правовых категорий «право» и «юриспруденция», а также таких правовых явлений, как «правовая деятельность» и «юридическая деятельность». На основе анализа теоретических положений о содержании понятий права и юриспруденции, правовой деятельности и юридической деятельности делается вывод о соотношении понятий правовой процедуры и юридической процедуры.

Ключевые слова: право, юриспруденция, правовая деятельность, юридическая деятельность, правовая процедура, юридическая процедура

Для цитирования: Афони́на О. С. «Правовая процедура» и «юридическая процедура»: соотношение понятий // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 4. С. 15–21. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_4_15.

LEGAL PROCEDURE AND JURIDICAL PROCEDURE: THE RELATIONSHIP OF CONCEPTS

Afonina Olga

Lecturer, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky (Kaluga), ORCID: 0000-0002-2965-7765, e-mail: os.gorbemko@mail.ru.

The article deals with the problems of the correlation of the legal concepts of «legal procedure» and «juridical procedure». For the purpose of their research, a comparative analysis of the broader legal categories «law» and «jurisprudence», as well as legal phenomena such as legal activity and juridical activity, is carried out. Based on the analysis of theoretical provisions on the content and correlation of the concepts of law and jurisprudence, legal activity and juridical activity, a conclusion is drawn about the correlation of the concepts of legal procedure and juridical procedure.

Key words: law, jurisprudence, legal activity, juridical activity, legal procedure, juridical procedure

*For citation: Afonina O. (2024) Legal procedure and juridical procedure: the relationship of concepts. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 15–21, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_4_15.*

В юридической литературе встречаются два понятия, применяемые при характеристике процедур в праве: «правовая процедура» и «юридическая процедура». Однако четкая грань, позволяющая установить их различия или синонимичность, в юридической науке отсутствует. Представляется необходимым и верным определить, являются ли характеристики «правовая» и «юридическая» синонимичными при обозначении процедур, урегулированных нормами права и осуществляемых в правовом пространстве. Видится, что искомый вывод может быть сделан на основе:

теоретического анализа категории права, составляющей основу любого правового явления;

соотношения понятий права и юриспруденции, уяснения их взаимосвязи, общности и различия;

сравнения понятий «правовая деятельность» и «юридическая деятельность» для последующего обоснования сходства или различия правовой процедуры и юридической процедуры как разновидностей соответственно правовой и юридической деятельности.

Указанный анализ целесообразно начать с лексических характеристик составных частей «правовая» и «юридическая», а именно с определяющих понятий «право» и «юриспруденция», от которых образованы искомые характеристики процедур. С. С. Алексеев отмечал, что термин «право» употребляется во множестве значений исходя из конкретной ситуации его применения. Так, известно о понятии права в объективном и субъективном значениях. Право в объективном смысле является исходным пунктом при рассмотрении всех правовых понятий¹. В рамках данной статьи будет анализироваться понятие «право» в его объективном смысле. Стоит учитывать, что содержательное наполнение и само определение понятия «право» во многом обусловлено применяемым типом правопонимания. Многообразие типологий правопонимания раскрывает сущность и содержание категории «право», но в то же время во всех типологиях право рассматривается как регулятор общественных отношений. Право выступает инструментом разрешения возникающих разногласий между субъектами общественной жизни, а также средством гармонизации общественных отношений, предотвращения столкновения интересов и действенным механизмом разрешения неизбежно возникающих конфликтов.

Не останавливаясь на анализе различных концепций правопонимания, следует раскрыть содержание и сущность права с точки зрения юридического позитивизма. Сторонниками позитивистского подхода являются, в частности, такие исследователи, как Н. И. Матузов и А. В. Малько, предлагающие под правом понимать систему общеобязательных формально-определенных не персонифицированных правил поведения в типичной жизненной ситуации, издаваемых и обеспечиваемых государством².

Уяснив содержательное наполнение понятия «право», целесообразно раскрыть понятие «юриспруденция» и провести их сравнительный анализ. Исследуя понятие юриспруденции, Л. И. Петражицкий в начале прошлого века утверждал, что юриспруденция есть древняя наука и ученая профессия. Рассматривая юриспруденцию как науку, Л. И. Петражицкий писал, что сущность теоретической юриспруденции состоит в «научном изучении права, приведении содержания права в научную систему»³. В. А. Томсинов отмечает, что в конце прошлого века и ранее юриспруденцию понимали в качестве правовой науки, используя данный термин наравне с правоведением. К сторонникам такого подхода В. А. Томсинов относит Д. И. Мейера и В. Вильсона. Однако В. А. Томсинов полагает, что юриспруденция как понятие государственно-правовой действительности намного шире трактовки его только в качестве юридической науки, так как на этапах зарождения она понималась исключительно в качестве профессиональной деятельности, носила практический характер⁴. Также ученый отмечает, что юридическая наука наделена характерным признаком – практической направленностью: практико-ориентированные задачи теоретической юриспруденции состоят в познании правовых явлений с целью устранения противоречий в законодательстве, прогнозировании, поддержании однообразия в нормах и принципах, формировании иерархии источников права и т. д.⁵ Н. Е. Чижов, обращаясь к пониманию юриспруденции в древнеримском праве, также отмечал существование юриспруденции как ремесла, т. е. практической деятельности римских юристов, и как на-

¹ Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 47.

² Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учеб. / Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук. М.: Юристъ, 2004. С. 71.

³ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1907. С. 223.

⁴ Томсинов В. А. Юриспруденция в духовной культуре древнего и средневекового общества: историко-сравнительное юридическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Гродно: ГрГУ, 1993. С. 22.

⁵ Там же. С. 36.

учного изучения права, непосредственно связанного с практической деятельностью¹. Поскольку Российская Федерация является частью романо-германской правовой семьи, а также с учетом рецепции римского права в российскую правовую систему, стоит отметить, что данный подход близок и современному Российскому государству.

Из предлагаемых точек зрения исследователей становится понятно, что юриспруденция может быть рассмотрена в двух аспектах: как наука и практическая (профессиональная) юридическая деятельность. Предметом юриспруденции всегда выступает право как система общеобязательных формально-определенных правил поведения, обращенных к неограниченному кругу лиц. Юриспруденция (наука) изучает право в его объективном выражении (нормы, принципы, закономерности развития и т. д.), а юриспруденция (практическая (юридическая) деятельность) состоит в осуществлении лицами определенных законом действий по реализации права.

Уяснив соотношение категорий «право» и «юриспруденция», целесообразно перейти к рассмотрению понятий «правовая деятельность» и «юридическая деятельность». Разграничение указанных понятий необходимо для поиска ответа на вопрос о соотношении понятий «правовая процедура» и «юридическая процедура», в связи с тем что процедура как порядок совершения определенных действий, направленных на получение результата, является разновидностью деятельности лица как комплекса действий.

Р. В. Шагиева справедливо называет правовую деятельность «социально значимой активностью... которая специально осуществляется субъектами как носителями субъективных прав и юридических обязанностей в различных сферах общественной жизни в целях удовлетворения их... потребностей... в рамках правоотношений... и поэтому признается обществом... и государством... правильной, справедливой...»². Соглашаясь с вышеизложенной концепцией определения правовой деятельности и беря точку зрения Р. В. Шагиевой за основу, П. П. Ланг предлагает под правовой деятельностью понимать «социально выраженную активность, имеющую конкретные формы реализации, в основе которых находится система мировоззрения субъекта деятельности в сфере права, имеющая необходимость и возможность регулирующего воздействия в целях охраны прав и свобод человека и гражданина»³. Содержание правовой деятельности Б. В. Шагиев видит в деятельности юридических и физических лиц в правовом пространстве⁴. С. Д. Гусарев и О. Д. Тихомиров отмечают, что по общему правилу правовая деятельность осуществляется абсолютно всеми субъектами вне зависимости от наличия у них профессиональных знаний и умений в сфере юриспруденции⁵. Т. И. Ряховская, поддерживая вышеизложенные позиции исследователей, предлагает под правовой деятельностью понимать деяния, признающиеся правомерными вне зависимости от субъекта их совершения⁶.

Таким образом, вышеуказанные определения правовой деятельности объединяет их правомерный характер и общий субъект реализации, т. е. правовая деятельность может реализовываться как юристами в рамках своей профессиональной деятельности, так и физическими и юридическими лицами с целью разрешения их собственных вопросов.

Ученые, разрабатывающие определение понятия «юридическая деятельность», предлагают различные формулировки, отражающие ее сущностное содержание. В частности, В. Н. Карташов под юридической деятельностью понимает деятельность по изданию, толкованию, реализации, систематизации и т. д. юридических предпи-

¹ Чижов Н. Е. Материалы к истории системы права (энциклопедии права). Одесса: Тип. «Одес. вестн.», 1885. С. 32.

² Шагиева Р. В. Концепция правовой деятельности в современном обществе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 11–12.

³ Ланг П. П. К вопросу о теоретико-правовом понимании деятельности // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. 2019. № 2(34). С. 30.

⁴ Шагиев Б. В. Юридическая деятельность в современном российском обществе: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 19.

⁵ Гусарев С. Д., Тихомиров О. Д. Юридическая деонтология (Основы юридической деятельности): учеб. пособие. Киев: Знание, 2005. С. 254.

⁶ Ряховская Т. И. О разграничении понятий «юридическая» и «правовая деятельность» в контексте проблемы обеспечения прямого действия Конституции // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 3-4(8). С. 135.

саний¹. Ученый относит юридическую деятельность к составному элементу сложной динамической системы социально-политического и правового механизмов². В свою очередь, В. М. Сырых определяет юридическую деятельность как правомерную деятельность субъектов права (государственных органов, граждан и пр.), совершаемую с целью совершенствования механизма правового регулирования, в частности его элементов: правотворчества, правореализации и государственного применения³. Следует акцентировать внимание на том, что В. М. Сырых к существенным признакам юридической деятельности относит цель ее осуществления, выраженную в совершенствовании механизма правового регулирования.

Большинство исследователей при определении понятия юридической деятельности отмечают два ее существенных признака: специальный субъект и цель реализации. Так, В. П. Беляев определяет юридическую деятельность в качестве элемента правовой системы и понимает под ней деятельность, осуществляемую компетентными государственными органами, должностными лицами и общественными объединениями в установленном законом порядке для достижения социально значимых целей. Ученый выделяет ряд сущностных характеристик юридической деятельности, позволяющих отграничить ее от иных видов деятельности субъектов общественных отношений: она присуща исключительно компетентным государственным органам и должностным лицам, является нормативно одобренной, выступает элементом механизма правового регулирования, осуществляется в рамках процессуальной формы, неизбежно влечет за собой наступление юридически значимых последствий⁴. Б. В. Шагиев трактует юридическую деятельность как совокупность юридически значимых действий компетентных органов и должностных лиц, реализуемых с целью организации общественных отношений и защиты прав, свобод и интересов их участников. Содержание юридической деятельности Б. В. Шагиев видит в деятельности публичной власти в лице государственных органов и должностных лиц (при допуске законом участия граждан)⁵.

Анализ приведенных позиций исследователей о содержании понятий правовой и юридической деятельности позволяет выявить следующие общие для всех вышеизложенных позиций черты:

1) субъектный состав. Субъект правовой деятельности – общий, т. е. право осуществлять юридически значимые действия в определенных законом рамках имеют любые субъекты. Юридическая же деятельность осуществляется специальными субъектами правоотношений – публичными (в рамках публичного права учеными признано существование так называемых юридических лиц публичного права⁶);

2) цель осуществления. Правовая деятельность осуществляется с целью получения определенного правового блага, достижения цели заинтересованного лица, юридическая деятельность – в соответствии с целями деятельности компетентных (уполномоченных на ее совершение) субъектов. Значит, цель осуществления правовой деятельности представляется более широкой, направленной на удовлетворение правовой заинтересованности лица, в то время как цель реализации юридической деятельности более четко определена и связана с решением государственных задач, достижением социально значимых целей, а также реализацией компетенции юридических лиц публичного права.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятия «правовая деятельность» и «юридическая деятельность» не синонимичны, а различны по своему содержанию. Деятельность правовая – более широкое правовое явление по отношению к более

¹ Карташов В. Н. Юридическая практика как объект (предмет) правовой науки // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1(12). С. 14.

² См.: Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов: Изд-во Саратов-ун-та, 1989. С. 7.

³ Сырых В. М. Социология права. М.: Юстицинформ, 2001. С. 170.

⁴ Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 11.

⁵ Шагиев Б. В. Указ. соч. С. 19–20.

⁶ В частности, С. В. Рыбакова определяет их как юридические лица, которые вне зависимости от формы собственности и организационно-правовой формы представляют и (или) защищают публичные интересы или служат их реализации. См.: Рыбакова С. В. Юридические лица как субъекты публичного права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2009. № 28(161). С. 100.

узкому – юридической деятельности, т. е. не всякая правовая деятельность будет считаться юридической, однако любая юридическая деятельность – правовая. В результате проведения теоретического анализа понятий права, юриспруденции, правовой деятельности и юридической деятельности следует обратить внимание на общую закономерность – понятия, содержащие в себе корень «право», более широкие по отношению к иным указанным понятиям.

Проанализировав соотношение права и юриспруденции, а также правовой деятельности и юридической деятельности, нужно перейти к анализу соотношения понятий «правовая процедура» и «юридическая процедура», которые и составляют существо соответственно правовой и юридической деятельности. В современной юридической литературе вопросы, связанные с понятиями правовой процедуры и юридической процедуры недостаточно исследованы, внимание теоретиков права на правовую и (или) юридическую процедуры как самостоятельные правовые явления было обращено не так давно, во второй половине прошлого столетия.

В настоящее время законодательство Российской Федерации не содержит норму-дефиницию, раскрывающую понятие правовой процедуры и (или) юридической процедуры. Правовая доктрина также не выработала единых определений данных понятий, что влечет за собой определенные теоретические проблемы. Большинство исследователей, анализирующих правовую процедуру, определяют ее как установленную законом последовательность действий, направленных на достижение правового результата¹. При этом сегодня в науке права присутствует тенденция к отождествлению терминов «правовая процедура» и «юридическая процедура». В частности, в своих работах правовую процедуру приравнивают к юридической Б. Б. Бидова, О. Ю. Колесникова², С. И. Краснова³ и др. Однако такая позиция представляется не совсем верной. Из предлагаемого авторами определения понятия правовой процедуры неясно, относится ли данное правовое явление к правовой деятельности или к юридической деятельности. В связи с чем необходимо разграничить понятия «правовая процедура» и «юридическая процедура», применив соответствующую аналогию.

Ранее было определено, что правовая деятельность шире юридической деятельности, различие между данными понятиями состоит в субъекте и цели осуществления. Правовая процедура и юридическая процедура, выступая составными элементами правовой деятельности и юридической деятельности, согласно правилам логики на основании различия субъектного состава и цели реализации соотносятся следующим образом:

правовая процедура как более широкое понятие включает в себя проведение любых правомерных и юридически значимых процедур любыми субъектами правоотношений (аналогично правовой деятельности);

юридическая процедура, будучи более узким правовым явлением по отношению к правовой процедуре, может осуществляться определенным кругом лиц – специальными субъектами с конкретно обозначенной целью их деятельности: с целью совершенствования механизма правового регулирования, защиты прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства, а также при реализации собственных полномочий (аналогично юридической деятельности).

В связи с вышеизложенным можно резюмировать, что правовая процедура и юридическая процедура – два самостоятельных правовых явления, отличающихся субъектным составом и целью их реализации. Термин «правовая процедура» применим для более широкого перечня юридически значимых действий, а термин «юридическая процедура» может быть использован лишь при характеристике действий специального субъекта в рамках установленных законом полномочий.

Список литературы

Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 709 с.

¹ Смольянов М. С. Понятие и признаки юридической процедуры // Труды Института государства и права РАН. 2010. № 6. С. 23.

² Бидова Б. Б., Колесникова О. Ю. Определение понятия «юридическая процедура» // Аграрное и земельное право. 2022. № 9(213). С. 70.

³ Краснова С. И. Соотношение понятий «правовой порядок», «правовая процедура» и «правовой процесс» // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8(224). С. 89.

Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 55 с.

Бидова Б. Б., Колесникова О. Ю. Определение понятия «юридическая процедура» // Аграрное и земельное право. 2022. № 9(213). С. 68–70.

Гусарев С. Д., Тихомиров О. Д. Юридическая деонтология (Основы юридической деятельности): учеб. пособие. Киев: Знание, 2005. 655 с.

Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 218 с.

Карташов В. Н. Юридическая практика как объект (предмет) правовой науки // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1(12). С. 13–23.

Краснова С. И. Соотношение понятий «правовой порядок», «правовая процедура» и «правовой процесс» // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8(224). С. 88–90.

Ланг П. П. К вопросу о теоретико-правовом понимании деятельности // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. 2019. № 2(34). С. 23–31.

Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учеб. / Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук. М.: Юристъ, 2004. 245 с.

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1907. 656 с.

Ряховская Т. И. О разграничении понятий «юридическая» и «правовая деятельность» в контексте проблемы обеспечения прямого действия Конституции // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 3-4(8). С. 134–136.

Рыбакова С. В. Юридические лица как субъекты публичного права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2009. № 28(161). С. 96–101.

Смольянов М. С. Понятие и признаки юридической процедуры // Труды Института государства и права РАН. 2010. № 6. С. 23–34.

Сырых В. М. Социология права. М.: Юстицинформ, 2001. 446 с.

Томсинов В. А. Юриспруденция в духовной культуре древнего и средневекового общества: историко-сравнительное юридическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Гродно: ГрГУ, 1993. 352 с.

Чижов Н. Е. Материалы к истории системы права (энциклопедии права). Одесса: Тип. «Одес. вестн.», 1885. 140 с.

Шагиева Р. В. Концепция правовой деятельности в современном обществе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 40 с.

Шагиев Б. В. Юридическая деятельность в современном российском обществе: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 154 с.

References

Alekseev S. S. (1999) *Pravo. Azbuka. Teoriya. Filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Right. The ABC. Theory. Philosophy: The experience of comprehensive research]. Moscow, Statut, 709 p.

Belyaev V. P. (2006) *Kontrol' i nadzor kak formy yuridicheskoi deyatel'nosti: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Control and supervision as forms of legal activity: issues of theory and practice: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Saratov, 55 p.

Bidova B. B., Kolesnikova O. Yu. (2022) *Opredelenie ponyatiya «yuridicheskaya protsedura»* [Definition of the concept of «legal procedure»]. In *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, no. 9(213), pp. 68–70.

Chizhov N. E. (1885) *Materialy k istorii sistemy prava (entsiklopedii prava)* [Materials for the history of the legal system (encyclopedia of law)]. Odessa, Tipografiya «Odesskogo vestnika», 140 p.

Gusarev S. D., Tikhomirov O. D. (2005) *Yuridicheskaya deontologiya (Osnovy yuridicheskoi deyatel'nosti)* [Legal deontology (Fundamentals of legal activity)]. Kiev, Znanie, 655 p.

Kartashov V. N. (1989) *Yuridicheskaya deyatel'nost': ponyatie, struktura, tsennost'* [Legal activity: concept, structure, value]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 218 p.

Kartashov V. N. (2010) *Yuridicheskaya praktika kak ob"ekt (predmet) pravovoi nauki* [Legal practice as an object (subject) of legal science]. In *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, no. 1(12), pp. 13–23.

Krasnova S. I. (2023) *Sootnoshenie ponyatii «pravovoi poryadok», «pravovaya protsedura» i «pravovoi protsess»* [Correlation of the concepts of «legal order», «legal procedure» and «legal process»]. In *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, no. 8(224), pp. 88–90.

Lang P. P. (2019) *K voprosu o teoretiko-pravovom ponimani deyatelnosti* [To the issue of theoretical legal understanding of the activities]. In *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Yuridicheskie nauki*, no. 2(34), pp. 23–31.

Matuzov N. I., Mal'ko A. V. (2004) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Yurist", 245 p.

Petrzhitskii L. I. (1907) *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nrvstvnnosti* [Theory of law and state in connection with the theory of morality]. Saint-Petersburg, Tipografiya Sankt-Peterburgskogo aktsionernogo obshchestva «Slovo», 656 p.

Ryakhovskaya T. I. (2015) O razgranichenii ponyatii «yuridicheskaya» i «pravovaya deyatelnost'» v kontekste problemy obespecheniya pryamogo deistviya Konstitutsii [On delimitation of the concepts of «law» and «legal activities» in the context of the problem of providing a direct action of the Constitution of the Russian]. In *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*, no. 3-4(8), pp. 134–136.

Rybakova S. V. (2009) Yuridicheskie litsa kak sub"ekty publichnogo prava [Legal entities as subjects of public law]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*, no. 28(161), pp. 96–101.

Shagiev B. V. (2003) *Yuridicheskaya deyatelnost' v sovremennom rossiiskom obshchestve: teoretiko-pravovoi aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal activity in modern Russian society: theoretical and legal aspect: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 154 p.

Shagieva R. V. (2006) *Kontseptsiya pravovoi deyatelnosti v sovremennom obshchestve: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [The concept of legal activity in modern society: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 40 p.

Smol'yanov M. S. (2010) Ponyatie i priznaki yuridicheskoi protsedury [The concept and features of a legal procedure]. In *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, no. 6, pp. 23–34.

Syrykh V. M. (2001) *Sotsiologiya prava* [Sociology of law]. Moscow, Yustitsinform, 446 p.

Tomsinov V. A. (1993) *Yurisprudentsiya v dukhovnoi kul'ture drevnego i srednevekovogo obshchestva: istoriko-sravnitel'noe yuridicheskoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Jurisprudence in the spiritual culture of Ancient and Medieval society: a historical and comparative legal study: a doctor of legal sciences thesis]. Grodno, 352 p.

ПРАВООЗАЩИТНЫЙ МЕХАНИЗМ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА: ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ¹

Лихачев Максим Александрович

Доцент кафедры международного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, научный сотрудник Лаборатории международных и сравнительно-правовых исследований Тюменского государственного университета (Тюмень), ORCID: 0000-0002-7848-5007, e-mail: m.a.likhachev@gmail.com.

Халафян Рустам Мартикович

Доцент кафедры международного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, научный сотрудник Лаборатории международных и сравнительно-правовых исследований Тюменского государственного университета (Тюмень), ORCID: 0000-0001-7072-2234, e-mail: rustam_halafyan@mail.ru.

Прекращение участия России в деятельности Совета Европы и Европейского Суда по правам человека поставило перед российской властью несколько новых проблем, среди которых – обеспечение конституционных гарантий прав граждан, в том числе через доступ к межгосударственным органам по защите прав человека, а также конвертация наработанного опыта в инициативы в региональных объединениях с активным участием России и в развитие сотрудничества с заинтересованными государствами в правозащитном направлении. Среди множества обсуждаемых сегодня вариантов нередко называют и Шанхайскую организацию сотрудничества, где привлекательность расширения гуманитарного вектора кооперации повышается за счет потенциального участия в этом процессе Китая. В настоящей статье авторы оценивают перспективы, преимущества и риски такого сценария. Несмотря на некоторую компетентностную ригидность ШОС и ее радикальную сфокусированность на точечных вопросах безопасности, Организация и ее эффективность могут выиграть от нового направления, а государства-участники, снискав политико-риторические и репутационные дивиденды, изменить внутреннюю политику и достичь некоторого прогресса в области прав человека. В то же время важно осознавать структурные и политические особенности ШОС, которые с неизбежностью ограничивают потенциал нового механизма.

Ключевые слова: ШОС, права человека, механизмы защиты прав человека, Евразия

Для цитирования: Лихачев М. А., Халафян Р. М. Правозащитный механизм Шанхайской организации сотрудничества: возможные сценарии // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 4. С. 22–35. DOI: 10.34076/22196838_2024_4_22.

THE MECHANISM OF HUMAN RIGHTS PROTECTION IN THE SCO: THE POTENTIALITIES²

Likhachev Maksim

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, researcher, Laboratory of International and Comparative Legal Researches, Tyumen State University (Tyumen), ORCID: 0000-0002-7848-5007, e-mail: m.a.likhachev@gmail.com.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00874, URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00874/>.

² The Research was Supported by Russian Science Foundation (Project № 23-28-00874), URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00874/>.

Khalafyan Rustam

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, researcher, Laboratory of International and Comparative Legal Researches, Tyumen State University (Tyumen), ORCID: 0000-0001-7072-2234, e-mail: rustam_halafyan@mail.ru.

After Russia's withdrawal from the Council of Europe and European Court of Human Rights Russia has faced some new challenges, including to ensure guarantees of citizens' rights to legal remedy and access to international mechanisms of human rights protection and conversion of Russia's experience from the regional human rights protection institutions into new regional initiatives beyond Europe. Among the potentialities – the Shanghai Organization of Cooperation where the human rights protection mechanism might be settled. The China's participation increases drastically the prospects of the initiative. The authors of the article draw on the perspectives, advantages and risks of such a scenario. Despite competence's rigidity of the SCO and its focus on particular security issues the organization could profit from the development of human rights dimension therein as the member-states would do. At the same time the structural and political limits of the SCO will inevitably impact the potential of the new mechanism.

Key words: SCO, human rights, human rights protection mechanisms, Eurasia

*For citation: Likhachev M., Khalafyan R. (2024) The mechanism of human rights protection in the SCO: the potentialities. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 22–35, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_4_22.*

Выход России из Совета Европы в марте 2022 г. сопровождался не только критическими выпадами в адрес Европейского Суда по правам человека¹, но и заявлениями о необходимости создания на региональном уровне альтернативного международного механизма²: благонамеренную идею предлагалось реализовать на так называемых дружественных площадках – СНГ, ЕАЭС, БРИКС, ШОС. Эти организации, скорее всего, выиграли бы в эффективности за счет включения в свой состав правозащитной структуры. По итогам консультаций на правительственном уровне предпочтение было отдано правозащитному органу под эгидой СНГ, что предполагало реанимацию прежней Комиссии по правам человека³. Однако пока оправдываются сомнения скептиков: к осени 2024 г. проведено лишь два заседания (в ноябре 2023 г. и июне 2024 г.) Комиссии под председательством Уполномоченного РФ по правам человека Т. Н. Москальковой, сам же механизм остается на бумаге⁴.

¹ Валерий Зорькин: ЕСПЧ положительно повлиял на правовую систему России, но ностальгии по импортному правосудию нет // Российская газета. 2022. 29 нояб. URL: <https://rg.ru/2022/11/29/valerij-zorkin-espch-polozhitelno-povliial-na-pravovuiu-sistemu-rossii-no-nostalgii-po-importnomu-pravosudiiu-net.html> (дата обращения: 03.09.2024); Путин: российские суды и после выхода из ЕСПЧ способны надежно защищать права россиян // Коммерсант. 2023. 14 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5826146> (дата обращения: 03.09.2024).

² Клеандров М. И. Будущий Международный суд по правам человека с участием России: варианты возможностей // Государство и право. 2003. № 1. С. 12–22; Матвиенко: суд по правам человека стран СНГ будет неполизитизированным институтом // ТАСС. 2022. 29 марта. URL: <https://tass.ru/politika/14216085> (дата обращения: 03.09.2024); Меркачева сообщила о начале создания суда по правам человека СНГ // Интерфакс. 2022. 8 апр. URL: <https://www.interfax.ru/russia/834011> (дата обращения: 03.09.2024); Москалькова избрана председателем комиссии СНГ по правам человека // Ведомости. 2023. 29 нояб. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/11/29/1008345-moskalkova-izbrana-predsedatelem> (дата обращения: 03.09.2024). Более подробно о потенциале Комиссии СНГ по правам человека см.: Лунев А. А. Основные права юридических лиц в международной системе защиты прав человека: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2023. С. 135–137.

³ Институты по защите прав человека могут формироваться в СНГ и ЕАЭС // Российская газета. 2022. 11 апр. URL: <https://rg.ru/2022/04/11/kosachev-instituty-po-zashchite-prav-cheloveka-mogut-formirovatsia-v-sng-i-eaes.html> (дата обращения: 03.09.2024); Сергей Степашин предложил «расширить географию» защиты Россией прав человека // Ведомости. 2022. 3 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/06/02/924936-stepashin-zaschiti-rossiei-prav> (дата обращения: 03.09.2024); Сергей Степашин: «Евразийский суд может стать эффективным инструментом защиты прав человека» // Ассоциация юристов России: офиц. сайт. URL: <https://alrf.ru/news/sergey-stepashin-evraziyskiy-sud-mozhet-stat-effektivnym-instrumentom-zashchity-prav-cheloveka/> (дата обращения: 03.09.2024).

⁴ Комиссия по правам человека СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3850/>; протоколы заседаний Комиссии по правам человека СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3905/> (дата обращения: 03.09.2024).

Наблюдая за попытками воссоздать структуру по правам человека на базе СНГ, предлагаем взглянуть на потенциал в этой области Шанхайской организации сотрудничества. Организация, отличающаяся ведущей ролью России и Китая, обладает некоторыми преимуществами в сравнении с другими межгосударственными объединениями. Некоторые успехи ШОС на дипломатическом, экономическом, общеполитическом и институциональном уровнях позволяют рассчитывать на умеренный успех и небесполезность инициативы.

Природа и цели деятельности других (меж)региональных организаций с участием России в меньшей степени удовлетворяют требованиям для создания органа по правам человека. Деятельность ЕАЭС направлена на экономическую кооперацию государств-членов, обеспечение конкурентоспособности национальных экономик и создание общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы (ст. 4 Договора о ЕАЭС), в том числе через надгосударственные инструменты. Последние малопригодны для межгосударственной кооперации в области прав человека, несут риски вмешательства во внутренние дела интрузивными по своей механике средствами интеграции, а потому сдерживают глубину, интенсивность и широту правозащитного сотрудничества стран-членов.

БРИКС – неформальное объединение государств, а потому слабо институционализировано и в таком качестве малопригодно для взаимодействия членов в области защиты прав человека. Все-таки сотрудничество здесь (в отличие от предшествующего примера) требует, наоборот, более строгих, формализованных механизмов.

Государства-участники СНГ признают целью деятельности Содружества обеспечение прав человека и основных свобод (ст. 3 Устава СНГ), но, учитывая реальный вес и текущее состояние международной организации, трудно представить, что на ее основе может быть сформирован эффективный, работающий правозащитный механизм. Собственно, безрезультатные попытки реанимации в 2022–2024 гг. правозащитного вектора СНГ – яркое тому подтверждение. Так, недавно были приняты меры по реализации правозащитной функции СНГ. 14 октября 2022 г. государства-участники СНГ подписывали Протокол о внесении изменений в Конвенцию о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. и приняли Положение о Комиссии по правам человека¹. Поправки были продиктованы желанием расширить состав названной Комиссии в целях мониторинга выполнения положений Конвенции за счет стран, которые не являются ее участниками (Армения, Казахстан и Узбекистан). Однако намерение привлечь новых партнеров не сработало: Армения и Таджикистан сформулировали оговорки к Протоколу, не признав компетенцию Комиссии рассматривать апелляции сторон и отдельных лиц. Протокол еще не вступил в силу. Совершенно очевидно, что Комиссии не суждено оправдать высокие ожидания². Примечательно, что предусмотренная учредительными документами Содружества Комиссия никогда не работала и прежде.

Некоторые эксперты допускают создание механизма защиты прав человека в Евразийском экономическом союзе: предлагается даже принять Хартию экономических и социальных прав, наделив Суд Союза правозащитной функцией³. Хотя в Договоре о ЕАЭС упоминаются права потребителей (ст. 60) и права работников государства-члена (ст. 98), такая защита носит узкоспециализированный характер.

Как отмечает Тан Сянь-Ли, «АСЕАН и ЕАЭС явно более развиты с точки зрения амбиций, перспектив и стратегии. Государства-члены обеих организаций консолидировали свои усилия по сотрудничеству. Они сделали это для того, чтобы закрепить выгоды от более глубокой экономической интеграции, сложные процессы которой требуют стабильности и предсказуемости, которые легализация и институционали-

¹ Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 290-ФЗ «О ратификации Протокола о внесении изменений в Конвенцию Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 года» // СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5308; решение Совета глав государств СНГ «О новой редакции Положения о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств» от 14 октября 2022 г. // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/> (дата обращения: 03.09.2024).

² Конвенцию подписали семь государств (Беларусь, Киргизия, Россия, Таджикистан, Армения, Молдова и Грузия), из которых первые четыре ратифицировали.

³ Нешатаева Т. Н. Евразийский экономический союз: органы, практика, право // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 5. С. 187–201.

зация могут обеспечить организационной системе. ШОС, СААРК, ФТО, МИГ и АТЭС... более гибки в своей повестке дня и взглядах и остались политическими и дипломатическими образованиями... Политическая гибкость более привлекательна для этих пяти [азиатско-тихоокеанских региональных организаций] из-за стратегических факторов, таких как присутствие конкурирующих держав внутри организации или в регионе в целом. В определенных случаях *гибкость и неформальность прокладывают путь к более широкому спектру потенциального сотрудничества*¹.

1. Потенциал правозащитной функции ШОС

Состав Шанхайской организации представляет собой и вызов, и возможности для развития правозащитного вектора одновременно. С одной стороны, члены Организации отличаются специфическими политическими режимами с ярко выраженными авторитарными тенденциями, что, несомненно, усложняет продвижение инициативы и радикально политизирует это направление межгосударственной кооперации. С другой – ни одна из этих стран открыто не отказывается от общедемократических ценностей и даже декларирует правозащитные идеи в конституционных актах, а потому по меньшей мере формально эти государства должны быть заинтересованы в обеспечении защиты прав человека за счет международных механизмов, лояльных указанным режимам². Присутствие Китая среди членов ШОС в качестве центра силы способно уравновесить разнонаправленные предпочтения и амбиции государств в области прав человека. Правозащитное сотрудничество и обмен информацией между странами в этой сфере может способствовать росту доверия между Китаем и государствами Центральной Азии, укреплению связей с Индией, Ираном и Пакистаном. В свою очередь ценным для других государств остается опыт участия России в Совете Европы и использовании Европейской конвенции по правам человека 1950 г., а наметившаяся дискуссия о новом региональном механизме защиты прав личности ставит вопрос о потенциально возможном, пусть и неравнозначном, но хотя бы гипотетически реальном аналоге международного регионального органа по правам человека.

Учреждение в ШОС специального правозащитного механизма не противоречит природе и институциональным основам этой международной организации.

1. Суть декларируемого так называемого шанхайского духа, пронизывающего межгосударственную кооперацию в рамках ШОС, составляет сотрудничество стран-участниц на основе взаимного уважения, многообразия культур и цивилизаций, христианской, буддийской, мусульманской религий, а также стремление к совместному развитию на основе добрососедства, взаимных консультаций, равноправных отношений, развития, принятия решений и международных договоров на основе консенсуса и прозрачности³. Таковы заявленные особенности партнерства ШОС. Очевидно, как минимум на уровне таких постулатов идея прав человека и его правового благополучия органично вплетена в тот самый «дух».

2. По своей природе ШОС не является ни военным блоком (в отличие от Организации Договора о коллективной безопасности или Североатлантического альянса), ни международной структурой по безопасности (в отличие от Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Регионального форума АСЕАН по безопасности).

Согласно Хартии ШОС ее цель и задачи состоят в укреплении между членами взаимного доверия, развитии сотрудничества, содействии социально-экономическому развитию участников, содействии обеспечению *прав и основных свобод человека* в соответствии с международными обязательствами государств-членов и их национальным законодательством (ст. 1)⁴. Таким образом, с точки зрения цели и задач ШОС

¹ Tan Hsien-Li. Regional Organizations // The Oxford Handbook of International Law in Asia and the Pacific / ed. by S. Chesterman, H. Owada, B. Saul. N. Y.: Oxford University Press, 2019. P. 56 (курсив наш. – М. Л., Р. Х.).

² Лихачев М. А. Универсальность международных стандартов прав человека: необходимая утопия // Право. Журнал Высшей школы экономики. Т. 17. № 1. С. 54–57.

³ Почему теория «Шанхайского духа» обладает мощной жизненной силой // Российская газета. 2020. 8 нояб. URL: <https://rg.ru/2020/11/08/pochemu-teoriia-shanhajskogo-duha-obladaet-moshchnoj-zhiznennoj-siloij.html> (дата обращения: 03.09.2024).

⁴ В отличие от Договора о ЕАЭС, нацеленного на создание условий для стабильного развития экономик государств-членов, формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, а также всестороннюю модернизацию, кооперацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик (ст. 4).

нет никаких препятствий для дальнейшей эволюции Организации в правозащитном направлении.

Хартия ШОС устанавливает предпосылки для развития стран в различных направлениях, включая гуманитарную сферу. По этой причине нет необходимости расширять компетенцию ШОС для включения в сферу ее ответственности вопросов прав человека (как в случае, например, ЕАЭС)¹. Стратегия развития ШОС до 2025 г., к примеру, декларирует, что государства-члены уделяют внимание, помимо прочего, совершенствованию ШОС как многопрофильной региональной организации, не предусматривающей формирования военно-политического союза или экономического интеграционного объединения с образованием наднациональных институтов управления².

Вместе с тем среди принципов ШОС не предусмотрено уважения к правам и свободам человека. Было бы уместно включить этот принцип в текст Хартии в качестве нового инструмента взаимодействия государств-членов. Тем более что цели и задачи ШОС предусматривают «поощрение прав человека и основных свобод в соответствии с международными обязательствами государств-членов и их национальным законодательством» (ст. 1 Хартии ШОС).

3. Несмотря на то что изначально усилия государств ШОС были направлены на обеспечение региональной безопасности³, нельзя отрицать, что вопросы защиты прав человека составляют в настоящее время неотъемлемый компонент мероприятий по защите международного мира и безопасности. Едва ли допустимо подвергать сомнению значимость интересов человека в данном случае. Растущее значение права прав человека, как отмечается, в частности, в Докладе Ассоциации международного права о реформировании ООН, потребовало нового прочтения положения о коллективной безопасности, изложенного в Уставе ООН, в свете таких концепций, как безопасность человека⁴. Такое понимание современных принудительных военных и иных, ненасильственных мер, реализуемых на коллективной основе, следует учитывать ШОС в своей деятельности.

Примером отступления от принципа неразрывной связи между обеспечением безопасности и деятельностью по защите прав человека могут служить договоры ШОС, которые содержат новые, пространные дефиниции преступлений сепаратизма и экстремизма и расширяют круг субъектов, чье «политически неблагонадежное» поведение могло бы стать основанием для их экстрадиции в соответствии с двусторонними договорами⁵. В этом случае недобросовестное применение государствами таких мер несет высокие риски злоупотребления в ущерб правам человека. Создание органа по защите данных прав представляет важную гарантию с точки зрения интересов потенциальных обвиняемых в сепаратизме и экстремизме.

На эту проблему обращали внимание и представители самой Организации. По словам одного из ее генеральных секретарей, «решая задачи в области безопасности, все большее значение в своей деятельности ШОС придает вопросам совместного развития... При этом на первый план все больше выходит социальная компонента, а главной задачей ШОС становится обеспечение благополучия людей и роста их благосостояния»⁶. Есть все основания рассчитывать на институциональную пригодность ШОС к созданию адаптированного под Организацию механизма защиты прав человека.

¹ *Entin M., Galushko D.* International Human Rights Protection and Regional Integration: European and Eurasian Integration Processes Compared // *Journal for the International and European Law, Economics and Market Integrations*. 2020. Vol. 7. № 1. P. 38.

² О Стратегии развития ШОС до 2025 года // Шанхайская организация сотрудничества: офиц. сайт. URL: <https://rus.sectsc.org> (дата обращения: 03.09.2024).

³ *Василенко В. И., Василенко В. В., Потеенко А. Г.* Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект). М.: Проспект, 2014.

⁴ *Accountability of the Security Council* // Report of the International Law Association Study Group on United Nations Reform / ed. by R. Wilde, Rapporteur of the Study Group. December 2011. P. 39. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1971008 (дата обращения: 03.09.2024).

⁵ *Ginsburg T.* Authoritarian international law? // *The American Journal of International Law*. 2020. Vol. 114. Is. 2. P. 253.

⁶ *Алимов Р. К.* Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. М.: Весь Мир, 2017. С. 23.

4. Тот факт, что государства-учредители не предусмотрели в Хартии ШОС отдельный орган по правам человека, не должен уменьшать его значимость в перспективе. Существует много исторических примеров, когда контрольные органы были образованы после создания международной организации (например, тот же Европейский Суд по правам человека при Совете Европы). Иногда государства заявляли в учредительном акте о намерении создать такой орган в будущем (ст. 14 Устава Лиги Наций о Постоянной палате международного правосудия, ст. 14 Устава АСЕАН об Органе АСЕАН по правам человека). Согласно п. 3 ст. 4 Хартии ШОС решение об учреждении новых органов принимает Совет глав государств.

Общий вектор развития ШОС тоже свидетельствует о постепенном расширении сфер сотрудничества государств-членов и проявлении интереса третьих стран к деятельности региональной организации. Подобная практика расходится с ситуацией в СНГ, столкнувшемся с постепенным сокращением числа членов (Грузия, Украина) и низкой активностью сохраняющих в специфических форматах членство государств (Туркменистан), несмотря на широкую предметную компетенцию объединения.

5. Для современного состояния международно-правового регулирования характерно пристальное внимание к интересам личности, а гуманизация международного права представляет собой «дух времени» (*Zeitgeist*). ШОС не может находиться в стороне от процессов, которые затрагивают права человека, если всерьез намерена претворить в жизнь многочисленные амбициозные заявления о расширении участия в делах региона и повышении авторитета на глобальной арене.

В принципе, довольно конкретные заявления на этот счет уже сделаны в рамках ШОС: обсуждаются меры по противодействию распространению COVID, по развитию науки и технологий, по поддержке бизнес-инициатив¹. В силу ст. 11 Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС от 16 августа 2007 г. Договаривающиеся Стороны развивают сотрудничество в таких областях, как содействие реализации прав человека и основных свобод в соответствии со своими международными обязательствами и национальным законодательством. Создание в ШОС правозащитного органа могло бы стать логичным шагом в этом направлении.

С. Ханьцин отмечает расширение сотрудничества в рамках предметной компетенции ШОС. Она считает, что при решении региональных и глобальных проблем, таких как глобальный финансовый кризис, обеспечение энергетической и продовольственной безопасности, изменение климата, ШОС сформулировала общие позиции своих членов и предложила взгляды на будущие международные действия с претензией на расширение и углубление сотрудничества в этих сферах².

6. Правозащитный механизм ШОС не дублирует похожие международные структуры, в которых уже участвуют государства-члены Организации. Как уже отмечалось, прежние попытки государств, участвующих в работе ШОС, учредить эффективный или хотя бы работающий международный орган по защите прав человека пока не увенчались успехом: упомянутая Комиссия по правам человека, предусмотренная ст. 33 Устава СНГ от 22 января 1993 г., едва ли начнет реальную работу; одноименная комиссия в рамках Союзного государства России и Беларуси (создание предусмотрено ст. 16 Договора от 8 декабря 1999 г. о создании объединения) существует лишь на бумаге; Суд ЕАЭС остается органом правосудия, обслуживающим экономическую интеграцию. К последнему в экспертном сообществе есть претензии с точки зрения эффективности по своему первоначальному направлению³, усложнение его юрисдикции за счет правозащитных дел усугубит положение. Как минимум, в случае при-

¹ Заявление Совета глав государств-членов ШОС о совместном противодействии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) от 10 ноября 2020 г., Заявление Совета глав государств-членов ШОС об укреплении сотрудничества в области науки, технологий и инноваций от 17 сентября 2021 г., Совместное коммюнике по итогам двадцать первого заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов ШОС от 1 ноября 2022 г. Документы доступны на официальном сайте международной организации: Шанхайская организация сотрудничества: офиц. сайт. URL: <https://rus.sectscsco.org> (дата обращения: 03.09.2024).

² Hanqin X. Chinese Contemporary Perspectives on International Law: History, Culture and International Law // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. 2012. Vol. 355. P. 217.

³ Исполинов А. С., Кадышева О. В. Статут Суда ЕАЭС: возможные пути модернизации // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2021. № 5. С. 28–47.

нения необходимости учреждения регионального правозащитного органа ШОС выглядит наиболее прагматичным и рабочим вариантом.

7. Представители стран-участниц неоднократно заявляли о готовности развивать сотрудничество национальных судов, органов юстиции, прокуратуры, в том числе по правам человека. Об этом речь идет, в частности, в Самаркандской декларации Совета глав государств-членов ШОС от 16 сентября 2022 г.¹, Душанбинской декларации двадцатилетия ШОС от 17 сентября 2021 г.² Несмотря на то что структуры ШОС организованы преимущественно на уровне глав государств и профильных министерств и ведомств, на площадке организации проводятся также встречи руководителей парламентов и судов. Например, 10–12 марта 2023 г. в Нью-Дели состоялось XVIII Сопредседательское совещание председателей верховных судов государств-членов ШОС, на котором обсуждались вопросы информатизации, доступа к правосудию, проблемы правоприменения³.

Международные организации в регионе нередко становятся предметом рассмотрения в контексте организации правозащитного механизма и оценки соответствующего потенциала. Примечательно, что из всех вариантов именно ШОС вызывает наименьший скепсис. Так, А. В. Обыденкова и А. Либман отмечают, что «евразийские организации либо явно отказываются опираться на сколько-нибудь ясную ценностную основу (ЕАЭС, который позиционирует себя как чисто экономическая организация), либо используют демократическую риторику, наполняя ее вокабуляр специфическим содержанием (СНГ), либо концентрируются на безопасности и суверенитете как главных ценностях (ШОС). Евразия действительно отличается от других [недемократических макрорегионов], поскольку представляет собой особый случай, когда ведущее государство достаточно могущественно, чтобы вызывать опасения по поводу вероятных [риторических] манипуляций, но недостаточно сильно, чтобы принудить другие страны к членству. В случае ЕАЭС и СНГ этот вопрос стоит особенно остро»⁴.

8. Общее прошлое некоторых стран ШОС и их общие традиции в области государственного строительства и управления могут составить верную институциональную основу для учреждения правозащитного механизма, а сходство политических режимов и близость подходов к правовым стандартам облегчили бы сближение стран-участниц в толковании и применении законодательства в этой области. Интерес представляют предлагаемая идея евразийства и потенциал евразийской концепции прав человека, взятых в качестве регионального варианта универсальной правозащитной доктрины, поддержанной на уровне ООН: признание условных «азиатских ценностей» предполагает согласование общепризнанных подходов с небесспорными представлениями о приоритете сообщества и государства над личностью, преимуществе общественного порядка над личными правами и свободами, общем благополучии, особом внимании к морали и религии, культе сильных политических лидеров⁵.

Есть основания полагать, что такие установки согласуются с китайским восприятием государственности и прав личности. В этом случае страны Центральной Азии и Китай могли бы попытаться сформировать коалицию, транслирующую декларируемые ценности в работе международного правозащитного органа ШОС. Т. Оганесян, обращая внимание на существующие противоречия во взглядах носителей так называемых азиатских ценностей в области прав человека, отмечает, что сегодня начался новый этап в дебатах об их содержании и эволюции с участием государств и обществ региона. Определенно можно утверждать, что эти ценности сложились как феномен и представлены в различных формах (литература, СМИ, официальные

¹ Documents signed during the meeting of the Council of Heads of SCO Member States that you can find in the “Documents” section // The Shanghai cooperation organisation. URL: <http://eng.sectesco.org> (дата обращения: 03.09.2024).

² Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС // Шанхайская организация сотрудничества: офиц. сайт. URL: <http://rus.sectesco.org> (дата обращения: 03.09.2024).

³ XVIII Сопредседательское совещание председателей Верховных судов государств-членов ШОС // Шанхайская организация сотрудничества: офиц. сайт. URL: <http://rus.sectesco.org> (дата обращения: 03.09.2024).

⁴ *Obydenkova A. V., Libman A. Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspectives and the Eurasian Enigma*. N. Y.: Oxford University Press, 2019. P. 266.

⁵ *Vinnichenko O., Gladun E., Busurmanov Zh. Convergence of Western and Asian legal values in the SCO perspective // The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons / ed. by S. Marochkin, Yu. Bezborodov. L.; N. Y.: Routledge, 2022. P. 77–79.*

документы). В то же время противники «азиатских ценностей» считают, что эта концепция используется для оправдания правительственных ограничений политических и личных свобод¹.

Создание институциональной базы для защиты прав станет серьезным испытанием на верность правозащитным стандартам и последовательность в правовой политике для государств региона, в том числе для России, а также реальной возможностью заявить о своем понимании прав человека и основных свобод, закрепленных на универсальном уровне. В конце концов, «[такая] универсальность не означает однообразия, и большинство норм в области прав человека определены таким образом, что неизбежно предполагает определенную степень гибкости в их толковании и применении»².

2. Выгоды для ШОС и государств-членов

Предлагаемое изменение в системе ШОС положительно повлияет на деятельность Организации в целом и будет соответствовать интересам государств-членов.

Специальный механизм защиты прав человека способствовал бы углублению и расширению сотрудничества между государствами-членами ШОС за счет включения в ее компетенцию гуманитарного компонента. Страны ШОС прежде неоднократно заявляли о приверженности защите прав человека на глобальном уровне, поддержке целей и принципов ООН. Например, в соответствии с п. 5 Совместного заявления министров иностранных дел РФ и КНР от 11 сентября 2020 г.³ стороны продолжают развивать сотрудничество в сфере поощрения и защиты прав человека, продвигать в рамках правозащитных органов системы ООН равное отношение ко всем категориям прав человека. Конструктивный потенциал Организации в деле обеспечения мира и устойчивого развития, содействия развитию регионального сотрудничества и укреплению добрососедских отношений отметила Генеральная Ассамблея ООН⁴. В этом смысле усилия ШОС по созданию собственной правозащитной структуры могли бы стать крайне полезными для упрочения ее влияния в региональных и субрегиональных отношениях.

Формирование органа по защите прав человека может стать ответом на критику в адрес членов ШОС и их правозащитной и гражданской политики. Это также сделало бы ситуацию с правами человека в национальных правовых системах более прозрачной для международного сообщества, позволило бы перейти от декларативных, в основном политических, документов к международным договорам, налагающим четкие, конкретные обязательства по правовой защите человека, и разнообразило бы тематику соглашений ШОС, посвященных сегодня преимущественно мерам борьбы с наркотиками, торговлей людьми, терроризмом и экстремизмом. Какие бы усилия ни предпринимались участниками в рамках гуманитарной повестки, они должны подкрепляться конкретными действиями, свидетельствующими о серьезности намерений, выражаемых на регулярных многосторонних встречах, в том числе в формате постоянно действующего международного органа.

С точки зрения Сыэньо Еэ, современный этап развития международных отношений характеризуется сопрогрессивностью как особенностью международного права XXI в. Такая сопрогрессивность пришла на смену идее сосуществования разных политико-культурных систем, предложенной в разгар холодной войны, и сопутствующего сотрудничества в период разрядки. Концепция декларирует постепенный морально-этический прогресс человечества, ведущий ко всеобщему процветанию. В таком случае государству отводится важная роль в защите прав человека. Автор поясняет:

¹ *Оганесян Т.* «Азиатские ценности» и их роль в процессе становления субрегиональной системы защиты прав человека в Азии // *Международное правосудие.* 2019. № 1(29). С. 87.

² *Hannum H.* Human Rights // *The Oxford Handbook of International Law in Asia and the Pacific.* P. 140–141.

³ Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Китайской Народной Республики, Москва, 11 сентября 2020 года // Министерство иностранных дел РФ: офиц. сайт. URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 03.09.2024). См. также: The Moscow Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation; Циндаоская декларация Совета глав государств-членов ШОС от 10 июня 2018 г. // Шанхайская организация сотрудничества: офиц. сайт. URL: <http://sectsc.org> (дата обращения: 03.09.2024).

⁴ См. п. 1 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Шанхайской организацией сотрудничества» от 17 марта 2021 г. (Документ ООН: A/RES/73/334).

«Право гарантирует достижение цели любого сообщества – процветания человечества. Под процветанием понимается такое состояние общества, при котором каждый человек воплощает в жизнь достойный план, преследуя достойные цели и руководствуясь достойными ценностями. Следует признать существование „стимулируемой свободы“, т. е. согласиться с тем, что поиск смысла жизни не есть внутреннее побуждение человека, он стимулируется (но не навязывается) извне – самим обществом, его культурой, историей, отношениями между людьми. ...без государства человек и помыслить бы не смог о многообразии выбора. Именно государство снабжает человека информацией и обуславливает его мировосприятие»¹. Такое место личности может быть воспринято в свете установившихся стандартов в области прав человека неоднозначно, однако все же этот подход не предрешает выбор вариантов взаимодействия человека и государства, общества и правительственных институтов, ограничения прав и свобод в публичных интересах. Создание нового органа по правам человека в ШОС может стать достойным ответом на нынешнюю критику и способно в перспективе компенсировать дефицит правовой защиты, вызванный осторожным отношением государств-членов к таким механизмам на универсальном и региональном уровнях.

Повод к осторожности в оценках дают некоторые заявления ключевых государств-членов ШОС. Так, в российско-китайской декларации о повышении роли международного права от 25 июня 2016 г. сформулировано понимание справедливого международного порядка этими странами. В старательно составленном перечне основных идей, таких как суверенное равенство и воздержание от угрозы силой, осуждение военного вмешательства и односторонних санкций, иммунитеты государств и должностных лиц, нет ни одного упоминания об уважении прав и свобод личности, выполнении обязательств в области прав человека, воспрепятствовании грубым и систематическим посягательствам на человеческую жизнь и достоинство².

В настоящее время обязательства по правам человека реализуются на уровне индивидуальных усилий стран-участниц. Для ШОС этого явно недостаточно: учреждение специального органа по защите прав человека не только ценно само по себе, но и кардинально меняет архитектуру самой Организации, которая, судя по заявлениям ее должностных лиц, представителей стран-участниц и положениям учредительных документов, не заиклена на противодействии наркоторговле, терроризму и экстремизму.

Невозможно развивать полноценное многостороннее сотрудничество, игнорируя правозащитную тематику, поскольку «абсолютно каждое интеграционное объединение сталкивается с необходимостью реальной защиты прав человека на разных этапах своего развития»³. Международные региональные организации в Европе, Африке, Америке, не позиционирующие себя как военные блоки и организации, предусматривают подобные судебные или квазисудебные учреждения (показателен в этом плане опыт АСЕАН).

Возможно, предлагаемый правозащитный механизм должен быть в первую очередь сосредоточен не на прямой защите прав заявителей (через механизмы прямого доступа и судебного рассмотрения индивидуальных жалоб с последующим принятием юридически обязательных решений), а на продвижении идеалов и ценностей в области прав человека в рамках повестки ШОС. Формат экспертно-консультативного органа (первоначально) с последующим расширением его компетенции в сторону работы с индивидуальными сообщениями по типу комитетов ООН (с принятием юридически необязательных решений-мнений) – вариант постепенной трансформации нового института. Важно сохранить баланс, не допустив превращения структуры

¹ И Сяньхэ. Международное право сопрогрессивирования: общая характеристика, нормативное обоснование и некоторые основные принципы // Российский юридический журнал. 2015. № 5(104). С. 58–59. См. также: Yee S. The International Law of Co-progressiveness: The Descriptive Observation, the Normative Position and Some Core Principles // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13. Is. 3. P. 485–499.

² Декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права // Министерство иностранных дел РФ: офиц. сайт. URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 03.09.2024).

³ Ковлер А. И., Лебедева Я. И. Защита прав человека *stricto sensu* судами интеграционных объединений: опыт сравнительного анализа // Международное правосудие. 2022. № 4. С. 36–50.

в еще один политический орган, аккомпанирующий принятым решениям глав государств и правительств.

Формирование правозащитного механизма в ШОС не должно требовать от ее членов принятия всех обязательств и сразу: например, можно идти по пути конструктора Европейской социальной хартии. Возможно признание компетенции органа лишь в части, путем поддержки его отдельных функций – консультативных заключений, экспертных отчетов, индивидуальных процедур. Членами Организации являются государства, которые, несмотря на общие подходы, имеют различия с точки зрения развития законодательства, влияния религии, культурной жизни. Создание специального органа по правам человека должно вписаться в имеющиеся расхождения. В международной практике встречаются примеры различных механизмов защиты прав человека в рамках межгосударственных объединений. В целом, специфические подходы стран к ценностям в области прав человека и возможные различия в их восприятии не должны подрывать идею международной защиты личности как таковой¹.

Очевидно, что всестороннее развитие сотрудничества в рамках ШОС отвечает интересам России и Китая. Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации² всеобъемлющее углубление связей и координации с дружественными суверенными глобальными центрами силы и развития, расположенными на Евразийском континенте, имеет особое значение для достижения стратегических целей и выполнения основных задач внешней политики государства (п. 51). В соответствии с Совместным заявлением РФ и КНР к двадцатилетию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 28 июня 2021 г.³ стороны намерены и дальше прилагать совместные усилия, направленные на содействие обеспечению равноправного подхода правозащитных механизмов ООН по системному продвижению прав человека. Россия и Китай могли бы задавать темп в далекой идущей реформе Организации в этом отношении.

Лишь некоторые государства ШОС закрепили на конституционном уровне право на обращение в межгосударственные органы по защите прав человека (ст. 41 Конституции Киргизии 2010 г., ст. 46 Конституции России 1993 г., ст. 55 Конституции Узбекистана 2023 г.). Отсутствие такого регулирования может быть дополнено практикой участия государств-членов ШОС в работе ее правозащитного механизма, предусматривающего (в перспективе) индивидуальные сообщения о нарушениях прав человека и общий надзор за соблюдением соответствующего режима. Право на индивидуальную петицию в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах признано Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Узбекистаном. Признание такого права на региональном уровне дополнит гарантии в универсальной системе защиты прав человека.

Возможен обмен опытом между странами ШОС, которые вовлечены в другие международные правозащитные органы (например, в Независимую постоянную комиссию по правам человека Организации исламского сотрудничества). В Нью-Делийской декларации Совета глав государств-членов ШОС от 4 июля 2023 г. провозглашено, что Центральная Азия является ядром ШОС и ее члены поддерживают усилия стран региона, направленные на обеспечение процветания и мира, устойчивого развития и формирование пространства добрососедства, доверия и дружбы.

Янь Чэн отмечает, что «шанхайский дух следует рассматривать в свете его развития. Сущность шанхайского духа не статична... новые практики расширили объем шанхайского духа, а также предоставили богатые философские и интеллектуальные ресурсы для теорий международных отношений»⁴. В то же время он признает, что «членам

¹ Ковлер А., Фокин Е., Черенкова В. Органы международного правосудия в интеграционных системах современного мира // Международное правосудие. 2019. № 2(30). С. 44–61.

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел РФ: офиц. сайт. URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 03.09.2024).

³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики к двадцатилетию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент РФ: офиц. сайт. URL: <http://static.kremlin.ru> (дата обращения: 03.09.2024).

⁴ Cheng Y. The Shanghai Spirit and SCO Mechanisms: Beyond Geopolitics // The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics: New Directions, Perspectives, And Challenges / ed. by M. Fredholm. Copenhagen: NIAS Press, 2013. P. 206–207.

ШОС не хватает необходимых элементов региональной идентичности, таких как общее или похожее историческое прошлое, культурные традиции и религии... Это тесно связано с институциональными конструкциями и деятельностью ШОС. Для широкой публики ШОС – это возвышенный геополитический и экономический проект, едва ли имеющий отношение к их повседневной жизни... Хотя все члены организации согласны с шанхайским духом, им все же трудно сделать выбор между относительными и абсолютными выгодами, между экономическими интересами и стратегическими расчетами, вопросами, касающимися выбора Китая и России или Соединенных Штатов в качестве приоритетного партнера, поскольку идентичность с чувством „духовной близости“ еще не существует»¹.

Такая парадоксальная разобщенность при имеющихся общих подходах отличает и другие межправительственные объединения на евразийском пространстве. Так, учет отличающихся конституционных традиций государств-членов актуален для Суда ЕАЭС. В качестве возможного варианта разрешения противоречия Е. Б. Дьяченко и К. В. Энтин предлагают включение прав человека в качестве общего принципа правовой системы Союза. Это дает возможность Суду ЕАЭС проверять решения Евразийской экономической комиссии на соответствие основным правам человека. Такой контроль будет первично осуществляться судами государств, что подчеркивает необходимость диалога между национальными судами и Судом ЕАЭС². Аналогичный подход может быть воспринят и в ШОС для обеспечения высокого уровня защиты прав человека.

3. Препятствия для интеграции в области прав человека

В то же время важно учитывать ряд факторов, осложняющих развитие защиты прав человека в ШОС и учреждение соответствующего механизма.

Во-первых, часть стран ШОС располагают общим опытом сотрудничества в рамках СССР, их отличают (и объединяют) географическая близость, устойчивые практики взаимодействия в одном государстве, общее языковое и образовательное пространство, а также тесные связи в области культуры. Для остальных же государств-членов Организации сдерживающим фактором может стать культурно-политическая и социально-историческая неоднородность: многонациональная культура России, уникальная многотысячелетняя китайская цивилизация, элементы патриархальной религиозной культуры стран Центральной Азии. Как справедливо пишет Марк Лантегн, «в ШОС сохраняются фундаментальные различия как в отношении идеальной идентичности организации в области безопасности, так и в отношении степени, в которой вопросы, не связанные с безопасностью, такие как экономическое сотрудничество, должны быть включены в компетенцию ШОС»³. В то же время все страны в той или иной степени связаны вестернизированными практиками современной глобальной цивилизации.

С одной стороны, такое разнообразие и культурное богатство являются одним из мощных ресурсов внешней «мягкой силы» ШОС. Многосторонние обязательства в области прав человека также могут служить объединяющим фактором. Например, Дуань Цзелун считает, что Китай выступает за построение «гармоничного мира», за уважение Устава ООН и основных прав человека и свобод, предусмотренных конвенциями по правам человека⁴. С другой стороны, отсутствие устойчивых общих правовых ценностей и языка осложняет сотрудничество в рамках ШОС, препятствует созданию и функционированию гуманитарного механизма. Как известно, официальными языками ШОС являются русский и китайский. Если русский язык активно используется на постсоветском пространстве ШОС, то китайский язык не может быть объединяю-

¹ Cheng Y. Op. cit. P. 215–216.

² Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Толкование с опорой на конституционные традиции государств-членов и защита прав человека Судом Европейского Союза и Судом Евразийского экономического союза // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 4. С. 185.

³ Lanteigne M. Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging Security Interests and the 'Crimea Effect' // Russia's Turn to the East Domestic Policymaking and Regional Cooperation / ed. by H. Blakkisrud, E. Wilson Rowe. Cham: Springer, 2018. P. 132.

⁴ Jielong D. The Concept of the 'Harmonious World': An Important Contribution to International Relations // Multiculturalism and International Law: Essays in Honour of Edward McWhinney / ed. by S. Yee, J.-Y. Morin. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2009. P. 62.

щим для остальных членов Организации: России, стран Центральной Азии, Индии и Пакистана.

Во-вторых, гуманитарное сотрудничество также осложняют некоторые противоречия между государствами-членами ШОС: экономическая конкуренция Китая и России, с одной стороны, и стран Центральной Азии – с другой. Правительства центральноазиатских стран ищут баланс между российским и китайским центрами силы. Нельзя игнорировать и сложные отношения между Узбекистаном и Кыргызстаном. То же самое верно и в отношении партнерства Индии, Пакистана и Китая. Кроме того, «необходимость устранения значительного разрыва между политическим и экономическим направлениями деятельности Организации остается актуальной задачей»¹.

В-третьих, ШОС объединяет государства с разным уровнем демократических институтов, и это сильно влияет на политику Организации, ориентированную на декларирование и демонстрацию благих намерений на фоне отсутствия реальных действий в области прав человека. В этой части если что-то и объединяет государства-членов ШОС, так это низкий уровень правовой защищенности человека. Это усложняет недостаточная активность в здоровом нормотворчестве (на уровне Организации), сопровождающаяся высокой активностью в геополитической сфере.

Шанхайская организация сотрудничества сохраняет весомое стратегическое значение для амбиций и России, и Китая. Присутствие значимых и заинтересованных игроков определяет высокий потенциал расширения компетенции Организации, в том числе за счет правозащитного компонента. И хотя членский состав, преобладающие политические режимы, опыт сотрудничества участников и направленность ШОС не оставляют иллюзий насчет беспрепятственности вероятного регионального механизма защиты прав человека при объединении, политико-риторический и репутационный интересы стран-участниц в углублении кооперации по гуманитарным вопросам создают убедительные предпосылки для такого решения и могут стать драйвером постепенной эволюции этого механизма. Опыт России по линии Совета Европы, а также ее потребность в обеспечении конституционных гарантий для российских граждан (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ) предопределяют активную инициативу российской стороны в учреждении и развитии правозащитных механизмов при ШОС.

Список литературы

Алимов Р. К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. М.: Весь Мир, 2017. 336 с.

Василенко В. И., Василенко В. В., Потеенко А. Г. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект). М.: Проспект, 2014. 192 с.

Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Толкование с опорой на конституционные традиции государств-членов и защита прав человека Судом Европейского Союза и Судом Евразийского экономического союза // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 4. 173–186.

И Сяньхэ. Международное право сопргрессирования: общая характеристика, нормативное обоснование и некоторые основные принципы // Российский юридический журнал. 2015. № 5(104). С. 56–71.

Исполинов А. С., Кадышева О. В. Статут Суда ЕАЭС: возможные пути модернизации // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2021. № 5. С. 28–47.

Клеандров М. И. Будущий Международный суд по правам человека с участием России: варианты возможностей // Государство и право. 2003. № 1. С. 12–22.

Ковлер А., Фокин Е., Черенкова В. Органы международного правосудия в интеграционных системах современного мира // Международное правосудие. 2019. № 2(30). С. 44–61.

Ковлер А. И., Лебедева Я. И. Защита прав человека *stricto sensu* судами интеграционных объединений: опыт сравнительного анализа // Международное правосудие. 2022. № 4. С. 36–50.

Конаровский М. А. Россия – ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 4. С. 149–161.

Лихачев М. А. Универсальность международных стандартов прав человека: необходимая утопия // Право. Журнал Высшей школы экономики. Т. 17. № 1. С. 40–67.

Лунев А. А. Основные права юридических лиц в международной системе защиты прав человека: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2023. 185 с.

Нешатаева Т. Н. Евразийский экономический союз: органы, практика, право // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 5. С. 187–201.

¹ Конаровский М. А. Россия – ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 4. С. 154.

Оганесян Т. «Азиатские ценности» и их роль в процессе становления субрегиональной системы защиты прав человека в Азии // *Международное правосудие*. 2019. № 1(29). С. 81–92.

Accountability of the Security Council. Report of the International Law Association Study Group on United Nations Reform / ed. by R. Wilde, Rapporteur of the Study Group. December 2011. 79 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1971008.

Cheng Y. The Shanghai Spirit and SCO Mechanisms: Beyond Geopolitics // *The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics: New Directions, Perspectives, And Challenges* / ed. by M. Fredholm. Copenhagen: NIAS Press, 2013. 324 p.

Entin M., Galushko D. International Human Rights Protection and Regional Integration: European and Eurasian Integration Processes Compared // *Journal for the International and European Law, Economics and Market Integrations*. 2020. Vol. 7. № 1. P. 21–45.

Ginsburg T. Authoritarian international law? // *The American Journal of International Law*. 2020. Vol. 114. Is. 2. P. 221–260.

Hannum H. Human Rights // *The Oxford Handbook of International Law in Asia and the Pacific* / ed. by S. Chesterman, H. Owada, B. Saul. N. Y.: Oxford University Press, 2019. 904 p.

Hanqin X. Chinese Contemporary Perspectives on International Law: History, Culture and International Law // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. 2012. Vol. 355. 282 p.

Jielong D. The Concept of the 'Harmonious World': An Important Contribution to International Relations // *Multiculturalism and International Law: Essays in Honour of Edward McWhinney* / ed. by S. Yee, J.-Y. Morin. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2009. 770 p.

Lanteigne M. Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging Security Interests and the 'Crimea Effect' // *Russia's Turn to the East Domestic Policymaking and Regional Cooperation* / ed. by H. Blakkisrud, E. Wilson Rowe. Cham: Springer, 2018. 167 p.

Obydenkova A. V., Libman A. Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspectives and the Eurasian Enigma. N. Y.: Oxford University Press, 2019. 336 p.

Tan Hsien-Li. Regional Organizations // *The Oxford Handbook of International Law in Asia and the Pacific* / ed. by S. Chesterman, H. Owada, B. Saul. N. Y.: Oxford University Press, 2019. 904 p.

Vinnichenko O., Gladun E., Busurmanov Zh. Convergence of Western and Asian legal values in the SCO perspective // *The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons* / ed. by S. Marochkin, Yu. Bezborodov. L.; N. Y.: Routledge, 2022. 262 p.

Yee S. The International Law of Co-progressiveness: The Descriptive Observation, the Normative Position and Some Core Principles // *Chinese Journal of International Law*. 2014. Vol. 13. Is. 3. P. 485–499.

References

Accountability of the Security Council (2011). In Wilde R. (Ed.). *Report of the International Law Association Study Group on United Nations Reform, Rapporteur of the Study Group, December*, 79 p., available at : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1971008 (accessed: 03.09.2024).

Alimov R. K. (2017) *Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva: stanovlenie, razvitie, perspektivy* [Shanghai Cooperation Organization: Origin, Evolution, Perspectives]. Moscow, Ves' Mir, 336 p.

Cheng Y. (2013) The Shanghai Spirit and SCO Mechanisms: Beyond Geopolitics. In Fredholm M. (Ed.). *The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics: New Directions, Perspectives, and Challenges*. Copenhagen, NIAS Press, 324 p.

D'yachenko E. B., Entin K. V. (2021) Tolkovanie s oporoi na konstitutsionnye traditsii gosudarstv-chlenov i zashchita prav cheloveka Sudom Evropeiskogo Soyuza i Sudom Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [The Interpretation under the Constitutional Traditions of the Member-States and Human Rights Protection by the Court of the European Union and the Court of the Eurasian Economic Union]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, vol. 25, is. 4, pp. 173–186.

Entin M., Galushko D. (2020) International Human Rights Protection and Regional Integration: European and Eurasian Integration Processes Compared. In *Journal for the International and European Law, Economics and Market Integrations*, vol. 7, no. 1, pp. 21–45.

Ginsburg T. (2020) Authoritarian international law? In *American Journal of International Law*, vol. 114, is. 2, pp. 221–260.

Hannum H. (2019) Human Rights. In Chesterman S., Owada H., Saul B. (Eds.) *The Oxford Handbook of International Law in Asia and the Pacific*. New York, Oxford University Press, 904 p.

Hanqin X. (2012) Chinese Contemporary Perspectives on International Law: History, Culture and International Law. In *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 355, 282 p.

Jielong D. (2009) The Concept of the 'Harmonious World': An Important Contribution to International Relations. In Yee S., Morin J.-Y. (Eds.). *Multiculturalism and International Law: Essays in Honour of Edward McWhinney*. Leiden, Boston, Martinus Nijhoff Publishers, 770 p.

Ispolinov A. S., Kadysheva O. V. (2021) Statut Suda EAES: vozmozhnye puti modernizatsii [Statute of the EAEU court: potential ways of modernization]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo*, no. 5, pp. 28–47.

Kleandrov M. I. (2003) Budushchii Mezhdunarodnyi sud po pravam cheloveka s uchastiem Rossii: varianty vozmozhnostei [International Court of Human Rights and Russia's Participation: the Possibilities]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 1, pp. 12–22.

Konarovskii M. A. (2016) Rossiya – ShOS: nekotorye elementy strategii [Russia – SCO: Some Strategies]. In *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, vol. 11, is. 4, pp. 149–161.

Kovler A. I., Lebedeva Ya. I. (2022) Zashchita prav cheloveka stricto sensu sudami integratsionnykh ob"edinenii: opyt sravnitel'nogo analiza [The Human Rights Protection stricto sensu by the Courts of Integration Organizations: Comparative Analysis]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 4, pp. 36–50.

Kovler A., Fokin E., Cherenkova V. (2019) Organy mezhdunarodnogo pravosudiya v integratsionnykh sistemakh sovremennogo mira [The International Judicial Authorities in Modern Integration Systems]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 2(30), pp. 44–61.

Lanteigne M. (2018) Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging Security Interests and the 'Crimea Effect'. In Blakkisrud H., Wilson Rowe E. (Eds.) *Russia's Turn to the East Domestic Policymaking and Regional Cooperation*. Cham, Springer, 167 p.

Likhachev M. A. (2024) Universal'nost' mezhdunarodnykh standartov prav cheloveka: neobkhodimaya utopiya [Universality of International Human Rights Standards: A Necessary of Utopia]. In *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 17, no. 1, pp. 40–67.

Lunev A. A. (2023) *Osnovnye prava yuridicheskikh lits v mezhdunarodnoi sisteme zashchity prav cheloveka: dis. ... kand. yurid. nauk* [Fundamental Rights of Corporations in International Human Rights System: a candidate of legal sciences thesis]. Ekaterinburg, 185 p.

Neshataeva T. N. (2023) Evraziiskii ekonomicheskii soyuz: organy, praktika, pravo [Eurasian Economic Union: Structure, Practice, Law]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, vol. 27, no. 5, pp. 187–201.

Obydenkova A. V., Libman A. (2019) *Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspectives and the Eurasian Enigma*. New York, Oxford University Press, 336 p.

Oganesyanyan T. (2019) «Aziatskie tsennosti» i ikh rol' v protsesse stanovleniya subregional'noi sistemy zashchity prav cheloveka v Azii [Asiatic Values and their Role in Subregional Systems of Human Rights Protection in Asia]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 1(29), pp. 81–92.

Tan Hsien-Li (2019) Regional Organizations. In Chesterman S., Owada H., Saul B. (Eds.) *The Oxford Handbook of International Law in Asia and the Pacific*. New York, Oxford University Press, 904 p.

Vasilenko V. I., Vasilenko V. V., Poteenko A. G. (2014) *Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva v regional'noi sisteme bezopasnosti (politiko-pravovoi aspekt)* [Shanghai Cooperation Organization in the System of Regional Security (political and legal aspects)]. Moscow, Prospekt, 192 p.

Vinnichenko O., Gladun E., Busurmanov Zh. (2022) Convergence of Western and Asian legal values in the SCO perspective. In Marochkin S., Bezborodov Yu. (Eds.) *The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons*. London, New York, Routledge, 262 p.

Yee S. (2014) The International Law of Co-progressiveness: The Descriptive Observation, the Normative Position and Some Core Principles. In *Chinese Journal of International Law*, vol. 13, is. 3, pp. 485–499.

Yee S. (2015). Mezhdunarodnoe pravo soprogressirovaniya: obshchaya kharakteristika, normativnoe obosnovanie i nekotorye osnovnye printsipy [International Law of Co-progress: the Review, Elaboration and Some General Principles]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 5(104), pp. 56–71.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ПО ДЕЛАМ О ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Рачева Нелли Витальевна

Доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0001-9106-8809, e-mail: ekaterinburg@mail.ru.

Бандурина Дарья Александровна

Студент Института государственного и международного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0007-9179-393X, e-mail: bandurina2002@gmail.com.

Ввиду специфики ятрогенных преступлений, обусловленной специальным субъектом и видом осуществляемой деятельности, при расследовании данной категории преступлений возникают сложности, связанные с получением достоверной информации о допущенных медиком нарушениях в системе «врач – пациент». Одним из важнейших следственных действий выступает допрос свидетелей, в том числе медицинских работников. Особое значение имеет стадия подготовки к допросу. На данной стадии следователю необходимо изучить медицинскую документацию, заключение эксперта. Из-за специфики используемой медицинской терминологии на этом этапе целесообразно привлечение специалиста в области медицины и охраны здоровья. Следователю также нужно изучить информацию о допрашиваемом лице. Кроме того, на этапе подготовки к допросу необходимо составить план допроса, указав в нем обстоятельства, подлежащие выяснению, вопросы и их последовательность, перечень доказательств и способы их предъявления, тактические приемы. Вместе с тем предмет допроса, как и перечень вопросов, которые необходимо задать свидетелю, будут отличаться для каждой категории медицинских работников. Разработка классификаций медицинских работников из числа свидетелей позволит следователю получить достоверные и полные показания об обстоятельствах имевшего место неблагоприятного исхода медицинской помощи.

Ключевые слова: расследование ятрогенных преступлений, категории медицинских работников, подготовка к допросу, предмет допроса, ситуации допроса

Для цитирования: Рачева Н. В., Бандурина Д. А. Некоторые особенности допроса медицинских работников по делам о ятрогенных преступлениях // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 4. С. 36–50. DOI: 10.34076/22196838_2024_4_36.

SOME FEATURES OF THE INTERROGATION OF MEDICAL WORKERS IN CASES OF IATROGENIC CRIMES

Racheva Nelly

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, associate professor, ORCID: 0000-0001-9106-8809, e-mail: ekaterinburg@mail.ru.

Bandurina Daria

Student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0001-9106-8809, e-mail: bandurina2002@gmail.com.

Due to the specifics of iatrogenic crimes caused by a special subject and the type of activity carried out, when investigating this category of crimes, difficulties arise related to obtaining reliable information about violations committed by a medical worker in

the «doctor – patient» system. One of the most important investigative actions is the interrogation of witnesses, including medical workers. The stage of preparation for the interrogation is of particular importance. At this stage the investigator needs to examine the medical documentation and the expert's opinion. Due to the specifics of the medical terminology used, it is advisable at this stage to involve a specialist of medicine and health protection. The investigator should also examine the information about the person being questioned. In addition, at the stage of preparation for the interrogation it is necessary to draw up an interrogation plan, specifying in it the circumstances to be clarified, questions and their sequence, a list of evidence and ways of presenting them, tactical techniques. At the same time the subject of the interrogation, as well as the list of questions to be asked to the witness, will differ for each category of medical workers. The development of classifications of medical workers from among the witnesses will allow the investigator to obtain reliable and complete testimony about the circumstances of the adverse outcome of medical care.

Key words: investigation of iatrogenic crimes, categories of medical workers, preparation for interrogation, subject of interrogation, interrogation situations

*For citation: Racheva N., Bandurina D. (2024) Some features of the interrogation of medical workers in cases of iatrogenic crimes. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 36–50, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_4_36.*

Уровень знаний и умений врача должен обеспечивать его основное назначение – сохранение здоровья, облегчение страдания, спасение жизни людей¹. Однако в последние годы намечается тенденция к увеличению количества ятрогенных преступлений, совершаемых медицинскими работниками. В качестве причин распространения данной тенденции можно выделить незнание врачом основ медицинской психологии, несоблюдение медицинской этики, невнимательность, неосторожность, некачественное проведение диагностической или лечебной манипуляции и т. д.²

Между тем не любой недостаток при оказании медицинской помощи может привести к неблагоприятным последствиям. Ученые разделяют понятие недостатка и дефекта в оказании медицинской помощи. Так, доктор медицинских наук Ю. И. Пиголкин отмечает, что под недостатком в оказании медицинской помощи следует понимать любое несоответствие медицинской помощи стандартам объема и качества, требованиям нормативных актов, принципам медицинской практики и теоретическим знаниям. В то время как дефект в оказании медицинской помощи – это такой недостаток в ее оказании, который явился причиной наступившего неблагоприятного исхода либо имел с ним прямую причинно-следственную связь. Основное отличие недостатка от дефекта заключается в том, что недостаток в оказании медицинской помощи может не быть причиной неблагоприятного исхода и не иметь с ним прямой причинно-следственной связи, в то время как дефект такую связь с неблагоприятным исходом имеет либо и вовсе выступает непосредственной причиной возникновения этого исхода³.

В. И. Акопов отмечает, что некоторые авторы включают ятрогению в понятие врачебной ошибки. С точки зрения ученого, врачебная (медицинская) ошибка – дефект в работе, который не относится к юридическим понятиям и не предусматривает юридической вины медицинского работника⁴.

М. М. Яковлев выделяет следующие виды преступных нарушений в лечебно-медицинской деятельности: диагностические, лечебно-тактические, технические, организационные, деонтологические⁵.

Увеличение количества ятрогенных преступлений повлекло создание в 2018 г. в структуре Следственного комитета РФ отделов по расследованию ятрогенных пре-

¹ Акопов В. И. Юридические основы деятельности врача: учеб.-метод. пособие для студентов мед. вузов. М.: Экспертное бюро-М, 1997. С. 77.

² Акопов В. И. Медицинское право: современное здравоохранение и право граждан на охрану здоровья: учеб.-практ. пособие для практикующих юристов и врачей. Ростов н/Д.: Феникс: Закон и общество, 2012. С. 262.

³ Судебная медицина: учеб. / под ред. Ю. И. Пиголкина. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. С. 377.

⁴ Акопов В. И. Судебная медицина: учеб. для магистров. М.: Юрайт, 2012. С. 417.

⁵ Яковлев М. М. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступлений, связанных с профессиональной деятельностью: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 369–372.

ступлений. Факт создания таких специализированных отделов по расследованию преступлений, совершаемых медицинскими работниками, свидетельствует о том, что вопросы, касающиеся расследования ятрогенных преступлений, как никогда актуальны. При этом стоит учитывать, что при расследовании ятрогенных преступлений возникает большое количество сложностей, обусловленных спецификой рассматриваемой категории преступлений. Особое внимание уделяется проведению следственных действий, поскольку именно своевременное и эффективное их проведение позволяет установить вину медицинского работника в наступлении неблагоприятного исхода медицинской помощи.

Одним из основных следственных действий, которое проводится при расследовании ятрогенных преступлений, является допрос. Как указывает В. Д. Пристансков, допрос при расследовании преступлений, совершенных медицинским работником, – одно из самых сложных следственных действий, поскольку требует от следователя не только высокой профессиональной подготовки, но и знания психологии, умения оперативно овладевать определенным объемом медицинских знаний, владения тактико-криминалистическими приемами и т. д.¹

Еще одной сложностью, связанной с проведением допроса при расследовании ятрогенных преступлений, является широкий круг лиц, которых необходимо допросить в качестве свидетелей. Всех свидетелей можно дифференцировать на три группы: медицинские работники; лица, находившиеся на лечении одновременно с пациентом в лечебно-профилактическом учреждении; родственники, друзья, знакомые потерпевшего, обладающие сведениями о состоянии его здоровья, развитии заболевания и обстоятельствах оказания ему медицинской помощи².

Представляется, что самую многочисленную группу свидетелей составляют медицинские работники. Из допросов лиц данной категории следователь может получить информацию о медицинских документах, назначенном и проводимом лечении, личности подозреваемого³. При этом допрос лиц указанной категории, как правило, связан с профессиональной корпоративностью и подчиненностью медицинских работников: большинство из них будет так или иначе стараться «выгородить» своего коллегу по разным причинам, например из-за нахождения в приятельских или дружеских отношениях, из-за нежелания испортить отношения с руководством⁴.

Предмет допроса и перечень вопросов, которые необходимо задать свидетелю, будут отличаться для каждой категории медицинских работников. В связи с этим представляется необходимым выработать классификацию медицинских работников, допрашиваемых в качестве свидетелей по делам о ятрогенных преступлениях. Разработка такой классификации позволит следователю более точно определить предмет допроса медицинского работника, что в свою очередь поможет повысить эффективность проведения данного следственного действия.

Рассмотрим категории медицинских работников, подлежащих допросу. В. Д. Пристансков указывает, что к группе свидетелей – медицинских работников следует относить: медицинских работников, непосредственно участвовавших во врачебном процессе; лиц, контролировавших качество оказания медицинской помощи; патологоанатомов; медицинских работников, проводивших различные исследования⁵. Такой же точки зрения придерживается и А. М. Багмет⁶.

¹ Пристансков В. Д. Особенности расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2007. С. 41.

² Пристансков В. Д. Теоретические и методологические проблемы расследования ятрогенных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 82.

³ Куркова Н. А., Макарова О. А. Особенности производства отдельных следственных действий по делам о ятрогенных преступлениях // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 2. С. 98.

⁴ Бутырская А. В. Проблемные аспекты расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2018. № 2. С. 17.

⁵ Пристансков В. Д. Теоретические и методологические проблемы расследования ятрогенных преступлений. С. 82.

⁶ Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности (ятрогенных преступлений): учеб.-метод. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. М. Багмета. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 57.

Л. В. Сухарникова делит медицинских работников, подлежащих допросу в качестве свидетелей, на три группы: медицинские работники, участвовавшие в оказании помощи потерпевшему и контролировавшие ее качество; медицинские работники, обладающие организационно-распорядительными функциями; младший медицинский персонал¹.

Стоит отметить, что в каждом случае круг свидетелей определяется после изучения медицинской документации и получения заключения судебно-медицинской экспертизы.

При расследовании ятрогенных преступлений зачастую назначается большое количество экспертиз. Особое место занимает судебно-медицинская экспертиза качества медицинской помощи, предусмотренная Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») и Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ (в ред. от 19 декабря 2022 г.) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации». Так, судебно-медицинская экспертиза качества медицинской помощи проводится с целью выявления нарушений, допущенных при оказании медицинской помощи. В рамках данного вида экспертизы производится оценка своевременности оказания медицинской помощи, правильности выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, степени достижения запланированного результата. Судебно-медицинская экспертиза качества медицинской помощи проводится комиссией, в составе которой обязательно должны быть врачи-клиницисты соответствующих специальностей².

Среди медицинской документации, подлежащей изучению при подготовке к допросу, можно выделить нормативную (законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и т. д.), административную (приказы, распоряжения по лечебно-профилактическому учреждению), технологическую (медицинские стандарты, руководства, инструкции, методические пособия и т. д.), производственную (медицинская карта пациента, журнал учета приема пациентов и отказов в госпитализации, контрольные карты диспансерного наблюдения, протокол операции, операционный журнал, карта анестезиологического пособия, журнал лабораторных исследований, журнал гистологических исследований, журнал рентгеновских исследований, реанимационная карта и т. д.)³.

В медицинской документации используется большое количество терминов, для понимания которых необходимы специальные познания в области медицины и охраны здоровья. Поскольку следователь, являясь специалистом в области права, не обладает достаточным для самостоятельного изучения указанной документации уровнем знаний в области медицины и охраны здоровья, при изучении медицинской документации целесообразно привлечение специалиста. Однако в связи с тем, что среди медицинских работников существует профессиональная корпоративность, в качестве специалиста целесообразно привлекать медицинского работника, не являющегося работником медицинского учреждения, в отношении которого проводятся следственные мероприятия. Также в качестве специалиста можно привлечь работников территориальных органов Министерства здравоохранения либо специалистов территориального управления Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения⁴.

Стоит отметить, что специалист может оказать содействие в получении информации о необходимости оказания пациенту именно избранного вида медицинской помощи, существовании высокого риска возникновения ятрогении на определенном этапе врачебного процесса, правильной формулировке вопросов допрашиваемому.

¹ Сухарникова Л. В. Особенности расследования неосторожного причинения вреда жизни и здоровью граждан медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 171.

² Пристансков В. Д. Особенности расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи. С. 50.

³ Там же. С. 47–48.

⁴ Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности (ятрогенных преступлений). С. 35.

Следователю необходимо проанализировать протокол допроса потерпевшего, а также составить план, в котором указать обстоятельства, подлежащие выяснению, сформулировать вопросы и их последовательность, привести перечень доказательств и способы их предъявления, определить иные тактические приемы.

Дифференцировать медицинских работников можно по такому основанию, как вид должности работника в сфере здравоохранения. Используя положения приказа Министерства здравоохранения и социального развития России от 23 июля 2010 г. № 541н (в ред. от 9 апреля 2018 г.) «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих», раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения» (далее – приказ № 541н), всех медицинских работников по должностному критерию можно разделить на две группы:

1) руководители – главный врач, заведующий структурным подразделением;

2) руководители, принимающие участие в процессе оказания медицинской помощи, и специалисты – врачи конкретных специальностей, непосредственно участвовавшие во врачебном процессе (например, хирург, инфекционист, врач общей практики и т. д.), медицинские сестры, лаборанты.

Исходя из перечисленных обязанностей главного врача и заведующего отделением, можно сделать вывод, что работники из группы руководителей будут допрашиваться относительно сведений об образовании подозреваемого; о том, проходил ли работник курсы повышения квалификации; если проходил, то когда и в каком учреждении; деловой характеристики подозреваемого; того, привлекался ли подозреваемый ранее к дисциплинарной ответственности; поступали ли ранее в отношении данного работника жалобы от пациентов. Поскольку заведующий отделением обязан осуществлять контроль за работой персонала структурного подразделения, качеством проводимого лечения, у него также необходимо выяснить, соблюдались ли стандарты оказания медицинской помощи при оказании помощи пострадавшему.

Стоит отметить, что целесообразно допрашивать сначала главного врача, а затем заведующего структурным подразделением, поскольку главный врач осуществляет руководство лечебным учреждением в целом, в то время как заведующий структурным подразделением возглавляет только конкретное подразделение внутри лечебного учреждения и координирует его работу. Заведующий структурным подразделением может быть лучше осведомлен относительно деловой характеристики подозреваемого, в таком случае показания заведующего структурным подразделением по этому вопросу будут более подробны, чем показания главного врача.

Кроме того, не стоит забывать, что возможна ситуация, при которой лицо, являющееся руководителем медицинской организации или руководителем структурного подразделения медицинской организации, самостоятельно оказывает медицинскую помощь в рамках внутреннего совместительства или совмещения в порядке ст. 60.1 и 60.2 Трудового кодекса РФ. Это подтверждается и постановлением Министерства труда и социальной защиты России от 30 июня 2003 г. № 41 (в ред. от 21 февраля 2024 г.) «Об особенностях работы по совместительству педагогических, медицинских, фармацевтических работников и работников культуры», в котором прямо указывается на возможность работы по совместительству или совмещению медицинских работников. Более того, в приказе Министерства труда и социальной защиты России от 7 ноября 2017 г. № 768н «Об утверждении профессионального стандарта „Специалист в области организации здравоохранения и общественного здоровья“» для лиц, осуществляющих управление медицинской организацией, и лиц, осуществляющих управление структурным подразделением медицинской организации, предусмотрена обязанность по исполнению трудовой функции «оказание медицинской помощи в экстренной форме». Поэтому в случае участия руководителя медицинской организации или ее структурного подразделения в оказании медицинской помощи потерпевшему допрос должен производиться с учетом особенностей допроса лиц из категории врачей-специалистов.

Говоря о медицинских работниках из группы специалистов, важно отметить, что должностные обязанности работника каждой конкретной специальности в приказе № 541н рассмотрены отдельно. Список врачей-специалистов, равно как и список их

обязанностей, достаточно обширный, поэтому рассмотрим лишь отдельных специалистов.

Так, для врачей-терапевтов, хирургов и анестезиологов-реаниматологов характерно, что:

а) большинство больных попадает к врачам более узкой специальности только после посещения терапевта;

б) зачастую ухудшение состояние пострадавшего может произойти в результате хирургического вмешательства;

в) при проведении анестезии могут возникнуть существенные осложнения.

Учитывая трудовые функции, указанные в приказе Министерства труда и социальной защиты России от 21 марта 2017 г. № 293н «Об утверждении профессионального стандарта „Врач-лечебник (врач-терапевт участковый)“», врача-терапевта необходимо допросить относительно того, когда и с какими симптомами потерпевший обратился за помощью; каким было состояние пациента на момент обращения; какой диагноз был поставлен; какие общие и специфические признаки заболевания указывали на наличие данного диагноза; назначались ли какие-либо исследования, если да, то какие; каковы были результаты указанных исследований; какое лечение было назначено; имелись ли показания для госпитализации; была ли проведена госпитализация и т. д.

Исходя из трудовых функций хирурга, перечисленных в приказе Министерства труда и социальной защиты России от 26 ноября 2018 г. № 743н (в ред. от 26 декабря 2018 г.) «Об утверждении профессионального стандарта „Врач-хирург“», врача-хирурга следует допросить относительно того, когда и с какими симптомами потерпевший обратился за помощью; как врач оценил состояние пациента на момент осмотра; какие работы и услуги оказывались для диагностики заболевания; какой диагноз был поставлен; какое лечение было назначено; имелись ли показания для проведения вмешательства, если да, то какие; проводились ли какие-либо вмешательства, если да, то какие; каково было состояние больного после проведения вмешательства; возникли ли какие-либо осложнения, если да, то какие и т. д.

Предмет допроса врачей анестезиологов-реаниматологов ввиду специфики их профессиональных обязанностей будет существенно отличаться от предмета допроса врачей, рассмотренных ранее. Трудовые функции врача анестезиолога-реаниматолога помимо приказа № 541н регламентированы приказом Министерства труда и социальной защиты России от 27 августа 2018 г. № 554н «Об утверждении профессионального стандарта „Врач – анестезиолог-реаниматолог“». Врач анестезиолог-реаниматолог обязан осматривать пациента перед операцией, подготавливать к работе и эксплуатации наркозо-дыхательную аппаратуру и аппаратуру мониторинга наблюдения, необходимые инструменты, расходные материалы и медикаменты, осуществлять анестезиологическое обеспечение операций, иных процедур, требующих обезболивания или проведения мониторинга системы дыхания и кровообращения в период их выполнения и т. д. Следовательно, врачам анестезиологам-реаниматологам следует задавать следующие вопросы: какая операция проводилась пациенту; как пациент чувствовал себя перед операцией; были ли какие-либо жалобы, если да, то какие; какая аппаратура использовалась при проведении операции; была ли она исправна; были ли подготовлены все необходимые инструменты и медикаменты; какой вид анестезии использовался при проведении операции; использовался ли данный вид анестезии в отношении пациента ранее; как пациент перенес использование данного вида анестезии; какой была реакция организма пациента на анестезию и т. д.

Таким образом, предмет допроса руководителей значительно отличается от предмета допроса специалистов: руководители (при условии, что они не участвовали в оказании медицинской помощи пострадавшему) допрашиваются в основном относительно профессионального соответствия подозреваемого предъявляемым к врачам-специалистам должностным требованиям, в то время как руководители, участвовавшие в оказании медицинской помощи, и специалисты допрашиваются относительно процесса оказания медицинской помощи и состояния пострадавшего в период оказания медицинской помощи. При этом пределы профессиональной компетенции медицинских работников различны, они регулируются в том числе ведомственными

нормативными актами, а также документами лечебных учреждений¹. Так, важно отметить, что перечень вопросов для каждого специалиста формируется с учетом его обязанностей и трудовых функций, предусмотренных приказом № 541н, профессиональными стандартами, утвержденными приказами Министерства труда и социальной защиты России, должностной инструкцией, являющейся приложением к трудовому договору медицинского работника, а также локальными актами, регламентирующими порядок и процедуру осуществления работниками отдельных действий и операций. В данном случае речь идет о технологической документации – медицинских стандартах, руководствах, инструкциях, методических пособиях.

В качестве следующего основания классификации медицинских работников из числа свидетелей можно выделить этап врачебного процесса, на котором медицинский работник принимал участие в оказании медицинской помощи потерпевшему.

В. Д. Пристансков выделяет три этапа врачебного процесса: диагностирование, лечение, преемственность².

На всех этапах лечебного процесса медицинский работник должен руководствоваться существующими стандартами оказания медицинской помощи, установленными приказами Министерства здравоохранения РФ для конкретных заболеваний (например, приказ Министерства здравоохранения РФ от 14 февраля 2023 г. № 49н «Об утверждении стандарта медицинской помощи взрослым при гастрите и дуодените (диагностика и лечение)», приказ Министерства здравоохранения РФ от 17 февраля 2021 г. № 100н «Об утверждении стандарта медицинской помощи детям при меланоме кожи и слизистых оболочек (диагностика и лечение)», приказ Министерства здравоохранения РФ от 25 февраля 2022 г. № 115н «Об утверждении стандарта медицинской помощи взрослым при подозрении на глаукому (диагностика, лечение и диспансерное наблюдение)» и т. д.).

Несоблюдение правил осуществления любого из этапов врачебного процесса может привести к неблагоприятному исходу. Речь идет о нарушении определенных видов стандартов, закрепленных в приказе Министерства здравоохранения РСФСР от 16 октября 1992 г. № 277 «О создании системы медицинских стандартов (нормативов) по оказанию медицинской помощи населению Российской Федерации». В настоящее время указанный приказ сохраняет силу. Прежде всего для качественного оказания медицинской помощи на всех этапах врачебного процесса врачом неукоснительно должны соблюдаться медико-технологические (определяют условия выполнения лечебно-диагностических мероприятий, приготовления лекарственных средств, лечебного питания, средств ухода, медицинской техники), лечебно-технологические (устанавливают перечень мероприятий и методов лечения данной нозологической формы в различных условиях), диагностические (определяют необходимые и достаточные виды диагностических мероприятий по конкретным нозологическим единицам с целью постановки диагноза и контроля за ходом лечения заболевания) стандарты, стандарты качества лечения (предусматривают соответствие проводимой диагностической и лечебной работы в каждом конкретном случае установленным лечебно-диагностическим стандартам и оценку результатов лечения в целом по нозологическим формам на основании статистических данных).

В ходе допроса важно выяснить причину отклонения от установленных правил, поскольку причиной могут быть обстоятельства, которые врач не мог и не должен был предвидеть. В таком случае говорить о наличии в действиях врача признаков состава ятрогенного преступления недопустимо.

Диагностирование – процесс установления диагноза на основе получения информации об общем состоянии здоровья пациента, проведения исследований. С точки зрения В. Д. Пристанскова, в данный этап входят: сбор анамнеза, осмотр пациента, лабораторные исследования, инструментальные исследования, консультации специалистов, оценка симптомов, постановка предварительного диагноза, дифференциальная диагностика, постановка клинического диагноза, анализ причинно-след-

¹ Замалева С. В. Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2016. С. 161.

² Пристансков В. Д. Судебно-медицинская экспертиза качества оказания медицинской помощи: организационно-тактические особенности назначения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2012. № 1. С. 264.

ственных отношений¹. По мнению Р. К. Ригельмана, к этапам, составляющим процесс диагностирования, необходимо относить оценку симптомов, постановку предварительного диагноза, дифференциальную диагностику, постановку клинического диагноза, а также анализ причинно-следственных отношений².

При постановке диагноза врачу необходимо правильно определить три компонента, составляющих диагноз: причину, болезнь и симптомы. Данные компоненты должны соответствовать друг другу: симптомы должны быть обусловлены болезнью, которой в свою очередь предшествует одна или несколько причин³.

На этапе диагностирования в оказании медицинской помощи будут принимать участие лечащий врач, врач клинической лабораторной диагностики, медицинский лабораторный техник, лаборант, специалист, проводящий инструментальные исследования (рентгенографию, компьютерную томографию, ультразвуковые исследования и т. д.), специалист, осуществляющий забор материала для гистологического исследования.

Лечащего врача необходимо допросить о времени и обстоятельствах обращения потерпевшего за медицинской помощью; о том, проводился ли осмотр; какие симптомы были выявлены в результате осмотра; какие исследования назначались; какой предварительный диагноз был поставлен; что указывало на наличие данного заболевания.

Специалистов, проводящих лабораторные, инструментальные исследования, забор материала для гистологического исследования, нужно (отдельно друг от друга) допросить относительно того, когда к ним обратился пациент; по направлению какого врача и с каким диагнозом пациент был направлен на проведение данного вида исследований; каким было общее состояние пациента на момент обращения за проведением этого вида диагностики; исправно ли было оборудование, посредством которого проводилась диагностика; каков был результат проведения диагностики.

Лечение – процесс, направленный на улучшение или сохранение здоровья пациента⁴. Составными частями процесса являются клиническое прогнозирование, сравнительная оценка эффективности и рентабельности возможных методов лечения, оценка опасности побочных эффектов лечения, выбор тактики лечения, проведение лечебных мероприятий, а также анализ результатов лечения⁵.

Представляется, что на данном этапе главную роль играет лечащий врач, выбирающий тактику, методику и объем лечения, осуществляющий наблюдение и контроль за проводимым лечением.

Лечащему врачу необходимо задавать вопросы, направленные на выяснение следующих обстоятельств: какой вид лечения был назначен пациенту (консервативный, радикальный, физиотерапевтический и т. д.); почему были выбраны именно эти тактика, методика и объем лечения; как чувствовал себя пациент в процессе лечения; имелись ли какие-либо жалобы пациента на самочувствие; выполнял ли пациент рекомендации лечащего врача; каким образом проводился контроль за проводимым лечением и т. д.

Следующий этап лечебного процесса – преемственность. Преемственность – это принятие решения о дальнейшем оказании пациенту необходимой медицинской помощи: выбор места и времени оказания такой помощи, выбор способа транспортировки к месту оказания последующей медицинской помощи, передача соответствующей медицинской документации по месту дальнейшего наблюдения пациента и т. д.⁶

На этом этапе в процессе оказания медицинской помощи появляются новые участники – бригада скорой помощи. В соответствии с положениями Правил организации деятельности выездной бригады скорой медицинской помощи, утвержденных при-

¹ Пристансков В. Д. Особенности расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи. С. 9.

² Ригельман Р. Как избежать врачебных ошибок. Книга практикующих врачей / пер. с англ. М.: Практика, 1994. С. 19–82.

³ Там же. С. 10.

⁴ Волкова Н. И., Волков А. В. Некоторые вопросы качества оказания медицинской помощи // Южно-Российский журнал терапевтической практики. 2022. № 3(4). DOI: 10.21886/2712-8156-2022-3-4-116-124.

⁵ Ригельман Р. Указ. соч. С. 43.

⁶ Пристансков В. Д. Особенности расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи. С. 10.

казом Министерства здравоохранения РФ от 20 июня 2013 г. № 388н (в ред. от 21 февраля 2020 г.) «Об утверждении Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи», выездные бригады скорой медицинской помощи по своему составу подразделяются на врачебные и фельдшерские. Общепрофильная фельдшерская выездная бригада включает либо двух фельдшеров скорой медицинской помощи и водителя, либо фельдшера скорой медицинской помощи, медицинскую сестру (медицинского брата) и водителя. Общепрофильная врачебная выездная бригада скорой медицинской помощи включает врача скорой медицинской помощи, фельдшера и (или) медицинскую сестру, а также водителя.

В особых случаях может понадобиться помощь санитарной авиации, в состав бригады которой входят пилоты, врач или фельдшер, анестезиолог-реаниматолог.

Указанных медицинских работников следует допросить о том, когда и с каким диагнозом поступил пострадавший; из какого учреждения в какое был перенаправлен пациент; в связи с чем он был перенаправлен в другое лечебное учреждение; позволяло ли состояние пациента производить транспортировку; как прошла транспортировка; как чувствовал себя пациент во время транспортировки и после нее.

Таким образом, медицинских работников, принимавших участие в оказании медицинской помощи на этапе диагностирования, стоит допрашивать в основном относительно постановки диагноза и исследований, проводимых на данном этапе. Лиц, принимавших участие в оказании медицинской помощи на этапе лечения, необходимо допрашивать относительно тактики и методики проведения лечения. Работникам, участвовавшим в процессе оказания медицинской помощи на этапе преемственности, следует задавать вопросы, касающиеся транспортировки пациента к месту оказания последующей помощи, передачи соответствующих документов по месту нового наблюдения, содержания данных документов. При этом стоит отметить, что всем медицинским работникам каждой из указанных категорий необходимо задавать вопросы, направленные на установление того, в каком состоянии находился пациент на том или ином этапе оказания медицинской помощи.

В основание другой классификации медицинских работников могут быть положены условия, при которых медицинский работник оказывает медицинскую помощь: в условиях стационара либо дневного стационара, в амбулаторных условиях или вне медицинской организации.

В соответствии со ст. 32 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинская помощь вне медицинской организации оказывается по месту вызова бригады скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи, а также в транспортном средстве при медицинской эвакуации; амбулаторно медицинская помощь оказывается в условиях, не предусматривающих круглосуточного медицинского наблюдения и лечения, в том числе на дому при вызове медицинского работника; в дневном стационаре медицинская помощь оказывается в условиях, предусматривающих медицинское наблюдение и лечение в дневное время, но не требующих круглосуточного медицинского наблюдения и лечения; стационарно медицинская помощь оказывается в условиях, обеспечивающих круглосуточное медицинское наблюдение и лечение. Таким образом, круг лиц, которых необходимо допросить, будет варьироваться в зависимости от условий оказания медицинской помощи пациенту.

Так, при оказании медицинской помощи вне медицинской организации необходимо в обязательном порядке допросить лиц, входящих в бригаду скорой помощи, которая оказывала медицинскую помощь потерпевшему. Членам бригады стоит задать вопросы, касающиеся времени поступления вызова; времени прибытия на вызов; состояния пациента; симптомов заболевания; результатов проведенного осмотра; принятых мер.

В случае обращения за помощью в рамках обязательного медицинского страхования оказание медицинской помощи амбулаторно непосредственно связано с территориально-участковым принципом оказания медицинской помощи, согласно которому за лечебными учреждениями закрепляются определенные территории, разделенные на участки. За каждым участком закрепляется определенный медицинский работник. Исходя из этого в круг лиц, подлежащих допросу в качестве свидетелей

при оказании медицинской помощи амбулаторно, будут входить медицинские работники, осуществляющие медицинскую помощь на участке, куда обращался потерпевший за помощью. В частности, это может быть участковый терапевт, участковый педиатр, акушер-гинеколог женской консультации. Данных лиц необходимо допросить относительно того, когда и с какими жалобами потерпевший обратился за медицинской помощью; проводился ли осмотр пациента; какой диагноз был поставлен; какие симптомы указывали на наличие данного диагноза; какое лечение было назначено; выполнял ли потерпевший указания врача; на какое число была назначена дата повторного приема.

Говоря о медицинских работниках дневного стационара, стоит отметить, что в соответствии с Рекомендованными штатными нормативами дневного стационара, утвержденными приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 15 мая 2012 г. № 543н (в ред. от 21 февраля 2020 г.) «Об утверждении Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению», предусмотрены следующие должности медицинских работников в учреждениях дневного стационара: заведующий дневным стационаром, врачи-терапевты, медицинские сестры (в том числе процедурные и старшие), а также санитары.

Заведующий дневным стационаром относится к категории руководителей, поэтому предметом допроса будет соответствие подозреваемого требованиям, предъявляемым к занимаемой им должности, характеристика его деловых качеств. В ходе допроса также необходимо задавать вопросы о том, соблюдались ли стандарты оказания медицинской помощи при оказании помощи пострадавшему. Если заведующий дневным стационаром самостоятельно принимал участие в оказании медицинской помощи пострадавшему, то его стоит допросить непосредственно относительно обстоятельств оказания медицинской помощи и состояния пострадавшего на момент ее оказания.

Относительно допроса врача-терапевта дневного стационара стоит отметить, что помимо указанных выше стандартных вопросов, задаваемых врачу-терапевту, необходимо выяснить, был ли эффект от лечения в дневном стационаре, а в случае необходимости – установить причины, по которым врач-терапевт не выявил отсутствие эффекта от проводимого лечения в дневном стационаре или при возникновении показаний для круглосуточного медицинского наблюдения и лечения, а также при отсутствии возможности проведения дополнительных обследований по медицинским показаниям не направил пациента для проведения дополнительных обследований и (или) лечения в стационарных условиях.

Согласно ст. 34 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в стационарных условиях специализированная медицинская помощь оказывается врачами-специалистами и включает в себя профилактику, диагностику и лечение заболеваний и состояний, требующих использования специальных методов и сложных медицинских технологий, а также медицинскую реабилитацию. Таким образом, при причинении вреда жизни или здоровью пациента в стационарных условиях основными лицами, которых необходимо допросить, будут врачи-специалисты, осуществлявшие лечение потерпевшего.

Помимо стандартных вопросов о назначенном лечении и его обоснованности, необходимо выяснить наличие у потерпевшего показаний, требующих оказания специализированной медицинской помощи в условиях стационара, которые перечислены в приказе Министерства здравоохранения РФ от 2 декабря 2014 г. № 796н (в ред. от 27 августа 2015 г.) «Об утверждении Положения об организации оказания специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи». К таким показаниям, в частности, относится наличие или подозрение на наличие заболевания или состояния: требующего оказания помощи в экстренной или неотложной форме для диагностики и лечения; требующего оказания помощи в плановой форме в целях профилактики, диагностики, лечения, реабилитации; представляющего угрозу жизни и здоровью окружающих; риск развития осложнений при проведении пациенту медицинских вмешательств, связанных с диагностикой и лечением; отсутствие возможности оказания помощи в условиях дневного стационара в связи с возрастом пациента или инвалидностью I группы.

Таким образом, в предмет допроса медицинских работников, оказывающих помощь вне медицинской организации, будут входить сведения, касающиеся времени вызова, общего состояния потерпевшего, назначенного лечения. Предмет допроса медицинских работников, оказывающих помощь амбулаторно, будет схож с предметом допроса врачей-специалистов. Предмет допроса медицинских работников, оказывающих помощь в дневном стационаре и стационаре, будет несколько шире, поскольку медицинские работники должны быть допрошены относительно обстоятельств, указывающих на необходимость и целесообразность стационарного лечения.

Стоит отметить, что приведенный в настоящей статье перечень оснований для классификации медицинских работников, подлежащих допросу в качестве свидетелей, не является исчерпывающим. Могут быть и иные основания классификации.

В ходе допроса медицинских работников складываются различные ситуации. В большинстве случаев при допросе работников из числа руководителей (главного врача, заведующего структурным подразделением), а также работников, принимающих участие в оказании медицинской помощи на этапе преемственности (бригады скорой помощи, санитарной авиации), возникают бесконфликтные ситуации. Как правило, допрос таких свидетелей не вызывает затруднений. В этих случаях тактические приемы применяются для выяснения и уточнения обстоятельств, составляющих предмет допроса. Целесообразно применять такие приемы, как создание обстановки доверия путем поддержания психологического контакта с допрашиваемым, постановка уточняющих и дополняющих вопросов. Уточняющие вопросы позволят детально выяснить обстоятельства отдельных фактов описываемых действий, а также устранить неточности в показаниях, связанные с «неудачной» формулировкой мысли допрашиваемым. Дополняющие вопросы ставятся перед допрашиваемым для того, чтобы воссоздать наиболее полную картину произошедшего, восполнив пробелы, допущенные на стадии свободного рассказа. Если допрос проводится спустя длительное время после окончания расследуемого события, то применяются общие приемы оживления памяти.

С учетом профессиональной корпоративности и подчиненности медицинских работников допрос иногда проводится в условиях конфликтной ситуации. При возникновении конфликта целесообразно использование таких тактических приемов, как обращение к положительным качествам свидетеля, предъявление доказательств, указывающих на то, что свидетель говорит неправду (например, заключение судебно-медицинской экспертизы, показания потерпевшего и других участников исследуемого события, медицинских документов и т. д.), максимальная детализация показаний с целью выявления противоречий и их последующего опровержения.

При этом противоречия в показаниях допрашиваемого могут быть как внутренние (например, свидетель может указывать, что подозреваемый осуществлял лечение пациента в соответствии с установленными стандартами оказания медицинской помощи, а затем – что не назначил пациенту лекарственный препарат, входящий в перечень обязательных препаратов при лечении заболевания), так и внешние (например, противоречия в показаниях допрашиваемого свидетеля с показаниями потерпевшего, заключением судебно-медицинской экспертизы объема и качества медицинской помощи, показаниями других свидетелей и т. д.). Если применение тактических приемов не устраняет конфликтную ситуацию, следует еще раз напомнить свидетелю об уголовной ответственности за дачу ложных показаний¹.

Учитывая специфику данных преступлений, и в конфликтных, и в бесконфликтных ситуациях необходимо использовать экспертное заключение. В бесконфликтной ситуации экспертное заключение может предъявляться для восстановления в памяти допрашиваемого деталей имевших место событий, уточнения показаний допрашиваемого. При возникновении конфликтной ситуации предъявление заключения эксперта допрашиваемому лицу, скрывающему какую-либо информацию, способствует изменению позиции допрашиваемого, обеспечению получения достоверных показаний об обстоятельствах произошедшего события².

¹ Криминалистика: учеб. для бакалавров / под ред. Л. Я. Драпкина. М.: Юрайт, 2012. С. 344.

² Тузлукова М. В. Особенности оценки и использования заключений судебных экспертов при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел о ятрогенных преступлениях // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. № 15(4). С. 78.

Для того чтобы сделать вывод о том, какие сведения об обстоятельствах произошедшего в действительности могут сообщить свидетели из числа медицинских работников, обратимся к правоприменительной практике. Рассмотрим приговор Советского районного суда г. Воронежа от 1 октября 2018 г. по делу № 1-120/2018.

В больницу поступил пациент, который по результатам проведения диагностических мероприятий решением дежурного врача-уролога был направлен в урологическое отделение для проведения операции под спинномозговой анестезией. Для подготовки операции и обеспечения пациенту анестезии врач-уролог пригласил дежурного врача – анестезиолога-реаниматолога М.

По результатам осмотра пациента М. не нашла препятствий для проведения ему запланированного оперативного вмешательства под спинномозговой анестезией. При введении препарата М. пренебрегла техникой выполнения спинномозговой анестезии и ввела анестетик не в спинномозговое, а в эпидуральное пространство. В связи с этим была обезболена лишь зона первого этапа операции, после чего обезболивающее действие анестетика закономерно должно было прекратиться.

В ходе операции врачами-хирургами был установлен новый клинический факт, послуживший основанием для принятия решения о проведении дополнительного операционного вмешательства. М. приняла решение о дополнительной анестезии и переводе пациента на общий наркоз. С этой целью медицинская сестра-анестезист по указанию М. ввела пациенту препараты. Однако до момента введения данной анестезии, в связи с проведением хирургических манипуляций второго этапа операции, на фоне прекращения действия регионарной анестезии, осуществленной М. ненадлежащим образом, у пациента стало развиваться шоковое состояние. Развившийся шок тяжелой степени не являлся необратимым процессом, проведение противошоковых мероприятий и устранение причины его возникновения позволили бы закономерно его купировать.

Однако М., проигнорировав установленные до проведения вмешательства анатомические особенности верхних дыхательных путей пациента, дала указание медицинской сестре-анестезисту о введении пациенту миорелаксанта. После этого М. попыталась интубировать пациента, чтобы перевести на искусственное дыхание, однако из-за анатомических особенностей его дыхательных путей, которые она не приняла во внимание, попытка оказалась неудачной.

Далее, вместо того чтобы после первой неудачной попытки интубации немедленно вызвать бригаду эндоскопистов и ввести внутривенный наркоз, М. дала указание медицинской сестре-анестезисту о повторном введении пациенту миорелаксанта и предприняла повторную попытку интубации пациента, которая также оказалась неудачной.

Состояние шока, в котором находился пациент, усугубилось, последующие попытки интубации, проведение трахеостомии вызванными в операционную специалистами положительного эффекта не принесли. Наступила клиническая смерть пациента.

Между ненадлежащим исполнением М. своих профессиональных обязанностей, заключающимся в совокупности допущенных ею недостатков, и наступившими последствиями в виде смерти пациента имеется прямая причинно-следственная связь.

В судебном заседании исследованы документы об образовании М., копия приказа о принятии ее на работу, копия должностной инструкции, являющейся приложением к заключенному с ней трудовому договору.

В приговоре суда упомянуты следующие показания свидетелей из числа медицинских работников:

1) показания главного врача больницы, который пояснил, что входит в обязанности анестезиолога, каково оснащение больницы оборудованием, необходимым для проведения подобных вмешательств, дал характеристику профессиональным качествам М.;

2) показания заведующего отделением анестезиологии и реанимации, который пояснил, что для интубации максимально предусмотрены две попытки, так как любое вмешательство в область ротоглотки травматично и вызывает отек, уже после первой неудачной попытки надо «поменять руку», но эти правила нигде не закреплены;

3) показания врача-уролога, выявившего показания для проведения операции пациенту, врача-хирурга, проводившего операцию, врача-уролога, участвовавшего в операции. Все они описали фактические обстоятельства произошедшего, состоя-

ние пациента на момент осмотра и момент проведения операции и пояснили, что не могут оценить объемы, тактику и методику применяемой М. анестезии, а также правильность проведения реанимационных мероприятий, поскольку эти вопросы не относятся к их медицинскому профилю;

4) показания медицинской сестры-анестезиста, которая оказывала помощь М., операционной медицинской сестры отделения урологии, которые также описали обстоятельства произошедшего, состояние пациента, указали, что все оборудование было исправно, все необходимые препараты имелись;

5) показания врача анестезиолога-реаниматолога, описавшего обстоятельства произошедшего, причину его вызова для помощи М., состояние пациента на момент попытки проведения повторной интубации;

6) показания врача-эндоскописта, указывавшего, что на момент его привлечения для помощи в проведении реанимационных мероприятий во рту пациента находилось большое количество алой крови со сгустками, наблюдалась резкая отечность тканей. Эти сгустки мешали в его работе, так как забивали биопсийный канал прибора. Попытки санации содержимого из ротоглотки и гортаноглотки не привели к возможности открыть гортанное пространство, так как сгустков было очень много. Совокупность этих факторов не позволила ему интубировать пациента с помощью фибробронхоскопа;

7) показания медицинской сестры отделения реанимации и интенсивной терапии, которая дополнительно пояснила, что по указанию врачей она приносила в операционную набор для трудной интубации;

8) показания врача-оториноларинголога по обстоятельствам выполнения им экстренной трахеостомии.

Учитывая исследованные в судебном заседании документы, полученные при расследовании дела доказательства, включая показания свидетелей, оформленные протоколом допроса, пояснения свидетелей в самом судебном заседании, положения ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», приказа № 541н, а также должностные инструкции врача анестезиолога-реаниматолога отделения анестезиологии-реаниматологии, суд признал М. виновной в совершении преступления и квалифицировал ее действия как причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей.

Подводя итог, можно сказать, что к особенностям допроса медицинских работников по делам о ятрогенных преступлениях относится широкий круг лиц, подлежащих допросу. Медицинские работники из числа свидетелей данного вида преступлений могут быть классифицированы по следующим основаниям:

1) «должностной критерий»: данная классификация позволяет отграничить предмет допроса руководителей (профессиональное соответствие подозреваемого предъявляемым к врачам-специалистам должностным требованиям) от предмета допроса врачей-специалистов и руководителей, участвовавших в оказании медицинской помощи (процесс оказания медицинской помощи и состояние пострадавшего в период оказания медицинской помощи);

2) этап врачебного процесса, на котором медицинский работник принимал участие в оказании медицинской помощи потерпевшему: эта классификация позволяет разграничить предмет допроса медицинских работников, принимавших участие в оказании медицинской помощи на этапе диагностирования (постановка диагноза, проводимые на данном этапе исследования), на этапе лечения (тактика и методика проведения лечения), на этапе преемственности (транспортировка пациента к месту оказания последующей помощи, передача документов по месту нового наблюдения, содержание таких документов);

3) условия, при которых медицинский работник оказывает медицинскую помощь: критерий позволяет разграничить предметы допроса лиц, оказывающих медицинскую помощь в условиях стационара либо дневного стационара (обстоятельства оказания медицинской помощи и состояния больного, а также обстоятельства, указывающие на необходимость и целесообразность стационарного лечения), в амбулаторных условиях (касается в основном обстоятельств оказания медицинской помощи и состояния больного) или вне медицинской организации (сведения, касающиеся времени вызова, общего состояния потерпевшего, назначенного лечения).

Как показано выше, предметы допроса медицинских работников характеризуются определенными различиями. Поэтому при подготовке к допросу следователю необходимо выяснить, как медицинский работник должен был поступить, т. е. какие профессиональные действия он обязан был выполнить, чем они регламентированы, было ли адекватным поведение пациента на момент выполнения медицинским работником указанных действий.

В ходе допроса следует использовать тактические приемы и их комплексы в соответствии с факторами, которые влияют на их выбор. Показания медицинских работников, занимающих определенные должности в сфере здравоохранения, осуществляющих врачебный процесс на любой стадии, а также условия, при которых медицинский работник оказывал помощь, позволят следователю выяснить причины отклонения от правил, послуживших основанием возникновения ятрогенного дефекта и ятрогении, и установить связи ятрогении с неблагоприятным исходом.

Список литературы

Акопов В. И. Судебная медицина: учеб. для магистров. М.: Юрайт, 2012. 440 с.

Акопов В. И. Медицинское право: современное здравоохранение и право граждан на охрану здоровья: учеб.-практ. пособие для практикующих юристов и врачей. Ростов н/Д.: Феникс: Закон и общество, 2012. 377 с.

Акопов В. И. Юридические основы деятельности врача: учеб.-метод. пособие для студентов мед. вузов. М.: Экспертное бюро-М, 1997. 256 с.

Бутырская А. В. Проблемные аспекты расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2018. № 2. С. 17–19.

Волкова Н. И., Волков А. В. Некоторые вопросы качества оказания медицинской помощи // Южно-Российский журнал терапевтической практики. 2022. № 3(4). С. 116–124. DOI: 10.21886/2712-8156-2022-3-4-116-124.

Замалеева С. В. Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2016. 217 с.

Криминалистика: учеб. для бакалавров / под ред. Л. Я. Драпкина. М.: Юрайт, 2012. 831 с.

Куркова Н. А., Макарова О. А. Особенности производства отдельных следственных действий по делам о ятрогенных преступлениях // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 2. С. 94–101.

Пристансков В. Д. Особенности расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2007. 60 с.

Пристансков В. Д. Судебно-медицинская экспертиза качества оказания медицинской помощи: организационно-тактические особенности назначения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2012. № 1. С. 262–268.

Пристансков В. Д. Теоретические и методологические проблемы расследования ятрогенных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 122 с.

Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности (ятрогенных преступлений): учеб.-метод. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. М. Багмета. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 159 с.

Ригельман Р. Как избежать врачебных ошибок. Книга практикующих врачей / пер. с англ. М.: Практика, 1994. 110 с.

Судебная медицина: учеб. / под ред. Ю. И. Пиголкина. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. 496 с.

Сухарникова Л. В. Особенности расследования неосторожного причинения вреда жизни и здоровью граждан медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 253 с.

Тузлукова М. В. Особенности оценки и использования заключений судебных экспертов при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел о ятрогенных преступлениях // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. № 15(4). С. 74–81.

Яковлев М. М. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступлений, связанных с профессиональной деятельностью: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 491 с.

References

Akopov V. I. (2012) *Meditsinskoe pravo: sovremennoe zdravookhranenie i pravo grazhdan na okhranenu zdorov'ya* [Medical law: modern healthcare and the right of citizens to health protection]. Rostov-on-Don, Feniks: Zakon i obshchestvo, 377 p.

Akopov V. I. (2012) *Sudebnaya meditsina* [Forensic medicine]. Moscow, Yurait, 440 p.

Akopov V. I. (1997) *Yuridicheskie osnovy deyatel'nosti vracha* [The legal basis of a doctor's activity]. Moscow, Ekspertnoe byuro-M, 256 p.

Bagmet A. M. (Ed.) (2017) *Rassledovanie prestuplenii, sovershennykh meditsinskimi rabotnikami po neostorozhnosti (yatrogennykh prestuplenii)* [Investigation of crimes committed by medical professionals due to negligence (iatrogenic crimes)]. Moscow, YuNITI-DANA, 159 p.

Butyrskaya A. V. (2018) Problemyne aspekty rassledovaniya prestuplenii, sovershennykh meditsinskimi rabotnikami [Problematic aspects of investigating crimes committed by medical professionals]. In *Aktual'nye problemy meditsiny i biologii*, no. 2, pp. 17–19.

Drapkin L. Ya. (Ed.) (2012) *Kriminalistika* [Criminology]. Moscow, Yurait, 831 p.

Kurkova N. A., Makarova O. A. (2021) Osobennosti proizvodstva otдел'nykh sledstvennykh deistvii po delam o yatrogennykh prestupleniyakh [Features of the production of individual investigative actions in cases of iatrogenic crimes]. In *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, no. 2, pp. 94–101.

Pigolkin Yu. I. (Ed.) (2012) *Sudebnaya meditsina* [Forensic medicine]. Moscow, GEOTAR-Media, 496 p.

Pristanskov V. D. (2007) *Osobennosti rassledovaniya yatrogennykh prestuplenii, sovershaemykh pri okazanii meditsinskoi pomoshchi* [Features of the investigation of iatrogenic crimes committed in the provision of medical care]. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut General'noi prokuratury RF, 60 p.

Pristanskov V. D. (2012) Sudebno-meditsinskaya ekspertiza kachestva okazaniya meditsinskoi pomoshchi: organizatsionno-takticheskie osobennosti naznacheniya [Forensic medical examination of the quality of medical care: organizational and tactical features of the appointment]. In *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya*, no. 1, pp. 262–268.

Pristanskov V. D. (2000) *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy rassledovaniya yatrogennykh prestuplenii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Theoretical and methodological problems of the study of iatrogenic crimes: a candidate of legal sciences thesis]. Saint-Petersburg, 122 p.

Rigel'man R. (1994) *Kak izbezhat' vrachebnykh oshibok. Kniga praktikuyushchikh vrachei* [How to avoid medical errors. The book of practicing doctors], transl. from English. Moscow, Praktika, 110 p.

Sukharnikova L. V. (2006) *Osobennosti rassledovaniya neostorozhnogo prichineniya vreda zhizni i zdorov'yu grazhdan meditsinskimi rabotnikami v protsesse professional'noi deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Features of the investigation of careless harm to the life and health of citizens by medical workers in the course of professional activity: a candidate of legal sciences thesis]. Saint-Petersburg, 253 p.

Tuzlukova M. V. (2020) Osobennosti otsenki i ispol'zovaniya zaklyuchenii sudebnykh ekspertov pri rassledovanii i sudebnom razbiratel'stve ugolovnykh del o yatrogennykh prestupleniyakh [Features of the evaluation and use of the conclusions of forensic experts in the investigation and trial of criminal cases of iatrogenic crimes]. In *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy*, no. 15(4), pp. 74–81.

Volkova N. I., Volkov A. V. (2022) Nekotorye voprosy kachestva okazaniya meditsinskoi pomoshchi [Some issues of the quality of medical care]. In *Yuzhno-Rossiiskii zhurnal terapevticheskoi praktiki*, no. 3(4), pp. 116–124, DOI: 10.21886/2712-8156-2022-3-4-116-124.

Yakovlev M. M. (2006) *Problemy teorii i praktiki vyyavleniya i rassledovaniya prestuplenii, svyazannykh s professional'noi deyatel'nost'yu: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Problems of theory and practice of detection and investigation of crimes related to professional activity: a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 491 p.

Zamaleeva S. V. (2016) *Yatrogennye prestupleniya: ponyatie, sistema i voprosy kriminalizatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Iatrogenic crimes: concept, system and criminalization issues: a candidate of legal sciences thesis]. Khabarovsk, 217 p.

СООТНОШЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ И ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Аксёнов Дмитрий Игоревич

Аспирант кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0008-5962-6717, e-mail: aksenov_dima1999@mail.ru.

При регулировании и исследовании отношений с использованием персональных данных акцент делается на публично-правовом аспекте. Поэтому гражданско-правовые начала в отношениях по обработке персональных данных не получают достаточно широкого развития в доктрине. Автор устанавливает связь между персональными данными и нематериальными благами. Аргументируется определение персональных данных как информации о нематериальном благе, делается вывод о возможности распространения норм гражданского законодательства о защите нематериальных благ на отношения по обработке персональных данных.

Ключевые слова: персональные данные, информация, личное неимущественное право, нематериальное благо, согласие на использование нематериальных благ, согласие на обработку персональных данных

Для цитирования: Аксёнов Д. И. Соотношение нематериальных благ и персональных данных // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 4. С. 51–57. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_4_51.

THE RELATIONSHIP BETWEEN INTANGIBLE BENEFITS AND PERSONAL DATA

Aksyonov Dmitry

Postgraduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0008-5962-6717, e-mail: aksenov_dima1999@mail.ru.

When regulating and researching relations with the use of personal data, greater emphasis is placed on the public law aspect. As a result, the civil law principles in the relationship of personal data processing are not widely developed in the doctrine. This work is aimed at establishing a link between personal data and intangible benefits. The definition of personal data as information about an intangible good is argued, and a conclusion is made about the possibility of extending the norms of civil legislation on the protection of intangible benefits to personal data processing relationships.

Key words: personal data, information, personal non-property right, intangible benefit, consent to the use of intangible benefits, consent to the processing of personal data

*For citation: Aksyonov D. (2024) The relationship between intangible benefits and personal data. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 51–57, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_4_51.*

Категория персональных данных не является новой для современных право порядков и получает достаточно широкое распространение как в практической деятельности, так и в научной доктрине. Однако в большинстве исследований, рассматривающих вопросы персональных данных, не уделяется должного внимания связи персональных данных и нематериальных благ. В отношениях по обработке или иному использованию персональных данных речь идет об информации. Представляется,

что используемая информация по своей гражданско-правовой природе является нематериальным благом и подлежит регулированию в том числе гражданским законодательством в силу ст. 2 Гражданского кодекса РФ.

Определение связи и выявление гражданско-правовых начал в категории персональных данных позволит при их использовании распространить положения гражданского законодательства о нематериальных благах и способах их защиты на отношения по обработке персональных данных, что будет способствовать более эффективному регулированию отношений между субъектом персональных данных и оператором персональных данных.

Для исследования проблематики соотношения нематериальных благ и персональных данных в настоящей работе будут рассмотрены и определены признаки нематериальных благ, персональных данных и установлен характер связи между ними.

Наличие личных неимущественных прав признавалось еще на заре развития юриспруденции. Уже в Институциях Гая говорилось, что у гражданина имеются личные права¹. А. Х. Ульбашев указывал, что «древние римляне хорошо понимали, что правовой статус гражданина во многом определяется степенью его личной свободы»². Несмотря на признание личных неимущественных прав граждан и их нематериальных благ, учение о личных неимущественных правах граждан получило широкое доктринальное и законодательное развитие позже, чем другие институты частного права.

Наибольшее научное и законодательное развитие личных неимущественных прав граждан произошло в XX в. Именно тогда были созданы фундаментальные работы, посвященные вопросам личного неимущественного права, среди них стоит особо отметить труды И. А. Покровского³, Е. А. Флейшиц⁴, М. Н. Малеиной⁵, Л. О. Красавчиковой⁶. А. Х. Ульбашев полагает, что развитию института личных неимущественных прав также послужили две мировые войны, которые обозначили важность прав человека и необходимость их защиты⁷. С этим сложно не согласиться, ведь именно в XX в. была создана Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. и окончательно закрепившая гарантии прав и личных свобод на надгосударственном уровне. Все эти события свидетельствуют о признании важности защиты и охраны прав человека, в том числе личных неимущественных.

В настоящее время важность защиты личных неимущественных прав человека не оспаривается и признается всеми субъектами права. Данные права обладают рядом признаков. Так, Е. А. Флейшиц признавала личными неимущественными те личные права, которые неразрывно связаны с личностью и являются непередаваемыми и неотчуждаемыми⁸. А. Х. Ульбашев указывает, что личное неимущественное право гражданина производно от его личности⁹. Аналогичной точки зрения придерживается К. Б. Ярошенко¹⁰. Сложно не согласиться с этими мнениями. Действительно, именно тесная связь такого права с самой личностью позволяет выделить и отграничить личное неимущественное право от иных гражданских прав. Только человек может быть носителем такого права, только он может осуществлять его защиту и реализовывать его через нематериальные блага для собственной индивидуализации в гражданском обороте. Именно из этой тесной связи следует признак нематериального блага в виде невозможности его отчуждения и передачи третьим лицам (п. 1 ст. 150 ГК РФ).

¹ Гай. Институции Гая, текст и перевод. Варшава, 1891. С. 109–247. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Институции_\(Гай;_Дыдынский\)/Книга_II](https://ru.wikisource.org/wiki/Институции_(Гай;_Дыдынский)/Книга_II) (дата обращения: 31.03.2024).

² Ульбашев А. Х. Общее учение о личных правах. М.: Статут, 2019. С. 19.

³ Покровский И. А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/abstraktnyy-i-konkretnyy-chelovek-pered-litsom-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 31.03.2024).

⁴ Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015.

⁵ Малеина М. Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. М.: Знание, 1991.

⁶ Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург: УрГЮА, 1994.

⁷ Ульбашев А. Х. Указ. соч. С. 14.

⁸ Флейшиц Е. А. Указ. соч. Т. 1. С. 177.

⁹ Ульбашев А. Х. Указ. соч. С. 30.

¹⁰ Ярошенко К. Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. Гражданско-правовая защита личных имущественных прав граждан. М.: Юрид. лит., 1990. С. 9–20.

Представляется, что признаком, характеризующим нематериальное благо, выступает также отсутствие прямо выраженной денежной стоимости. В частности, М. Н. Малеина утверждала, что «указание на нематериальный характер неимущественных прав не следует понимать в том смысле, что они вообще не имеют ценности; невозможно лишь их точная оценка»¹. Точка зрения автора справедлива с той позиции, что в отношении по реализации личных неимущественных прав может присутствовать определенный экономический интерес от такой реализации, но оценить такой интерес невозможно. Однако признание возможности экономической оценки самого права приведет к смешению категорий имущественных и неимущественных прав, поэтому важно отметить, что определенное экономическое содержание, не поддающееся оценке, имеет не право само по себе, а объект в виде нематериального блага.

Полагаем, что экономическое содержание есть у следующих нематериальных благ: имя гражданина, изображение гражданина, личная и семейная тайны. Так, М. А. Рожкова указывала, что законодательство не запрещает регистрацию псевдонима в качестве товарного знака, и приводила в качестве примера товарный знак «Витас»². Изображение гражданина как его нематериальное благо может иметь определенную экономическую ценность в силу известности самого человека. Например, киноактера просят сняться в рекламном ролике, в котором, кроме изображения гражданина и продукции рекламодателя, нет ничего; в данном случае само лицо гражданина является как бы гарантом качества продукции³. Обоснованно можно говорить, что у нематериальных благ имеется экономическое содержание, несмотря на отсутствие объективных критериев определения их денежного выражения. Таким образом, отношения с использованием нематериальных благ могут иметь экономическое содержание, которое выражается деньгами.

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к выводу, что нематериальные блага обладают следующими признаками:

- 1) неотчуждаемость и непередаваемость от лица, обладающего благом;
- 2) отсутствие прямо выраженной денежной стоимости нематериального блага.

Для установления наличия связи между персональными данными и нематериальными благами, помимо определения признаков нематериальных благ, также необходимо раскрыть категорию персональных данных и выделить их признаки.

Персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) (п. 1 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»; далее – ФЗ «О персональных данных»). Большинство авторов, раскрывая категорию персональных данных, делают акцент на том, что персональные данные представляют собой сведения⁴, информацию⁵ либо иные данные. Внимание в работах, посвященных персональным данным, акцентируется именно на определении информационной составляющей персональных данных⁶, технических особенностях их обработки и обеспечения безопасности такой обработки⁷. Однако нельзя не отметить, что авторами затрагивается связь персональных данных и личных неимущественных прав, но не дается должной правовой оценки такой связи⁸. Представля-

¹ Малеина М. Н. Указ. соч. С. 13.

² Рожкова М. А. Творческий псевдоним как товарный знак (доклад на секции «Правовая охрана и защита прав на товарные знаки», проходившей в рамках X Международного форума «Интеллектуальная собственность – XXI век») // Закон.ру. 2017. 25 апр. URL: https://zakon.ru/blog/2017/04/25/tvorcheskij_psevdonim_kak_tovarnyj_znak (дата обращения: 31.03.2024).

³ Понявина М. Б. Методические рекомендации по повышению узнаваемости бренда посредством привлечения знаменитостей в рекламные кампании // Вестник евразийской науки. 2014. № 3(22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-rekomendatsii-po-povysheniyu-uznavaemosti-brenda-posredstvom-privlecheniya-znamenitostey-v-reklamnye-kampanii> (дата обращения: 31.03.2024).

⁴ Просветова О. Б. Защита персональных данных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. С. 6.

⁵ Покаместова Е. Ю. Правовая защита конфиденциальности персональных данных несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. С. 8.

⁶ Бундин М. В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 72–130.

⁷ Кудашкин Я. В. Правовое обеспечение безопасности обработки персональных данных в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

⁸ Бундин М. В. Указ. соч. С. 25.

ется, что для раскрытия связи между нематериальными благами и персональными данными необходимо определить признаки персональных данных.

Как указано в ст. 2 Модельного закона «О персональных данных», принятого на 14-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ¹ (далее – Модельный закон), «персональные данные – информация (зафиксированная на материальном носителе) о конкретном человеке, которая отождествлена или может быть отождествлена с ним». М. В. Бундин, характеризуя персональные данные, указывает, что это «сведения о физическом лице или относящиеся прямо или косвенно к определенному или определяемому на основании таких сведений физическому лицу...»². Из представленных дефиниций можно выделить следующие признаки персональных данных:

- 1) информация о физическом лице;
- 2) наличие связи между физическим лицом и содержанием информации.

Таким образом, ключевым в понимании существа персональных данных является то, что персональные данные представляют собой, в первую очередь, информацию. Общепринято, что информация – это сведения, воспринимаемые человеком или специальным устройством³. Таким образом, можно предположить, что информация начинает существовать только в тот момент, когда она воспринята каким-либо способом.

Другим признаком персональных данных выступает наличие связи между субъектом и содержанием информации, такая связь следует из законодательства о персональных данных. В частности, указывается, что цель закона о персональных данных состоит в том числе в защите права на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны (ст. 2 ФЗ «О персональных данных»). Категория персональных данных включает в себя, в частности, информацию о частной жизни лица, личной и семейной тайне. При этом неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна входят в предмет регулирования гражданского права, признаются нематериальным благом (п. 1 ст. 150 ГК РФ) и выступают объектом гражданских прав⁴; охрана и защита этих нематериальных благ осуществляется гражданско-правовыми способами.

Содержание нематериального блага «неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайн» составляет информация, доступ к которой невозможен для третьих лиц без получения согласия лица (ст. 152.2 ГК РФ). Нематериальное благо «имя гражданина», в содержание которого включается в том числе идентификация лица, не может быть использовано третьими лицами без получения от обладателя права на имя разрешения на такое использование (абз. 2 п. 4 ст. 19 ГК РФ). Так и использование персональных данных невозможно без получения согласия на это (кроме случаев, прямо перечисленных в законе).

Представляется, что персональные данные являются по своей правовой природе нематериальным благом, обращенным в форму воспринятой информации. Как было указано ранее, нематериальные блага обладают двумя признаками: неотчуждаемость и непередаваемость от лица, обладающего благом, и отсутствие прямо выраженной денежной стоимости нематериального блага. Персональные данные также отвечают данным признакам, поскольку персональные данные должны иметь неразрывную связь между информацией и субъектом персональных данных. И несмотря на существующий оборот персональных данных и возможное получение каких-либо экономических выгод от предоставления доступа к ним⁵, нельзя говорить о том, что персональные данные имеют прямо выраженную денежную стоимость. Наличие определенного экономического содержания при отсутствии прямого денежного выражения также сближает персональные данные с нематериальными благами.

¹ Модельный закон «О персональных данных» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901818602?marker§ion=status> (дата обращения: 31.03.2024).

² Бундин М. В. Указ. соч. С. 49.

³ Толковый словарь Ожегова онлайн: сайт. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=10048> (дата обращения: 31.03.2024).

⁴ Арзуманян А. Б. Нематериальные блага как объекты гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 8.

⁵ Тевс М. А. Продажа персональных данных де-факто: обзор оферт сервисов добровольной монетизации данных // Закон. 2023. № 9. С. 102–110.

Точка зрения о том, что персональные данные являются нематериальным благом, высказывалась В. В. Архиповым. Автор в качестве аргументов указывал, что персональные данные – это нематериальное благо с совпадающим моментом возникновения (рождение лица) либо в силу закона¹. Нельзя в полной мере согласиться с данной позицией, поскольку персональные данные, хоть и отвечают признакам нематериальных благ, имеют иной момент возникновения.

Нематериальные блага возникают с момента рождения человека либо в силу закона, существуют независимо от его воли и принадлежат лицу в полном объеме. Персональные данные же представляют собой нематериальное благо, обращенное в форму воспринятой информации. Таким образом, пока не будет дано согласие на использование нематериального блага или право на его использование не будет получено в силу указания закона и не будет выполнена определенная мыслительная деятельность по восприятию содержания нематериального блага, персональные данные не возникают. Значит, они производны от нематериальных благ.

Поскольку персональные данные производны от нематериальных благ, они должны быть неотчуждаемы и непередаваемы иным лицам, но в отношении по обработке персональных данных всегда присутствует оператор обработки персональных данных. В отношении определенных нематериальных благ законодательство прямо указывает на возможность заключения соглашений на их использование. Такими нематериальными благами являются: имя гражданина (абз. 2 п. 4 ст. 19 ГК РФ), изображение гражданина (п. 1 ст. 152.1 ГК РФ), частная жизнь гражданина (п. 1 ст. 152.2 ГК РФ). Необходимо отметить, что в случае разрешения на использование нематериального блага осуществляется передача только определенного объема прав на такое нематериальное благо, при этом само благо остается у лица, которое дало согласие на его использование. Немаловажно, что одно из оснований для обработки персональных данных – наличие согласия физического лица на такую обработку (п. 1 ч. 1 ст. 6 ФЗ «О персональных данных»). Можно предположить, что согласие на обработку персональных данных является в своем правовом значении согласием на использование нематериального блага и только после дачи такого согласия нематериальное благо, как и персональные данные, может быть использовано третьим лицом.

В законодательстве перечислены иные случаи, при которых осуществляется обработка персональных данных, однако данные случаи использования так или иначе представляют публичный интерес для государственных органов или иных публичных субъектов (ст. 6 ФЗ «О персональных данных»). Сходное положение имеется и при регулировании отношений по использованию нематериальных благ, а именно в подп. 1 п. 1 ст. 152.1 ГК РФ указывается на возможность использования изображения гражданина для государственных, общественных или иных интересов. Данные случаи выступают исключением из общего правила.

Поскольку на обработку персональных данных необходимо получить согласие, то гражданско-правовая природа персональных данных проявляется именно в отношениях по обработке данных между субъектом персональных данных и лицом, осуществляющим такую обработку.

Гражданско-правовая природа персональных данных как нематериального блага позволяет человеку использовать какие-либо информационные ресурсы от своего имени и быть полноценным участником гражданского оборота при использовании сети Интернет. Ведь одной из функций нематериальных благ, в частности права на имя, является индивидуализация субъекта гражданского оборота, на что указывал С. М. Корнеев². Представляется, что такое предположение будет обоснованным, поскольку сам по себе субъект отношений не сможет пользоваться какими-либо информационными ресурсами без участия посредника. При использовании информационных ресурсов у пользователя есть только устройство ввода, при этом доступа к данным самого лица у иных пользователей, в том числе владельцев сайтов, нет. Только предоставив организации право на использование своего, например, имени или адреса для указания его в договоре купли-продажи при онлайн-покупке, чтобы информация о совершенной операции могла попасть в информационную базу

¹ Архипов В. В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 52–68.

² Корнеев С. М. Избранное / сост. и науч. ред. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2012. С. 10.

продавца и началось фактическое исполнение заключенного договора, лицо сможет выступать полноценным участником гражданского оборота с использованием сети Интернет.

При этом, если происходит утечка персональных данных или иное нарушение правил их обработки, лицо, которое дало согласие на использование своего нематериального блага, может обратиться с исковым заявлением о запрете совершения действий, нарушающих его нематериальное благо либо с требованием о защите иным способом, предусмотренным абз. 2 п. 2 ст. 150 ГК РФ. Тем самым признание гражданско-правовой природы персональных данных позволит субъектам персональных данных использовать гражданско-правовые способы защиты в отношениях с оператором персональных данных.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: персональные данные являются по своей правовой природе нематериальным благом, обращенным в форму воспринятой информации, согласие на использование которого предоставлено владельцем личного неимущественного права. Соответственно, на отношения по обработке персональных данных должны распространяться положения гражданского законодательства в области регулирования и защиты нематериальных благ.

Список литературы

Арзуманян А. Б. Нематериальные блага как объекты гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 33 с.

Архипов В. В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 52–68.

Бундин М. В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 218 с.

Гай. Институты Гая, текст и перевод. Варшава, 1891. С. 109–247. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Институты_\(Гай;_Дыдынский\)/Книга_II](https://ru.wikisource.org/wiki/Институты_(Гай;_Дыдынский)/Книга_II) (дата обращения: 31.03.2024).

Корнеев С. М. Избранное / сост. и науч. ред. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2012. 311 с.

Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург: УрГЮА, 1994. 435 с.

Кудашкин Я. В. Правовое обеспечение безопасности обработки персональных данных в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 199 с.

Малеина М. Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. М.: Знание, 1991. 128 с.

Покаместова Е. Ю. Правовая защита конфиденциальности персональных данных несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. 24 с.

Покровский И. А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 10. С. 202–213. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/abstraktnyy-i-konkretnyy-chelovek-pered-litsom-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 31.03.2024).

Понявина М. Б. Методические рекомендации по повышению узнаваемости бренда посредством привлечения знаменитостей в рекламные кампании // Вестник евразийской науки. 2014. № 3(22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-rekomendatsii-po-povysheniyu-uznavaemosti-brenda-posredstvom-privlecheniya-znamenitostey-v-reklamnye-kampanii> (дата обращения: 31.03.2024).

Просветова О. Б. Защита персональных данных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 22 с.

Рожкова М. А. Творческий псевдоним как товарный знак (доклад на секции «Правовая охрана и защита прав на товарные знаки», проходившей в рамках X Международного форума «Интеллектуальная собственность – XXI век») // Закон.ру. 2017. 25 апр. URL: https://zakon.ru/blog/2017/04/25/tvorcheskij_pseudonim_kak_tovarnyj_znak (дата обращения: 31.03.2024).

Тевс М. А. Продажа персональных данных де-факто: обзор оферт сервисов добровольной монетизации данных // Закон. 2023. № 9. С. 102–110.

Толковый словарь Ожегова онлайн: сайт. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=10048> (дата обращения: 31.03.2024).

Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015. 512 с.

Ульбашев А. Х. Общее учение о личных правах. М.: Статут, 2019. 225 с.

Ярошенко К. Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. Гражданско-правовая защита личных имущественных прав граждан. М.: Юрид. лит., 1990. 174 с.

References

Arzumanyan A. B. (2008) *Nematerial'nye blaga kak ob"ekty grazhdanskikh prav: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Intangible benefits as objects of civil rights: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Krasnodar, 33 p.

Arkhipov V. V. (2018) Problema kvalifikatsii personal'nykh dannykh kak nematerial'nykh blag v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki, ili Net nichego bolee praktichnogo, chem khoroshaya teoriya [Personal data as nonmaterial values (or there is nothing more practical than a good theory)]. In *Zakon*, no. 2, pp. 52–68.

Bundin M. V. (2009) *Personal'nye dannye v sisteme informatsii ogranichennogo dostupa: dis. ... kand. yurid. nauk* [Personal data in the restricted access information system: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 218 p.

Fleishits E. A. (2015) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: in 2 vols.* [Selected works on civil law: in 2 vols.]. Moscow, Statut, vol. 1, 512 p.

Gai (1891) *Institutsii Gaya, tekst i perevod* [Guy's Institute, text and translation]. Varshava, pp. 109–247, available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/Institutsii_\(Gai;_Dydynskii\)/Kniga_II](https://ru.wikisource.org/wiki/Institutsii_(Gai;_Dydynskii)/Kniga_II) (accessed: 31.03.2024).

Korneev S. M. (2012) *Izbrannoe* [Selected works], ed. by P. V. Krasheninnikov. Moscow, Statut, 311 p.

Krasavchikova L. O. (1994) *Ponyatie i sistema lichnykh neimushchestvennykh prav grazhdan (fizicheskikh lits) v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii* [The concept and system of personal non-property rights of citizens (individuals) in the civil law of the Russian Federation]. Ekaterinburg, UrGYuA, 435 p.

Kudashkin Ya. V. (2020) *Pravovoe obespechenie bezopasnosti obrabotki personal'nykh dannykh v seti Internet: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal security of personal data processing on the Internet: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 199 p.

Maleina M. N. (1991) *Zashchita lichnykh neimushchestvennykh prav sovetskikh grazhdan* [Protection of personal non-property rights of Soviet citizens]. Moscow, Znanie, 128 p.

Pokamestova E. Yu. (2006) *Pravovaya zashchita konfidentsial'nosti personal'nykh dannykh nesovershennoletnikh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal protection of the confidentiality of personal data of minors: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Voronezh, 24 p.

Pokrovskii I. A. (2015) Abstraktnyi i konkretnyi chelovek pered litsom grazhdanskogo prava [An abstract and concrete person in the face of civil law]. In *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, no. 10, pp. 202–213, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/abstraktnyy-i-konkretnyy-chelovek-pered-litsom-grazhdanskogo-prava> (accessed: 31.03.2024).

Ponyavina M. B. (2014) Metodicheskie rekomendatsii po povysheniyu uznavaemosti brenda posredstvom privilecheniya znamenitostei v reklamnye kampanii [Guidelines for improving brand awareness by attracting celebrities in advertising campaigns]. In *Vestnik evraziiskoi nauki*, no. 3(22), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-rekomendatsii-po-povysheniyu-uznavaemosti-brenda-posredstvom-privlecheniya-znamenitostey-v-reklamnye-kampanii> (accessed: 31.03.2024).

Prosvetova O. B. (2005) *Zashchita personal'nykh dannykh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Protection of personal data: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Voronezh, 22 p.

Rozhkova M. A. (2017) Tvorcheskii psevdonim kak tovarnyi znak (doklad na seksii «Pravovaya okhrana i zashchita prav na tovarnye znaki», prokhodivshei v ramkakh X Mezhdunarodnogo foruma «Intellectual'naya sobstvennost' – XXI vek») [Creative pseudonym as a trademark (report on the section «Legal protection and protection of trademark rights», held within the framework of the X International Forum «Intellectual Property – XXI century»)]. In *Zakon.ru*, 25 Apr., available at: https://zakon.ru/blog/2017/04/25/tvorcheskij_psevdonim_kak_tovarnyj_znak (accessed: 31.03.2024).

Tevs M. A. (2023) Prodazha personal'nykh dannykh de-fakto: obzor ofert servisov dobrovol'noi monetizatsii dannykh [De facto sale of personal data: review of voluntary data monetisation service offers]. In *Zakon*, no. 9, pp. 102–110.

Tolkovyj slovar' Ozhegova onlain [Ozhegov's explanatory dictionary online], available at: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=10048> (accessed: 31.03.2024).

Ul'bashev A. Kh. (2019) *Obshchee uchenie o lichnykh pravakh* [The general doctrine of personal rights]. Moscow, Statut, 225 p.

Yaroshenko K. B. (1990) *Zhizn' i zdorov'e pod okhranoi zakona. Grazhdansko-pravovaya zashchita lichnykh imushchestvennykh prav grazhdan* [Life and health are protected by law. Civil protection of personal property rights of citizens]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 174 p.

ПРАВО СВИДЕТЕЛЯ НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ ПРИ ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ В НАЛОГОВОМ ОРГАНЕ

Ловчикова Юлия Владимировна

Магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), ORCID: 0000-0002-7745-4938, e-mail: ylovchikovau@mail.ru.

Тема представительства в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах, актуальна, поскольку налоговое право – одна из самых быстро развивающихся отраслей российского права. Институт представительства для данной отрасли не является исключением, ему посвящена гл. 4 ч. I НК РФ, однако исходя из судебной практики можно сделать вывод, что большинство свидетелей, вызываемых в налоговый орган для дачи показаний в соответствии со ст. 90 НК РФ, не прибегают к помощи представителя ввиду незнания своего права на квалифицированную юридическую помощь либо не имеют финансовой возможности, чтобы сделать это. Вторая причина особенно важна, поскольку она нарушает принципы равенства и справедливости в налоговом праве, порождая ситуации, когда определенная категория свидетелей попадает в иные по сравнению с другими свидетелями условия, хотя между ними нет существенных различий, которые оправдывали бы данное неравенство. В процессе раскрытия темы автор исследует современное законодательство, посвященное содержанию права свидетеля на квалифицированную юридическую помощь, а также раскрывает практические вопросы, связанные с помощью юриста (адвоката) свидетелю на допросе. На основе изложенного материала предлагается оптимизация налогового законодательства с целью повышения правовой культуры граждан, а также четкого юридического оформления права свидетеля на квалифицированную юридическую помощь при даче показаний в налоговом органе.

Ключевые слова: свидетель, допрос, налоговый орган, юридическая помощь, адвокат

Для цитирования: Ловчикова Ю. В. Право свидетеля на квалифицированную юридическую помощь при даче показаний в налоговом органе // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 4. С. 58–62. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_4_58.

THE RIGHT OF A WITNESS TO QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE DURING INTERROGATION BY THE TAX AUTHORITY

Lovchikova Yulia

Master student, Higher School of Economics (Moscow), ORCID: 0000-0002-7745-4938, e-mail: ylovchikovau@mail.ru.

The topic of representation in relations regulated by legislation on taxes and fees is relevant, since tax law is one of the fastest growing branches of Russian law. The institution of representation for this industry is no exception; Chapter 4 of Part I of the Tax Code of the Russian Federation is devoted to it, however based on judicial practice we can conclude that the majority of witnesses summoned to the tax authority to testify in accordance with Art. 90 of the Tax Code of the Russian Federation do not resort to the assistance of a representative due to ignorance of their right to qualified legal assistance or do not have the financial ability to do so. The second reason is especially important because it violates the principles of equality and fairness in tax law, giving rise to situations where a certain category of witnesses finds themselves in different conditions compared to other witnesses, although there are no significant

differences between them that would justify this inequality. In the process of revealing the topic, the author examines the current legislation regarding the content of a witness's right to qualified legal assistance, and also reveals practical issues related to the assistance of a lawyer (attorney) to a witness during interrogation. Based on the above material, it is proposed to optimize the tax legislation in order to improve the legal culture of citizens, as well as clear legal formalization of the witness's right to qualified legal assistance when giving evidence to the tax authority.

Key words: witness, interrogation, tax authority, legal assistance, lawyer

*For citation: Lovchikova Yu. (2024) The right of a witness to qualified legal assistance during interrogation by the tax authority. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu juridicheskomu zhurnaluu»*, no. 4, pp. 58–62, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_4_58.*

ФНС России в своем письме от 10 февраля 2023 г. № СД-4-2/1627@ поручила налоговым органам сократить на треть количество вызовов граждан на допросы. В ведомстве привели следующую статистику: доля повесток о вызове свидетеля составляет более 43 % от всех документов, направляемых налоговым органом на бумажном носителе. При этом явка свидетелей в среднем составляет 15 %, а в отдельных регионах – не более 7 %. Возникает закономерный вопрос: по какой причине свидетели не приходят на допрос в налоговый орган?

Можно выделить следующие причины. Во-первых, незначительная ответственность за неявку на допрос без уважительной причины: штраф в размере 1000 руб. (ст. 128 Налогового кодекса РФ). Во-вторых, отсутствие у свидетеля понимания цели, задачи и процедуры допроса в налоговом органе, а также своих прав при его проведении. В совокупности эти две причины приводят к высокой пассивности граждан в отношении явки на допрос. Однако «истоки» такой пассивности кроются не столько в поведении человека, сколько в отсутствии должного правового регулирования данного контрольного мероприятия.

Допрос свидетеля при осуществлении налогового контроля регулируется ст. 90 НК РФ. Несмотря на наличие данной статьи в российском налоговом законодательстве, ее содержание не является исчерпывающим, т. е. на сегодня допрос свидетеля характеризуется значительными недостатками в правовом регулировании¹:

отсутствие правил вызова на допрос;

отсутствие нормативного закрепления продолжительности допроса и времени суток, в которое допрос недопустим;

отсутствие прямого указания на участие юриста (адвоката) в допросе и др.

В данной работе речь пойдет о праве свидетеля на квалифицированную юридическую помощь при даче показаний в налоговом органе.

Тема представительства в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах, актуальна, поскольку налоговое право – одна из самых быстро развивающихся отраслей российского права. Институт представительства для данной отрасли не является исключением, ему посвящена гл. 4 ч. I НК РФ, однако многие ученые-правоведы, исходя из судебной практики, делают вывод, что большинство свидетелей не прибегают к помощи юриста (адвоката) ввиду незнания своего права на квалифицированную юридическую помощь либо не имеют финансовой возможности, чтобы сделать это².

Вторая причина особенно важна, поскольку она нарушает принципы равенства и справедливости в налоговом праве, порождая ситуации, когда определенная категория свидетелей попадает в иные по сравнению с другими свидетелями условия, хотя между ними нет существенных различий, которые оправдывали бы данное неравенство³. Так, если представить, что на допрос в налоговый орган вызывают двух сотрудников одной и той же компании, занимающих сходные должности (например,

¹ Попов Н. А. Некоторые проблемы регламентации допроса как дополнительного мероприятия налогового контроля // Вестник Сургутского государственного университета. 2016. Вып. 1(11). С. 49.

² Там же. С. 52.

³ Ловчикова Ю. В. Конституционно-правовое значение принципов налогового права // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 173.

два бухгалтера), но при этом один из них более обеспечен ввиду доходов супруга и может позволить себе нанять юриста (адвоката) для представления интересов при даче показаний в налоговом органе, то в подобной ситуации нарушаются принципы равенства и справедливости. При этом Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» не содержит норм, предусматривающих оказание бесплатной юридической помощи гражданам в подобных ситуациях.

Все изложенное показывает актуальность рассматриваемой темы и необходимость ее более детального изучения. Для этого необходимо обратиться к НК РФ.

В ст. 90 НК РФ прямо не предусмотрен четкий перечень лиц, которые могут присутствовать на допросе. Тем не менее юрист (адвокат) имеет право присутствовать на допросе исходя из следующего: при проведении допроса свидетеля должно строго соблюдаться гарантированное ч. 1 ст. 48 Конституции РФ право на получение квалифицированной юридической помощи (письмо ФНС России от 17 августа 2020 г. № ЕА-4-15/13203@). Отсутствие аналогичного положения в ст. 90 НК РФ приводит к тому, что свидетели, не имеющие юридических знаний, не знают и не понимают, что имеют право на квалифицированную юридическую помощь на допросе, что часто приводит к искажению мыслей допрашиваемого или подмене понятий в протоколе. Например, сотрудник ФНС в протоколе может записать не слово «сделка», а термин «договор»; для обычного человека это синонимы, но в праве это разные понятия. В результате подмены понятий налоговый орган может исказить действительность в свою пользу и выиграть дело.

Важно подчеркнуть, что исходя из анализа ст. 29 НК РФ юрист (адвокат) не отвечает за свидетеля на вопросы налогового органа в ходе допроса, а выступает гарантом соблюдения прав допрашиваемого (письмо Минфина РФ от 18 декабря 2020 г. № 03-02-08/111223). Возникает закономерный вопрос: как юрист (адвокат) может помочь свидетелю на допросе?

Во-первых, показания свидетеля заносятся в протокол (п. 1 ст. 90 НК РФ), который в соответствии с п. 3 ст. 99 НК РФ прочитывается всеми лицами, участвовавшими в производстве действия или присутствовавшими при его проведении. Указанные лица вправе делать замечания, подлежащие внесению в протокол или приобщению к делу. Получается, что присутствие юриста (адвоката) на допросе позволяет свидетелю минимизировать риск процессуальных нарушений со стороны налогового органа, а также при наличии подобных нарушений правомерно и обоснованно заявить об этом.

Во-вторых, юрист (адвокат) может помочь свидетелю подготовиться к допросу:

1) выработать тактику поведения (например, в ответ на вопросы о конкретных сделках можно отсылать к текстам договоров и первичных документов; не стоит отвечать на вопросы с недостаточной степенью детализации, если знаете на них ответ (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22 июля 2015 г. № А60-41771/2014); не помнить какие-то моменты – это нормально, не нужно бояться говорить об этом, но не стоит отказываться отвечать на вопросы, входящие в компетенцию допрашиваемого работника¹);

2) предупредить о возможных провокационных вопросах со стороны налогового органа (например, «Ваши контрагенты утверждают, что Вы знали об отсутствии счетов-фактуры на данные товары. Правда ли это?»);

3) протестировать будущего свидетеля на уровень максимального психологического давления с целью пресечения подобного уровня давления непосредственно на допросе в налоговом органе. Здесь важно отметить, что юрист (адвокат) не может быть допрошен налоговым органом, так как в соответствии со ст. 90 НК РФ возможность допроса юриста (адвоката) налоговым органом в качестве свидетеля исключена, поэтому если в рамках «репетиции» допроса юрист (адвокат) получит какую-то информацию, то свидетелю не стоит беспокоиться об ее утечке. Такая информация не может быть получена налоговым органом в ходе допроса представителя;

4) сообщить налогоплательщику об ответственности за дачу заведомо ложных показаний (п. 5 ст. 90 НК РФ). Это также сообщает сотрудник налогового органа непо-

¹ Макогон Е. В. Допрос при налоговой проверке. Как подготовиться и что делать, если показания взяли под давлением // Юрист компании: сайт. URL: <https://e.law.ru/429830> (дата обращения: 15.05.2024).

средственно до допроса, однако юрист (адвокат) должен проконтролировать, чтобы это было сделано, а также пояснить свидетелю, какое наказание за это предусмотрено и что ни у кого нет цели запугать свидетеля.

В-третьих, при проведении допроса юрист (адвокат) видит, правильно ли свидетель понимает суть вопроса, задаваемого сотрудником налогового органа. Так, если в вопросе сотрудника ФНС содержится юридическая терминология, юрист (адвокат) вправе удостовериться, правильно ли ее понимает свидетель; если нет, то пояснить ее. Остановимся еще раз на примере с терминами «сделка» и «договор». В данной ситуации юрист (адвокат) должен пояснить свидетелю, что сделка – это действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ст. 153 Гражданского кодекса РФ), а договор – это соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (ст. 420 ГК РФ), т. е. договор является юридическим фактом, порождающим обязательство, исполнение которого и будет сделкой. Поэтому, если в вопросе фигурирует слово «договор», не нужно упоминать про сделки, основанием возникновения которых был не договор.

Более того, задача юриста (адвоката) также состоит в том, чтобы следить за формулировками задаваемых вопросов, т. е. вопрос должен быть сформулирован четко и однозначно, исключая тем самым размытые формулировки и выдачу желаемой информации за действительную. Например, инспектор задает вопрос: «Я правильно понял, что Ваша бухгалтерская отчетность ведется так-то и так-то?» Задача адвоката – убедиться, что свидетель не ответит однозначно «Да» или «Нет». Это важно, поскольку рабочий процесс может быть известен только допрашиваемому лицу, поэтому свидетель должен самостоятельно расписать процесс своей работы, исключая навязывание мнения налогового органа.

Следует также отметить, что участие свидетеля в процедуре допроса с привлеченным им юристом (адвокатом) не всегда положительно воспринимается налоговым органом, особенно если свидетель не помнит что-то либо не может конкретно ответить на вопросы. Так, в постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 октября 2023 г. № 11АП-11120/2023 налоговый орган пытался добиться, чтобы суд не прикладывал к материалам дела в качестве доказательства протоколы допросов свидетелей ввиду проведения допросов в присутствии адвокатов и того, что свидетели были не способны ответить на конкретные вопросы о деятельности организации (при этом инспекция не указывала, на какие именно вопросы не смогли, по их мнению, ответить свидетели). В данной ситуации суд отклонил требование налогового органа, поскольку наличие адвоката и незнание отдельных вопросов функционирования организации не свидетельствуют о ложном характере показаний свидетеля.

Таким образом, сегодня существуют проблемы в понимании, регулировании и применении права свидетеля на квалифицированную юридическую помощь при даче показаний в налоговом органе. На мой взгляд, для решения данных проблем необходимо внести следующие изменения в российское законодательство:

1) дополнить ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» пунктом 1.1 в следующей редакции: «граждане, которые получают доход выше величины прожиточного минимума, однако фактически не способные оплатить частные юридические услуги ввиду необходимости покупки дорогостоящих лекарств, съема жилого помещения и иных социально значимых обстоятельств, и которых вызывают в качестве свидетеля для дачи показаний в налоговый орган Российской Федерации». Это позволит расширить перечень лиц, имеющих право на бесплатную юридическую помощь, что позволит обеспечить реальное право на квалифицированную юридическую помощь свидетелю при даче показаний в налоговом органе;

2) дополнить ст. 90 НК РФ пунктом 1.1 в следующей редакции: «Физическое лицо, вызываемое в качестве свидетеля для дачи показаний налоговому органу, имеет право на квалифицированную юридическую помощь». Такое дополнение позволит напрямую в НК РФ закрепить обозначенное право свидетеля, избегая необходимости издания писем ФНС по данному вопросу и установления существования права свидетеля на квалифицированную юридическую помощь при даче показаний в налоговом органе из положений Конституции РФ.

Список литературы

Ловчикова Ю. В. Конституционно-правовое значение принципов налогового права // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 171–177.

Макогон Е. В. Допрос при налоговой проверке. Как подготовиться и что делать, если показания взяли под давлением // Юрист компании: сайт. URL: <https://e.law.ru/429830> (дата обращения: 15.05.2024).

Попов Н. А. Некоторые проблемы регламентации допроса как дополнительного мероприятия налогового контроля // Вестник Сургутского государственного университета. 2016. Вып. 1(11). С. 49–53.

References

Lovchikova Yu. V. (2023) Konstitutsionno-pravovoe znachenie printsipov nalogovogo prava [Constitutional and legal significance of the principles of tax law]. In *Voprosy rossiiskoi yustitsii*, no. 26, pp. 171–177.

Makogon E. V. (2015) Dopros pri nalogovoi proverke. Kak podgotovit'sya i chto delat', esli pokazaniya vzyali pod davleniem [Interrogation during a tax audit. How to prepare and what to do if testimony was taken under pressure]. In *Company lawyer*, available at: <https://e.law.ru/429830> (accessed: 15.05.2024).

Popov N. A. (2016) Nekotorye problemy reglamentatsii doprosa kak dopolnitel'nogo meropriyatiya nalogovogo kontrolya [Some problems of regulating interrogation as an additional tax control measure]. In *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1(11), pp. 49–53.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДОЗНАВАТЕЛЕЙ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРИМИНАЛЬНЫХ ВАЛЮТНЫХ ОПЕРАЦИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 193.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ: ЦЕЛИ И СУБЪЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Тимченко Никита Николаевич

Аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета
Российской таможенной академии (Люберцы), ORCID: 0009-0002-4543-6863,
e-mail: n.timchenko@customs-academy.ru.

В статье рассматриваются основные направления взаимодействия дознавателей таможенных органов Российской Федерации при расследовании преступления, предусмотренного ст. 193.1 Уголовного кодекса РФ. Определены субъекты взаимодействия при расследовании, цели и этапы взаимодействия. Кроме того, автором оценена важность того или иного вида взаимодействия при расследовании рассматриваемого преступления, его место в системе предварительного расследования, приведены результаты анкетирования сотрудников таможенных органов, специализирующихся на расследовании преступления, предусмотренного ст. 193.1 Уголовного кодекса РФ. Выводы основаны на обобщенных результатах изучения материалов следственно-судебной практики. Эмпирической базой данной статьи являются: 50 обвинительных приговоров судов по ст. 193.1 УК РФ за период 2022–2023 гг., а также материалы 25 дел об административных правонарушениях, возбужденных таможенными органами в аналогичном периоде по ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ и переданных для проведения доследственной проверки на предмет наличия признаков состава преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ.

Ключевые слова: валютное преступление, взаимодействие, подложные документы, нерезидент, дознание, процессуальные действия

Для цитирования: Тимченко Н. Н. Криминалистические аспекты взаимодействия дознавателей таможенных органов Российской Федерации при расследовании криминальных валютных операций, предусмотренных ст. 193.1 Уголовного кодекса РФ: цели и субъекты взаимодействия // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 4. С. 63–72. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_4_63.

FORENSIC ASPECTS OF INTERACTION BETWEEN INVESTIGATORS OF CUSTOMS AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CURRENCY TRANSACTIONS PROVIDED FOR IN ART. 193.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: GOALS AND SUBJECTS OF INTERACTION

Timchenko Nikita

Postgraduate, Russian Customs Academy (Lubertsy), ORCID: 0009-0002-4543-6863,
e-mail: n.timchenko@customs-academy.ru.

This article discusses the main areas of interaction between investigators of the customs authorities of the Russian Federation when investigating a crime under Art. 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The subjects of interaction during the investigation, the goals and stages of interaction are identified. In addition, the author assessed the importance of this or that type of interaction in the investigation of the

crime in question, its place in the system of preliminary investigation and presented the results of a survey of customs officers specializing in the investigation of the crime provided for in Art. 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusions are based on the generalized results of studying materials from investigative and judicial practice. The empirical basis of this article are: 50 court convictions under Art. 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation for the period 2022–2023, as well as materials of 25 cases of administrative offenses initiated by customs authorities in the same period under Part 1 of Art. 15.25 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and transferred for pre-investigation checking for signs of a crime under Art. 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: currency crime, interaction, forged documents, non-resident, inquiry, procedural actions

*For citation: Timchenko N. (2024) Forensic aspects of interaction between investigators of customs authorities of the Russian Federation in the investigation of criminal currency transactions provided for in Art. 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: goals and subjects of interaction. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 63–72, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_4_63.*

Преступность в сфере внешнеэкономической деятельности несет в себе существенную угрозу охраняемым уголовным законом общественным отношениям, обусловленную как сущностью объекта преступного посягательства, так и многообразием форм преступной деятельности в указанной сфере. В результате совершения противоправных деяний данной категории наносится существенный ущерб экономике государства, стабильность функционирования которой с годами приобретает все большую значимость. Одним из таких преступлений являются криминальные валютные операции, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 193.1 УК РФ.

Особая общественная опасность данного преступления в современных политических и экономических условиях существования Российского государства обусловлена его преступной целью – выводом денежных средств в валюте Российской Федерации или иностранной валюте за рубеж, существенным ущербом для экономики страны, а также отсутствием тенденции к снижению количества совершаемых преступлений. Так, согласно информации ФТС России количество уголовных дел, возбужденных таможенными органами по ст. 193.1 УК РФ в 2023 г. возросло на 15,6 % по сравнению с 2022 г. и составило 170 преступлений¹. Сумма незаконно переведенных денежных средств с использованием подложных документов составила 9,8 млрд руб. За 2022 г. количество возбужденных уголовных дел составило 147, сумма незаконно переведенных денежных средств с использованием подложных документов – более 10,5 млрд руб. При указанных обстоятельствах рассмотрение вопросов, связанных с отдельными криминалистическими аспектами расследования преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, не теряет своей актуальности.

Согласно ст. 151 УПК РФ таможенные органы наделены полномочиями по производству дознания, в том числе по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 193.1 УК РФ.

Кроме того, таможенные органы в соответствии со ст. 254 Федерального закона № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² осуществляют в пределах своей компетенции контроль за валютными операциями, связанными с перемещением товаров через таможенную границу Союза, с ввозом товаров в РФ и вывозом товаров из РФ, а также за соответствием проводимых валютных операций, связанных с перемещением товаров через таможенную границу Союза, с ввозом товаров в РФ и вывозом товаров из РФ, условиям лицензий и разрешений. Значит,

¹ Информационно-аналитический обзор правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2023 год. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravoohranitel-naya-deyatelnost-informacziya-upravleniya-tamozhennykh-rassledovaniy-i-doznaniya> (дата обращения: 19.07.2024).

² Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 26 февраля 2024 г.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

таможенные органы в пределах своей компетенции являются органами валютного контроля.

Сочетание у таможенных органов полномочий органа валютного контроля и органа дознания позволяет им осуществлять противодействие преступности, связанной с выводом денежных средств за рубеж. В связи с постоянным процессом трансформации преступности в части используемых средств и методов совершения преступлений, на наш взгляд, необходимо непрерывное совершенствование методического обеспечения деятельности таможенных органов при расследовании преступлений данной категории.

Большое значение при расследовании преступлений имеет взаимодействие лица, осуществляющего расследование по уголовному делу, с иными субъектами. Степень и качество указанного взаимодействия на первоначальном и последующем этапах расследования во многом определяют его дальнейший ход и результат.

Традиционно в криминалистике выделены две основные формы взаимодействия: процессуальная (регламентированная УПК РФ) и непроцессуальная (регулируется ведомственными и межведомственными нормативными актами либо сложившейся в том или ином правоохранительном органе практикой).

Выделим следующие виды процессуального взаимодействия:

выполнение отдельных поручений дознавателя (следователя);

привлечения оперативных и иных работников, специалистов для участия в следственных действиях;

создание следственной группы;

возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий в порядке ст. 157 УПК РФ с последующей его передачей по подследственности.

Среди непроцессуальных видов взаимодействия можно назвать:

совместную деятельность в составе следственно-оперативных групп (СОГ);

совместное составление планов следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по делу (или согласование этих планов) для наилучшего решения задач раскрытия и расследования преступлений;

взаимный обмен информацией, представляющей следственный и оперативно-розыскный интерес, между субъектами взаимодействия для решения совместных задач;

совместную разработку мер пресечения начавшегося и предупреждения готовящегося преступления и профилактических мер специального криминалистического характера по защите различного рода объектов от преступного посягательства;

совместное межведомственное обсуждение и оценку результатов следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по расследуемым преступлениям и принятие совместных решений по результатам проведенного обсуждения и др.

Отметим, что перечень непроцессуальных форм взаимодействия является открытым.

Ввиду объема и сложности вопроса, а также ограниченных рамок статьи далее мы будем говорить только о выполнении отдельных поручений дознавателя различным субъектам взаимодействия при расследовании рассматриваемого преступления.

Для начала определим, что подразумевается под взаимодействием.

Так, в области военного дела взаимодействие трактуется как совместная деятельность субъектов (сил), согласованная по целям, задачам, месту и времени проведения тех или иных действий или операций¹. В сфере правоохранительной деятельности это определение, на наш взгляд, вполне применимо, так как оно отражает существенные аспекты взаимодействия при выполнении правоохранительными органами возложенных на них задач.

Сложившиеся в научно-криминалистической парадигме общепринятые положения требуют вкладывать в понятие взаимодействия следующие признаки: общая цель взаимодействующих субъектов и согласованность их совместных действий, иногда под единым руководством².

¹ Военный энциклопедический словарь / пред. гл. ред. комиссии Н. В. Огарков. М.: Воениздат, 1983. С. 127.

² Герасимова Е. Ю. Взаимодействие следователя с оперативным и другими подразделениями полиции в целях раскрытия, расследования создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ // Российский следователь. 2024. № 4. С. 2–6.

Н. П. Яблоков взаимодействие в области правоохранительной деятельности определяет как «совместную деятельность следственных органов и оперативно-розыскных подразделений органов дознания при расследовании преступлений»¹.

Согласимся с А. Т. Анешевой во мнении, что «генеральной идеей процесса взаимодействия является то, что она совместная, а ее цель состоит в координации усилий участвующих должностных лиц по достижению задач расследования»². Данный вывод фактически отражает основные задачи взаимодействия следователя (дознавателя) с различными субъектами расследования, акцентируя внимание на коллективном характере взаимодействия, основанном на общности поставленных перед субъектами расследования задач.

Особенности совершения того или иного преступления требуют от следователя (дознавателя) не ограничиваться взаимодействием исключительно с оперативными подразделениями органа дознания, а расширять круг субъектов взаимодействия в зависимости от целей расследования. Преступление, предусмотренное ст. 193.1 УК РФ, как раз относится к их числу ввиду особенностей, выраженных в механизме его совершения, следообразования в результате совершения преступления, способах сокрытия следов.

Опрос дознавателей таможенных органов, специализирующихся на расследовании преступлений, предусмотренных ст. 193.1 УК РФ, показал, что для них основными субъектами взаимодействия при расследовании указанного преступления являются:

оперативно-розыскные подразделения ФТС России (81 %);

функциональные подразделения таможенных органов – подразделения валютного контроля (50 %);

экспертные учреждения ФТС России (50 %);

правоохранительные органы иностранных государств либо иностранные организации-контрагенты (27 %).

Важность взаимодействия дознавателей таможенных органов при расследовании уголовного дела, возбужденного по ст. 193.1 УК РФ, с оперативными подразделениями таможенных органов обусловлена, как правило, отсутствием в распоряжении дознавателя исчерпывающей информации о событии преступления либо лицах, его совершивших. Это объясняется тем обстоятельством, что данная категория преступлений редко выявляется «по горячим следам». Выявлению рассматриваемого преступления предшествует активная работа подразделений валютного контроля таможенных органов по установлению признаков фиктивности внешнеэкономической сделки с нерезидентом, признанию ее в судебном порядке ничтожной.

Полномочия дознавателя во взаимодействии с оперативными подразделениями органа дознания определены ст. 41 и 144 УПК РФ. Так, согласно ст. 144 УПК РФ дознаватель в ходе проверки сообщения о преступлении вправе давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. В соответствии со ст. 41 УПК РФ дознаватель в ходе уже возбужденного уголовного дела направляет органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также о содействии в их осуществлении.

Взаимодействие дознавателя с оперативными подразделениями органа дознания осуществляется на основе процессуальной самостоятельности и общности принимаемых действий для достижения положительного результата расследования преступления. Например, Инструкцией «О порядке взаимодействия таможенных органов Российской Федерации и их структурных подразделений...»³ определено, что

¹ Криминалистика: учеб. / отв. ред. Н. П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 361.

² Анешева А. Т. Особенности взаимодействия следователя с органами дознания по делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-розыскная деятельность. 2019. № 4. С. 136.

³ Инструкция «О порядке взаимодействия таможенных органов Российской Федерации и их структурных подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование по уголовным делам, при выявлении подготавливаемых, совершаемых или совершенных противоправных деяний, рассмотрении сообщений о преступлениях и производстве предваритель-

оперативные подразделения и дознаватель при взаимодействии исходят из самостоятельности в выборе средств и методов осуществления своей деятельности и учитывают необходимость выполнения общей задачи по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации и противодействию преступлениям, отнесенным к компетенции таможенных органов. В связи с этим закономерно, что следователь (дознаватель) при направлении письменных поручений органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий не уполномочен указывать вид необходимого к проведению оперативно-розыскного мероприятия для получения необходимых для расследования сведений и документов. Тактика проведения оперативно-розыскных мероприятий, силы и средства, подлежащие применению при их проведении, конкретные оперативно-розыскные мероприятия, необходимые для получения указанных в поручении сведений, самостоятельно определяются оперативным подразделением, получившим поручение.

Анализ материалов следственно-судебной практики по расследованию преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, позволяет выделить следующие наиболее типичные поручения, направляемые оперативным подразделениям таможенного органа.

1. На первоначальном этапе расследования:

установление фактического местонахождения офисов, складов, серверного оборудования организации;

установление фактического местонахождения руководителя организации, ее учредителя, бухгалтера и иных сотрудников организации, их контактных данных и номеров телефонов, адресов регистрации и фактического проживания;

установление информации о движимом и недвижимом имуществе, находящемся на балансе организации и принадлежащем ее руководителю;

установление информации о привлечении организации к административной ответственности по ст. 15.25 КоАП РФ с представлением копий материалов дел об административных правонарушениях.

2. На последующем этапе расследования:

проведение аналитической работы в целях установления признаков аффилированности между организациями;

установка и допрос иных интересующих следствие лиц.

3. Как на первоначальном этапе расследования, так и на последующем в зависимости от сложившейся следственной ситуации:

поручение отбора проб и образцов почерка и подписи у интересующих следствие лиц;

установление владельцев и принадлежности к оператору сотовой связи по абонентским номерам телефонов;

установление информации об IP-адресах, с которых осуществлялся вход в дистанционную систему банковского обслуживания, адреса, по которому был осуществлен денежный перевод.

Большое значение с учетом специфики рассматриваемого состава преступления, предполагающей необходимость наличия и использования определенных знаний в области банковской деятельности при расчетах по внешнеторговым контрактам, имеет взаимодействие дознавателя с функциональными подразделениями таможенного органа, в частности подразделениями валютного контроля, а также экспертными учреждениями как на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении, так и на стадии предварительного расследования.

Согласно приказу ФТС России от 24 августа 2022 г. № 671 «Об утверждении типовых положений о подразделениях валютного контроля таможенных органов Российской Федерации»¹ к функциям подразделений валютного контроля таможенного органа отнесены:

организация контроля за осуществлением резидентами и нерезидентами, не являющимися кредитными организациями и некредитными финансовыми организациями, осуществляющими виды деятельности, указанные в Федеральном законе от

ного расследования по уголовным делам» (утв. приказом ФТС России от 6 июня 2018 г. № 887) // Архив Центральной электронной таможни.

¹ URL: <https://customs.consultant.ru/documents/1153786> (дата обращения: 15.07.2024).

10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», валютных операций, связанных с перемещением товаров через таможенную границу ЕАЭС, ввозом товаров в РФ и их вывозом из РФ, а также за соответствием проводимых валютных операций, связанных с перемещением товаров через таможенную границу ЕАЭС, ввозом товаров в РФ и их вывозом из РФ, условиям лицензий и разрешений;

проведение проверки соблюдения резидентами и нерезидентами валютного законодательства, а также проверки полноты и достоверности учета и отчетности по валютным операциям резидентов и нерезидентов;

выявление в части компетенции подразделения по результатам проверок соблюдения участниками ВЭД валютного законодательства и законодательства РФ о государственном регулировании внешнеторговой деятельности фактов совершения участниками ВЭД действий (бездействия), содержащих признаки административного правонарушения и (или) состава преступления;

анализ информации, указывающей на возможную связь финансовых операций с противоправной деятельностью, направленной на незаконный вывод денежных средств из РФ;

осуществление анализа условий внешнеторговых контрактов в целях определения степени вероятности нарушения валютного законодательства и проведения финансовых операций или операций с товарами, имеющих запутанный или необычный характер, не имеющих очевидного экономического смысла или очевидной законной цели, не соответствующих целям деятельности организаций, установленным учредительными документами этих организаций, которые могут проводиться для вывода финансовых средств за рубеж и других противозаконных целей;

выявление схем незаконного вывода денежных средств из РФ, в том числе в рамках мнимых (притворных) сделок, и (или) с использованием номинальных лиц.

Как можно видеть из приведенного перечня функций подразделений валютного контроля таможенных органов, указанные подразделения обладают специальными знаниями в области определения признаков нарушений валютного законодательства, так как данные вопросы входят в их профессиональную компетенцию. Как правило, рассматриваемая категория преступлений в таможенных органах выявляется сотрудниками подразделения валютного контроля соответствующего таможенного органа, в связи с чем взаимодействие дознавателя с должностным лицом подразделения валютного контроля может осуществляться как на стадии обнаружения последних признаков преступления, так и на стадии доследственной проверки и последующего дознания.

В случае обнаружения признаков преступления должностное лицо подразделения валютного контроля направляет руководителю органа дознания (заместителю начальника таможни, курирующему правоохранительную деятельность) докладную записку, содержащую установленные к моменту ее составления данные о месте, времени, способе содеянного и лицах, подозреваемых в преступлении, с приложением документов, подтверждающих указанные обстоятельства¹.

На стадии предварительной проверки сообщения о преступлении либо в ходе проводимого дознания по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, сотрудник подразделения валютного контроля может быть привлечен в качестве специалиста к участию в процессуальных действиях на основании ст. 58 УПК РФ. Целью привлечения указанного должностного лица в качестве специалиста является подтверждение наличия признаков нарушения актов валютного законодательства Российской Федерации, которые образуют состав преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ.

Например, в ходе дознания по уголовному делу № 12304009638000001, возбужденному дознавателем Центральной электронной таможни по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 193.1 УК РФ, было вынесено постановление о назначении исследования специалиста. Специалистом на основании представленных в его распоряжение документов, связанных с валютными операциями в адрес нерезидента,

¹ Письмо ФТС России от 29 сентября 2006 г. № 01-06/34176 «О направлении методических рекомендаций» // СПС «КонсультантПлюс».

было дано заключение, согласно которому в действиях лица усматриваются признаки нарушения валютного законодательства, а именно установлены признаки совершения валютных операций по переводу денежных средств в валюте Российской Федерации на банковские счета одного или нескольких нерезидентов с представлением кредитной организации документов, содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, целях и назначении переводов, и осуществления фиктивной деятельности¹.

Необходимость привлечения специалиста при расследовании преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, также подтверждается результатами анкетирования сотрудников таможенных органов, специализирующихся на расследовании данного преступления, согласно которым 74 % опрошенных считает необходимым привлечь специалиста при расследовании.

Возникновение необходимости взаимодействия дознавателя с экспертными учреждениями при расследовании рассматриваемого преступления вызвано рядом причин:

отсутствие в распоряжении дознавателя информации и документов, прямо указывающих на подложность документов, представленных в банк;

имеющиеся у дознавателя основания полагать фиктивность представленных в банк документов на основе анализа фактических обстоятельств конкретной внешне-экономической сделки;

отсутствие у дознавателя знаний и компетенций, необходимых для подтверждения факта подложности документов, представленных в банк в качестве подтверждающих цели, основание и назначение платежа.

Активное использование лицами, совершающими преступления, различных методов подделки документов и их реквизитов (компьютерный монтаж, использование печатных форм факсимиле) фактически делает невозможным для дознавателя самостоятельное определение подложности документа или его реквизита в отсутствие прямо указывающей на это информации и документов (например, показания номинального руководителя организации о фиктивности внешнеторговой сделки).

Анализируя сложившиеся подходы к определению перечня необходимых экспертиз по смежному составу преступления, предусмотренному ст. 193 УК РФ, можно отметить позицию С. А. Пироженкова. Так, им среди основных видов экспертиз, проводимых в ходе расследования преступления, предусмотренного ст. 193 УК РФ, выделяются: судебно-бухгалтерская, судебно-экономическая, криминалистическая экспертиза документов, комплексная экспертиза конкретных компьютерных программ, фактическая экспертиза по результатам прослушивания телефонных переговоров². На наш взгляд, указанный перечень экспертиз является более чем исчерпывающим и применительно к расследованию преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, может быть ограничен судебно-экономической экспертизой и криминалистической экспертизой документов.

Примером результативности взаимодействия с экспертным учреждением могут служить фактические обстоятельства, послужившие основанием для возбуждения Новороссийской таможней дела об административном правонарушении в отношении ООО «ФУДИМПЭКС» по ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ. Так, материалами дела об административном правонарушении установлено, что согласно заключению эксперта Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления подписи в дополнительных соглашениях к контракту являются изображениями одного электронного блока реквизитов, состоящего из изображений подписи и оттиска штампа, т. е. имел место компьютерный монтаж³. На основании изложенного фиктивность представленных дополнительных соглашений к контракту установлена и подтверждена экспертным путем. Отметим, что необходимость использования экспертных зна-

¹ Наблюдательное производство № 3-3-2023-12304009638000001-2023 по уголовному делу № 12304009638000001 // Архив Центральной электронной таможни.

² Пироженков С. А. Криминалистические основы расследования преступлений, связанных с невозвращением из-за границы средств в иностранной валюте: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 138–139.

³ Постановление о назначении административного наказания по делу об административном правонарушении № 10013000-008067/2022 от 11 августа 2022 г. // Архив Московской таможни.

ний должна учитываться исходя из складывающейся следственной ситуации и имеющейся информации, которая прямо или косвенно указывает на подложность представленных документов.

Немаловажно при установлении признаков и расследовании преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, взаимодействие дознавателя с иностранными правоохранительными органами (в том числе таможенными), а также фирмами-нерезидентами в целях установления отдельных обстоятельств совершения преступления.

Взаимодействие с правоохранительными органами иностранных государств осуществляется в форме международного запроса о правовой помощи, направляемого в соответствии со ст. 453 УПК РФ. Отметим, что указанные правовые запросы направляются согласно международному договору Российской Федерации, международному соглашению или на основе принципа взаимности.

Так, в рамках Договора между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам¹ в перечень мероприятий, проводимых в рамках правовой помощи, включается: допрос свидетелей, потерпевших, экспертов, обвиняемых; производство обыска, экспертизы, осмотра и другие процессуальные действия, связанные со сбором доказательств и ряд других процессуальных мероприятий. Единственным существенным недостатком данного вида взаимодействия дознавателя является невозможность направления международного поручения в случае отсутствия договора между РФ и принимающей стороной. Частично это может преодолеваться путем заключения Российской Федерацией отдельных международных договоров, например в сфере таможенного сотрудничества. Так, согласно Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах² таможенные службы по собственной инициативе или по запросу предоставляют информацию:

полученную в ходе их обычной деятельности и которая дает все основания полагать, что серьезное таможенное правонарушение будет совершено на территории другой Стороны;

способствующую обнаружению и пресечению правонарушения;

относительно случаев, выявленных таможенной службой одной Стороны, которые касаются другой Стороны, в отношении источников поступления и маршрутов перемещения контрабандных товаров.

Как правило, международные запросы при расследовании преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, необходимы для установления факта наличия договорных отношений между резидентом и нерезидентом, осуществления отгрузок товаров, выполнения услуг со стороны нерезидента в адрес резидента, иной интересующей следствие информации.

Наглядными примерами результативности выполнения международных запросов о правовой помощи по уголовным делам могут служить следующие примеры из судебной практики.

Так, приговором Вахитовского районного суда г. Казани от 21 мая 2020 г. по делу № 1-94/2020 (1-563/2019) руководитель ООО «НПП „ЭкоИнновации“» был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 193.1 УК РФ. Материалами дела установлено, что в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении в таможенные органы Республики Казахстан было направлено поручение, в ходе выполнения которого были получены объяснения директора контрагента-нерезидента ТОО «Батыс Ет Логистик», который подтвердил факт отсутствия договорных отношений с резидентом ООО «НПП „ЭкоИнновации“» в части организации перевозки товара, являющегося предметом внешнеторгового контракта³. Указан-

¹ Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (подписан в Пекине 19 июня 1992 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах (подписано в Москве 3 сентября 1994 г.). URL: <https://customs.gov.ru/activity/mezhdunarodnoe-tamozhennoe-sotrudnichestvo/mezhdunarodnyedogovory,zaklyuchen/kitaj?page=2> (дата обращения: 17.07.2024).

³ Приговор Вахитовского районного суда г. Казани от 21 мая 2020 г. по делу № 1-94/2020 (1-563/2019). URL: https://sudact.ru/regular/doc/fMdvlsd4waK/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo (дата обращения: 20.07.2024).

ные обстоятельства подтвердили фиктивность представленных резидентом в банк международных товарно-транспортных накладных, подтверждающих основания, цели и назначение переведенных денежных средств.

В аналогичных целях осуществляется взаимодействие и с фирмой-нерезидентом. Так, согласно информации, полученной от представителей иностранной компании «Novhal Toptan Gida ve Tarim Urunleri Pazarlama Ic ve Dis Ticaret Limited Sirketi» в ходе проводимых оперативно-розыскных мероприятий, установлено, что поручений по переводу денежных средств на счета третьих лиц российскому контрагенту – ООО «ФУДИМПЭКС» – не давалось, никаких дополнительных соглашений в рамках заключенного контракта № 50 от 29 октября 2018 г. не подписывалось и не согласовывалось¹. Указанные обстоятельства указывают на фиктивность представленных в банк дополнительных соглашений в рамках заключенного контракта с нерезидентом, подтверждающих основания, цели и назначение перевода денежных средств.

Таким образом, с учетом анализа следственно-судебной практики можно прийти к выводу о том, что полученная в результате международного взаимодействия информация, в частности об отсутствии договорных отношений между контрагентами, имеет высокое тактическое значение, так как прямо указывает на фиктивность документов, представленных резидентом в банк для подтверждения оснований, целей и назначения денежного перевода в адрес нерезидента.

Отдельным направлением взаимодействия является взаимодействие с Федеральной службой по финансовому мониторингу (далее – Росфинмониторинг). Росфинмониторинг оказывает содействие правоохранительным органам в рамках уголовных дел, материалов доследственных проверок по выявлению фиктивных и аффилированных юридических лиц, совершению ими финансовых операций, составлению схем движения денежных средств и анализу имеющейся информации. Указанное взаимодействие осуществляется в рамках совместного приказа от 21 августа 2018 г. «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем»². Информационный обмен между Росфинмониторингом и правоохранительными органами включает:

выявление и проверку первичной информации о фактах легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, а также о предикатных преступлениях;

направление Росфинмониторингом на основании ст. 8 Федерального закона № 115-ФЗ информации и материалов в правоохранительные органы в соответствии с их компетенцией;

взаимодействие при производстве предварительного расследования уголовных дел.

Необходимо иметь в виду, что полученные из Росфинмониторинга материалы и сведения не подлежат использованию в качестве доказательств по уголовному делу. Информация, полученная от подразделения финансовой разведки иностранного государства, может быть использована исключительно в целях оперативной проверки или оперативного сопровождения по уголовному делу и в дальнейшем без надлежащего оформления и предварительного получения согласия соответствующего подразделения финансовой разведки иностранного государства не может быть приобщена к материалам уголовного дела и использована в суде в качестве доказательства. Легализация указанной информации осуществляется путем направления соответствующих запросов об оказании международной правовой помощи. Разрешение на использование информации запрашивается Росфинмониторингом в подразделении финансовой разведки иностранного государства при наличии соответствующей заинтересованности правоохранительного органа – инициатора запроса. Результатом взаимодействия выступает получение информации о том, что иностранные юридические лица, указанные в контрактах как контрагенты, являются компаниями «однодневками» либо содержат признаки аффилированности, т. е. среди учредите-

¹ Постановление по делу об административном правонарушении № 10013000-008067/2022 от 11 августа 2022 г. // Архив Московской таможни.

² Совместный приказ Генпрокуратуры России, Росфинмониторинга, МВД России, ФСБ России, ФТС России, СК России № 511/244/541/433/1313/80 от 21 августа 2018 г. «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем» // СПС «КонсультантПлюс».

лей, руководителей или бенефициаров установлены российские граждане. Данная информация имеет высокое ориентирующее значение и позволяет четко определить складывающуюся следственную ситуацию и с ее учетом организовать дальнейшее планирование расследования.

Таким образом, по результатам изучения отдельных аспектов взаимодействия дознавателей таможенных органов с иными субъектами в ходе расследования преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, можно прийти к выводу, что решаемые в ходе указанного взаимодействия задачи, получаемая информация имеют высокое тактическое значение для расследования вне зависимости от его этапа. На наш взгляд, рациональное использование возможностей взаимодействия, углубление и расширение его пределов при расследовании криминальных валютных операций – необходимое условие эффективного противодействия рассматриваемой категории преступности.

Список литературы

Анешева А. Т. Особенности взаимодействия следователя с органами дознания по делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-розыскная деятельность. 2019. № 4. С. 134–141.

Военный энциклопедический словарь / пред. гл. ред. комиссии Н. В. Огарков. М.: Воениздат, 1983. 863 с.

Герасимова Е. Ю. Взаимодействие следователя с оперативным и другими подразделениями полиции в целях раскрытия, расследования создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ // Российский следователь. 2024. № 4. С. 2–6.

Криминалистика: учеб. / отв. ред. Н. П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. 718 с.

Пироженков С. А. Криминалистические основы расследования преступлений, связанных с невозвращением из-за границы средств в иностранной валюте: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 189 с.

References

Anesheva A. T. (2019) *Osobennosti vzaimodeistviya sledovatelya s organami doznaniya po delam o narushenii pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv* [Peculiarities of the investigator's interactions with the authorities of investigating the case of violation of the road traffic rules and vehicle operation]. In *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. Kriminalistika. Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost'. Operativno-rozysknaya deyatel'nost'*, no. 4, pp. 134–141.

Gerasimova E. Yu. (2024) *Vzaimodeistvie sledovatelya s operativnym i drugimi podrazdeleniyami politzii v tselyakh raskrytiya, rassledovaniya sozdaniya, ispol'zovaniya i rasprostraneniya vredonosnykh komp'yuternykh programm* [The interaction between an investigator and operational and other police subdivisions for the purposes of identification and investigation of malware development, use and distribution]. In *Rossiiskii sledovatel'*, no. 4, pp. 2–6.

Ogarkov N. V. (Ed.) (1983) *Voennyi entsiklopedicheskiy slovar'* [Military encyclopedic dictionary]. Moscow, Voениzdat, 863 p.

Pirozhenkov S. A. (2005) *Kriminalisticheskie osnovy rassledovaniya prestuplenii, svyazannykh s nevozvrashcheniem iz-za granitsy sredstv v inostrannoi valyute: dis. ... kand. yurid. nauk* [The forensic basis for the investigation of crimes related to the non-return of funds in foreign currency from abroad: a candidate of juridical sciences thesis]. Nizhnii Novgorod, 189 p.

Yablokov N. P. (Ed.) (2001) *Kriminalistika: ucheb.* [Criminalistics: textbook], 2nd ed., revised and add. Moscow, Yurist", 718 p.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *О. Ю. Петрова*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная верстка *О. Ю. Петровой*

Подписано к использованию 26.10.24.
Уч.-изд. л. 6,77. Объем 1,92 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит